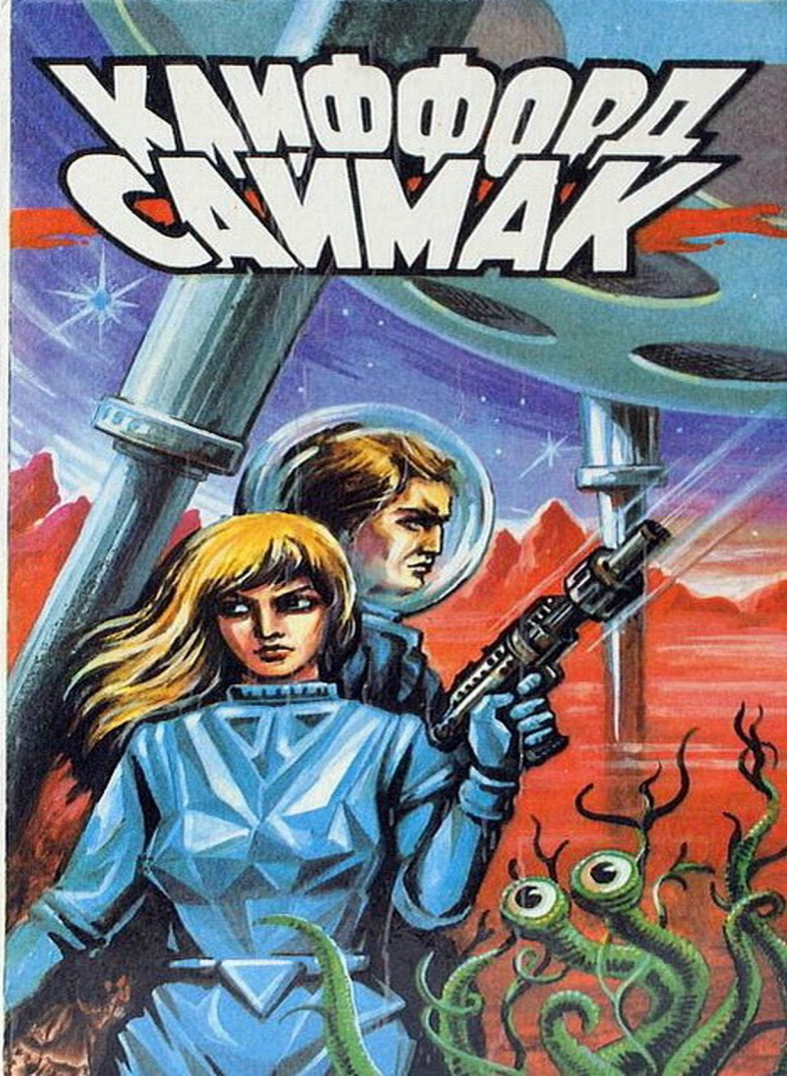
КЛИФФОРД САЙМАК



Роковая кукла
Клиффорд Дональд Саймак

Аннотация
Клиффорд Саймак. Роковая кукла
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

21
22
23
24
25
26
27
28

Аннотация

Кукла, которая способна открыть дорогу в другой, лучший мир, где тебя ждут.

Клиффорд Саймак
Роковая кукла

1

Все вокруг было белым-бело, и белизна казалась враждебной, а город выглядел строгим и равнодушным. Город высокомерно взирал на нас, он был погружен в свои мысли, и ему как будто не было дела до мирской суеты и превратностей бытия.

И все же, говорил я себе, над всем этим высятся деревья. Я вспомнил, что, когда корабль в пучке приводных лучей, пойманных нами в открытом космосе, уже спускался на посадочное поле, — тогда именно лес навел нас на мысль о загородном местечке. Наверно, мы опускаемся на деревню. Может быть, говорил я себе, на деревню, похожую на ту старую белую деревеньку в Новой Англии, которую я видел на Земле, на то селеньице, уютно расположившееся в долине веселого ручья, среди холмов, покрытых по-осеннему пламенеющими кленами. Теперь, оглядываясь вокруг, я был приятно удивлен новой встречей с райским уголком. Тихое, мирное местечко и, конечно же, здесь живут тихие и мирные существа, и их не коснулись причудливые нравы и диковинные обычаи, кото-

рых я в избытке навидался на других планетах.

Но это не деревня. И ничего общего с деревней. Меня обманул лес, возвышающийся над белизной, он напоминал мне сельский пейзаж. Нельзя было и представить себе, что деревья могут парить над городом, причем городом, разросшимся вверх настолько, что увидеть его самые высокие башни можно, только запрокинув голову.

Город врывался в небо, словно горная цепь без предгорий, резко возвышающаяся над плоской равниной. Он окружал посадочную площадку всей своей громадой, подобно высоким трибунам, овально окаймляющим спортивное поле. Когда мы смотрели на город из космоса, он был ослепительно белым. Но теперь блеск исчез, и белизна приобрела нежный бархатистый оттенок. Перед нами предстал город цвета фарфоровой безделушки, освещаемой тусклым огоньком свечи.

Город был белым, и посадочная площадка была белой, и небо — таким бледно-голубым, что тоже казалось белым. Все абсолютно белое, кроме деревьев, венчающих невероятно высокий город.

Я все еще изучал город и деревья, откинув голову, и от этого шея начала уставать. Я перевел взгляд на поле и только теперь заметил другие корабли, очень много кораблей. Кораблей даже

больше — удивился я, — чем бывало на крупных и оживленных площадках, которые я встречал в галактике. Корабли всевозможных размеров и форм, и все — белые, вот почему я не заметил их раньше. Белый цвет, сливаясь с белизной самого поля, служит им камуфляжем.

Все белое, думал я. Проклятая, целиком белая планета! И не просто белая, а особого белого цвета — кругом один и тот же фарфоровый отблеск. И город, и корабли, и само поле похожи на белые изваяния, вырезанные трудолюбивым скульптором из одной-единственной каменной глыбы.

Ничего не происходило. Ничего не двигалось. Никто не встречал нас. Город стоял как мертвый.

Вдруг сильный порыв ветра, одно сильное дуновение рвануло меня за куртку. И тут же я обратил внимание на то, что вокруг совсем нет пыли. Пыли, которую мог бы развеять ветер, или бумажных обрывков, которые бы он закрутил. Я потер ногой по земле, и трение не оставило следа. Посадочное поле было покрыто неизвестным материалом, на нем не скапливалась пыль. Поле выглядело так, словно его скоблили и чистили не больше часа тому назад.

Я услышал, как за спиной заскрипел трап. По лестнице спускалась Сара Фостер, и было за-

метно, что дурацкая баллистическая винтовка, висевшая на ремне через плечо, причиняет ей неудобство. Оружие качалось в такт ее шагам, угрожая застрять между перекладинами.

Я помог ей спуститься, и как только Сара оказалась на земле, она обернулась и изумленно уставилась на город. Изучая классические линии лица мисс Фостер и копну ее вьющихся рыжих волос, я вновь подумал, что Сара — по-настоящему красива. Только почему-то ее облику не доставало той нежной слабости, которая могла бы лишь подчеркнуть красоту.

Сара подняла руку и откинула локон. Он все время падал ей на глаза, еще с тех пор, как я впервые встретил ее.

— Я ощущаю себя муравьем, — сказала она. — Оно просто стоит там, глядя на нас сверху вниз. А вы не чувствуете взгляд?

Я покачал головой. Нет, я не чувствовал никакого взгляда.

— Каждую минуту, — сказала она, — оно может поднять лапу и раздавить нас.

— А где другие? — поинтересовался я.

— Тэкк собирает вещички, а Джордж слушает — и, как всегда, со своим тупым умиротворенным выражением. Он говорит, что он — дома!

— О, Господи!

— Вы не любите Джорджа, — сказала Сара.

— Это не так, — заметил я. — Я не обращаю на него внимания. Меня раздражает сделка сама по себе. Она бессмысленна.

— Но он привел нас сюда.

— Верно. И надеюсь, теперь он доволен.

А вот сам я не был доволен ничем. Ни величием города, ни окружающей белизной, ни спокойствием. Ни тем, что никто не вышел навстречу нам. Ни лучом, который привел нас на эту безлюдную посадочную площадку. Ни деревьями. Деревья не могут, не имеют права расти так высоко, как эти, возвышающиеся над городом.

Над нами раздался топот. Это были монах Тэкк и Джордж Смит. Джордж, громко пыхтя, пятился из люка, а Тэкк, который спускался первым, помогал его трясущимся ногам нащупать ступеньки.

— Он оступится и сломает себе шею, — сказал я, не беспокоясь особенно, если так и случится.

— Он очень крепко держится, — отметила Сара, — да к тому же Тэкк помогает ему.

Я завороженно наблюдал, как они спускаются по трапу, как монах управляет ногами слепого, как помогает ему найти ступеньку, когда тому случается ошибиться. Слепой, — твердил я

себе. — Слепой, а с ним вольный монах и женщина, любительница большой охоты — ничего себе компания для погони за дикими гусями, для поиска человека, который, возможно, вовсе не человек, а нелепая легенда. Я, должно быть, сошел с ума, — говорил я себе, — взявшись за подобное дело.

Джордж и Тэкк наконец спустились, и монах, взяв слепого за руку, повернул его лицом к городу. Сара была права относительно его глупого вида. Лицо Смита расплылось в блаженной улыбке, и это выражение в сочетании с его вялой и безучастной фигурой казалось просто неприличным.

Сара слегка тронула слепого за руку.

— Вы уверены, что это то самое место, Джордж? Вы не ошибаетесь?

Блаженство на лице слепого сменилось исступленным восторгом, наводящим страх.

— Ошибки нет, — пролепетал он, его писклявый голос снизился от волнения. — Мой друг здесь. Я слышу его, и благодаря ему, я вижу. Как будто я могу протянуть руку и коснуться его.

Он вытянул толстую коротенькую ручку, словно хотел нащупать что-то перед собой. Но то, что он хотел тронуть, существовало только в его

воображении.

Я прав — судя по всему, это безумие. Безумно считать, что слепой человек, слышащий голоса — нет, не голоса, а один единственный голос, — способен провести нас через тысячи световых лет, сначала к галактическому центру, а потом за его пределы, в неизведанную область, на планету, известную ему одному. Всегда находились люди, которые слышали голоса, но до сих пор мало кто обращал на них внимание.

— Здесь город, — объясняла слепому Сара. — Огромный белый город, а деревья — выше города, они уходят вверх и вверх на мили. Это то, что вы видите?

— Нет, — ответил Джордж, весь зачарованно обратившись в слух. — Нет, я вижу не это. Я не вижу ни города, ни деревьев, он набрал воздух. — Я вижу, — сказал он, — я вижу…

Джордж попытался найти слова, но в конце концов сдался. Он размахивал руками, и его лицо морщилось от усилия поведать нам о том, что он видит.

— Я не могу объяснить вам, — прошептал он, — я не могу подобрать слова, я теряюсь в мыслях.

— К нам идут! — сказал монах Тэкк, показывая на город. — Не разобрать, что там происходит…

Какое-то мерцание. Как будто что-то движется.

Я всмотрелся и действительно заметил мерцание. Но разглядеть что-либо еще было невозможно. Где-то там, у подножия городской стены ощущалось волнение, неотчетливое движение и блеск.

Сара смотрела в бинокль, потом она передала его мне, стянув ремень с плеча.

— Что вы думаете об этом, капитан?

Я приблизил бинокль к глазам и начал настраивать его до тех пор, пока не засек движение. Сперва я увидел передвигающееся пятно, оно медленно увеличивалось, потом распалось. Лошади? Я был изумлен. Как ни странно, но это были именно лошади. К нам скакали белые лошади — ведь если здесь и есть такие животные, то они, конечно, должны быть белыми! — и, к тому же, очень забавные лошади. Они бежали необычно, не так, как бегают лошади, они двигались неустойчивым аллюром, забавно раскачиваясь.

Когда они приблизились, я смог лучше разглядеть их. Это действительно были лошади. Настоящие лошади — изысканно стоящие уши, изогнутые шеи, раздутые ноздри, и даже гривы, хоть и неподвижные, но как будто вздыбленные ветром. Подобные изображения обычно помеща-

ют на календарях, где лошади застывают навеки в позе, выбранной для них художником. А их ноги? Нет же, не ноги, заметил я. Совсем не ноги, а полозья. Две пары полозьев — передняя и задняя, и когда лошади бежали, они поочередно касались ими земли — то раскачивались на передней, более узкой паре, то на задней.

В недоумении я опустил бинокль, передал его Саре и продолжал наблюдать за приближающимися лошадьми. Их было восемь, и все они были белые, похожие друг на друга так, что их нельзя было различить.

Сара убрала бинокль.

— Карусель, — сказала она.

— Карусель?

— Вот именно. Такая хитрая механическая штуковина, на ярмарках, или карнавалах, или в луна-парках.

Я отрицательно покачал головой.

— Я никогда не был в луна-парке. Но когда я был ребенком, у меня был конь-качалка.

Восемь лошадей стремительно приблизились и постепенно остановились. Даже на месте они продолжали слабо раскачиваться вперед и назад.

Стоящая впереди лошадь начала вещать на межкосмическом жаргоне. Этот язык уже суще-

ствовал, когда человек более двадцати веков назад появился в космосе. Он был составлен из терминов, фраз и слов, выбранных из сотни различных языков и в конце концов превратился в подобие тарабарщины, но при его помощи существа, не похожие друг на друга, все же получили возможность общаться.

— Мы — лошади-качалки, — сказала лошадь. — Меня зовут Доббин, и мы пришли, чтобы забрать вас с собой.

Пока Доббин говорил, не дрогнула ни одна частица его тела. Он просто стоял перед нами — уши стоймя, точеные ноздри, развевающаяся на несуществующем ветру грива. У меня даже сложилось впечатление, что слова, которые он произносил, исходили из его ушей.

— Думаю, они очень милы, — восхитилась Сара, и это было в ее духе. Ей действительно хотелось думать, что они «очень милы».

Доббин не моргнул и глазом в ее сторону.

— Мы настаиваем на том, чтобы вы поторопились, — сказал он. — Для каждого есть оседланная лошадь, а четверо из нас помогут вам перевезти груз. Мы не располагаем временем.

Все, что происходило, не нравилось мне, совсем не нравилось. Плевал я на эту качалку!

— Мы не любим, когда нас подгоняют, — сказал я Доббину. — Если у вас нету времени, то мы проведем ночь на корабле и отправимся завтра утром.

— Нет! Нет! — страстно возразила лошадка. — Это невозможно. С заходом солнца возникнет великая опасность. Вы должны быть спрятаны до захода солнца.

— Почему бы нам не сделать так, как он говорит? — предложил Тэкк, поплотнее закутываясь в рясу. — Мне не нравится здесь. Если время поджимает, то мы можем вернуться и собрать вещи потом.

Доббин ответил:

— Мы возьмем ваш груз сейчас. Утром будет некогда.

— Мне кажется, — заявил я Доббину, — вы спешите. И если это правда, то почему бы вам попросту не повернуться и не уйти туда, откуда вы явились? Мы сами можем позаботиться о себе.

— Капитан Росс, — решительно сказала Сара Фостер. — Я не собираюсь идти пешком, если есть шанс двигаться верхом. Я полагаю, вы ведете себя глупо.

— Очень может быть, — рассердился я, — но я терпеть не могу, когда мной командуют нахаль-

ные роботы.

— Мы — лошади-качалки, — сказал Доббин. — Мы не роботы.

— Вы человеческие качалки?

— Я вас не понимаю.

— Вас сделали люди? Я имею в виду — существа, похожие на нас?

— Я не знаю, — ответил Доббин.

— Как бы не так! — сказал я и обратился к Смиту. — Джордж!

Слепой повернул ко мне одутловатое лицо. Восторженное выражение как будто прилипло к нему.

— В чем дело, капитан?

— Скажите-ка, Джордж, когда вы толковали о том о сем со своим приятелем, не упоминался ли в ваших беседах какой-нибудь конек?

— Мой конек? Вы имеете в виду коллекционирование?

— Нет, — сказал я. — Я подразумеваю конька, который качается. Вы говорили про коня-качалку?

— Впервые слышу, — ответил слепой.

— Но ведь у вас были игрушки, когда вы были ребенком?

Слепой вздохнул.

— Не такие, как вы думаете. Я слепой от рождения. Я никогда не был зрячим. Игрушек, обычных для других детей, не было…

— Капитан, — Сара злилась, — вы нелепы. К чему все эти подозрения?

— Я объясню, — сказал я столь же злобно. — И ответ прост…

— Я знаю… Я знаю. Вы подозревали всех и каждого — и тем самым спасали свою шкуру.

— Милостивая госпожа, — вмешался Доббин, — я прошу вас, поверьте: как только зайдет солнце, вам будет угрожать страшная опасность. Я умоляю вас, я заклинаю вас, настоятельно советую отправиться с нами, и как можно скорее.

— Тэкк, — обратилась Сара к монаху, — иди и начинай спускать из корабля наши вещи, — она воинственно повернулась ко мне. — У вас есть возражения, капитан?

— Мисс Фостер, — сказал я ей. — Корабль ваш, и деньги ваши. Музыку заказываете вы.

Она взорвалась.

— Вы смеетесь надо мной. Смеялись все время. Вы никогда не доверяли моим словам! Ни одному слову!

— Я привел вас сюда, — твердо сказал я. — И выведу назад. Мы договаривались об этом. Я только

прошу, чтобы вы не усложняли мою задачу.

Но не успел я произнести эти слова, как тут же пожалел о них. Мы были на непонятной чужой планете, очень далеко от дома, и, чем затевать перебранки, лучше было бы поддерживать друг друга. Сара абсолютно права, признался я сам себе, я действительно вел себя нелепо. Но тут же я представил дело в более выгодном для себя свете. Да, быть может, я и нелеп, но только на первый взгляд. Я знал, что если уж оказался на чужой планете, надо действовать на свой страх и риск и доверять шестому чувству. У меня был богатый опыт, и я всегда выходил сухим из воды. Так же, впрочем, как и Сара, но во время путешествий ее всегда сопровождал отлично снаряженный отряд — я же всегда действовал сам по себе.

При первом же указании Сары Тэкк подоткнул рясу и быстро вскарабкался по трапу. Вскоре он уже передавал мешки со снаряжением Саре, которая стояла посередине трапа и аккуратно бросала груз к его подножию. Ничего не скажешь — эта девица еще ни разу не увильнула от работы, она всегда была в центре событий и трудилась, наверное, больше, чем другие.

— Ну, хорошо, — сказал я Доббину. — Где же ваши вьючные лошадки? И что делать дальше?

— К сожалению, — сказах Доббин, — у нас нет рук. Поэтому навьючить лошадей придется вам. Сложите все вещи им на спины, и когда вы закончите, из их животов выскочат металлические подпруги и надежно стянут груз.

— Как это просто, — удивился я.

Доббин слегка качнулся вперед, как будто кланяясь.

— Мы всегда, — сказал он, — к вашим услугам.

Раскачиваясь, к нам приблизились четыре лошади, и я начал нагружать их. Тэкк уже вытащил вещи из корабля, и Сара стала мне помогать. Тэкк закрыл люк, и когда он спустился, все уже было готово к отправлению.

Город на линии горизонта соприкасался с солнечным диском, и самые высокие башни вгрызались в светило, откусывая от него целые ломти. Это было ярко-желтое солнце, ярче, чем земное, возможно, звезда из серии «К». Конечно, корабль мог бы помочь и дать ответы на все вопросы. Ведь корабли работают на человека. Они проглатывают информацию целиком, потом расчленяют ее, затем вновь собирают воедино. Я понимал, что наш корабль знает все об этой планете и светиле. Он осведомлен о ее атмосфере и химическом составе, и он готов выдать инфор-

мацию любому, кто ее запросит. Но я не сделал этого. Я все время собирался взять с корабля лист данных, но вышло так, что табун лошадей-качалок преградил мне путь. Хотя, говорил я себе, это не имеет значения. Я могу вернуться сюда утром. Но тем не менее оттого, что я так и не заглянул в лист данных, я испытывал чувство досады.

— Доббин, — спросил я, — в чем заключается опасность? Что угрожает нам?

— Я не могу ответить на ваш вопрос, — сказал Доббин, — так как я и сам не понимаю, но я должен вас заверить, что…

— Ладно, хватит об этом!

Тэкк, тяжело дыша, пытался подсадить Смита на лошадь. Сара уже сидела верхом, важно выпрямившись. Она воплощала образ женщины, предвкушающей грандиозное приключение; собственно, все, что с ней происходило, в любом случае было необычно. Вот так горделиво восседать в седле, с забавной древней винтовкой через плечо, в костюме, словно предназначенном для бурных событий, — чем не происшествие!

Я мельком взглянул на посадочную площадку, обрамленную городскими постройками, и потому похожую на чашу. На поле не было заметно никакого движения. Солнце медленно заходило

за дома, и с запада, из-за городской стены, выплывали тени. Белые здания постепенно темнели, однако огни не зажглись.

Где же все? Где жители города? Где те, кто прибыл сюда на кораблях, которые до сих пор возвышаются над полем, подобно фантастическим надгробиям? И почему все эти корабли белые?

— Высокочтимый господин, — обратился ко мне Доббин, — не будете ли вы так любезны сесть верхом на меня? У нас мало времени.

Повеяло холодом, и я признался себе, что мне становится страшновато, хотя и не понятно отчего. Возможно, меня пугал вид города, возможно, я предчувствовал, что это поле окажется ловушкой. Возможно, страх объяснялся тем, что вокруг не было ни одной живой души, кроме лошадей-качалок. Да и живые ли они?

Но мне они казались вполне живыми. Я подошел к Доббину и, с лазерным ружьем наизготовку, запрыгнул к нему в седло.

— Здесь оружие бесполезно, — явно неодобрительно сказал Доббин.

Я не ответил. Черт возьми, это мое личное дело!

Доббин тронулся с места, и мы двинулись к городу через поле. От скачки можно было сойти с

ума: мы двигались спокойно, без резких толчков, но лошади под нами постоянно раскачивались. Казалось, мы перемещаемся не вперед, а только вверх и вниз. Мы не ощущали тряски, мы как будто пробивались сквозь бесчисленные волны.

Мы двигались, но город не приближался, еще не приобретал ясных очертаний. Я понял, что на самом деле мы были дальше от него, чем казалось сначала. Да и посадочное поле — оно тоже на самом деле было гораздо больше.

— Капитан! — завопил Тэкк.

Я повернулся к нему.

— Корабль! — пронзительно крикнул монах. — Корабль! Они что-то с ним делают!

И верно, они — дьявол разберет, кто это, — суетились вокруг нашего корабля. Рядом с машиной возвышалось механическое устройство. Оно напоминало насекомое с коротким толстым телом и очень длинной и толстой шеей, увенчанной крошечной головкой. Из его пасти в сторону корабля вырывалась воздушная струи, и там, где она касалась его обшивки, корабль становился белым, как и другие корабли-надгробия, разбросанные по полю.

Я взвыл от злости и сильно натянул поводья. С таким же успехом я мог бы попытаться оста-

новить камнепад: Доббин настойчиво двигался вперед.

— Разворачивайся! — заорал я. — Назад!

— Возвращение невозможно, высокочтимый сэр, — спокойно проговорил Доббин, ничуть не запыхавшийся от скачки. — У нас нет времени. Нам надо спешить в город, чтобы обрести там спасение.

— Клянусь Богом, время есть! — завопил я.

Я сорвал с плеча ружье и, держа его над головой Доббина, направил дуло на дорогу впереди нас. — Закройте глаза! — крикнул я своим спутникам и нажал на курок. Я прищурился, но все равно вспышка лазерного света, отраженного от земли, чуть не ослепила меня. Доббин встал на дыбы и закружился волчком. Когда я открыл глаза, мы уже мчались к кораблю.

— Вы погубите нас, — простонал Доббин. — Мы погибнем, безумец!

Оглянувшись, я убедился, что все лошадки следовали по пятам.

Оказывается, Доббин был их вожаком, и куда бы он ни направился, лошади послушно сопровождали его.

Я заметил, что в том месте на дороге, куда попал лазерный заряд, не было даже отметины, хотя я

ожидал увидеть дымящуюся воронку. Ведь след остается от любого, самого слабого выстрела.

Сара ехала, прикрыв глаза рукой.

— Вы в порядке? — спросил я.

— Идиот! — закричала она.

— Я предупредил, чтобы вы закрыли глаза, — сказал я. — Всегда бывает такая яркая вспышка.

— Ты крикнул и сразу же выстрелил, — ответила Сара. — А мы не успели.

Она отняла руку от лица и тут же зажмурила глаза, но я успел заметить, что — слава Богу! — она не пострадала. Просто был повод поблефовать, а она никогда его не упускала.

Между тем существо, которое обливало корабль, уже удалялось от нас через поле. Оно мчалось, вытянув шею вперед, с безумной скоростью. Я даже решил, что оно продвигалось на колесах или гусеницах.

— Пожалуйста, сэр, — молил Доббин. — Мы попросту теряем время. Вы ничем не поможете.

— Еще одно слово, — сказал я, — и на этот раз ты тоже получишь.

Мы приблизились к кораблю, и Доббин притормозил. Я не стал ждать, пока он остановится. Лошадка еще продолжала покачиваться, а я уже спрыгнул на землю и бежал к кораблю. Правда,

я и сам не знал, что собираюсь предпринять. Я подбежал к кораблю и увидел, что он покрыт веществом, похожим на заиндевевшее стекло. Каждый дюйм машины был затянут белой оболочкой, из-под которой нигде не проглядывал металл. Это был уже не настоящий корабль, а просто макет. Уменьшенный в размерах, он мог бы сойти за сувенирный значок.

Я прикоснулся к кораблю. Покрытие было гладкое и твердое. Теперь уже ничто не напоминало о том, что корабль сделан из металла. Я постучал по машине прикладом, и корабль зазвенел, как колокол. Звук отозвался по всему полю и эхом возвратился от городской стены.

— Что с ним? — спросила Сара. Ее голос слегка дрожал. Это был ее корабль, и он не был ей безразличен.

— Какое-то твердое покрытие, — объяснил я. — Кажется, корабль опечатан.

— Вы хотите сказать, что теперь нельзя войти внутрь?

— Не знаю. Возможно, удастся отколупать это кувалдой.

Она сделала резкое движение, и вот уже — винтовка свернута, приклад прижат к плечу. Как бы нелепо ни выглядело ее оружие, но, точно скажу,

обращаться с ним она умела.

Прозвучал выстрел, и лошадки в страхе попятились. Но громче, чем выстрел, прозвучал другой звук — неприятное завывание, почти вопль. Наш молочно-белый корабль глухо загудел под ударом пули, которая, бешено крутясь, с пронзительным свистом отскочила от его поверхности. Но белизна корабля оставалась нетронутой; в том месте, куда попала пуля, не было и следа. Не было ни трещинки, ни пятнышка, ни отметины — от пули мощностью в две тысячи фунтов!

Тогда я поднял лазерное ружье, но Доббин сказал:

— Это бессмысленно, неразумный вы человек. Здесь уж ничего не поделать.

Я со злостью обернулся к нему.

— Кажется, я предупреждал, — почти провизжал я. — Еще одно слово — и получишь в лоб!

— Насилие, — самоуверенно заметил Доббин, — не поможет. А вот пребывание здесь после захода солнца приведет к немедленной смерти.

— Но наш корабль! — отчаянно крикнул я.

— Корабль опечатан, — сказал Доббин. — Так же, как и все другие. И хорошо еще, что при этом вы оказались снаружи, а не внутри корабля.

Я знал, что Доббин был прав, хотя мне было

трудно признаться себе в этом. Вспомнив, что лазерный луч не оставил следов на поле, я вдруг понял, почему вокруг все было одинакового белого цвета. Конечно же, белое поле, белые корабли, белый город — все было покрыто одним и тем же сверхпрочным веществом, которое было невозможно разрушить.

— Я скорблю вместе с вами, — сказал Доббин без сожаления в голосе. — Я разделяю ваше возмущение. Но однажды посетивший эту планету никогда не покинет ее. Хотя это не обязательно означает смерть. Я сочувствую вам и умоляю двинуться в путь, чтобы мы могли надежно укрыться.

Я взглянул на Сару, и она незаметно кивнула. Я знал: она рассуждала так же, как я, и уже давно приняла решение. Оставаться было бесполезно. Корабль опечатан — и этим сказано все.

Утром мы, возможно, вернемся и попробуем что-нибудь предпринять. С тех пор, как мы повстречались с Доббином, он не перестает говорить об опасности. Так или иначе — но проверить это было нельзя. И единственный разумный выход — последовать за лошадкой.

Поэтому я быстро вскочил в седло, и не успел я как следует усесться, как Доббин уже развернулся

и начал свой бег.

— Мы потеряли очень много времени, — сказал он. — Но мы приложим все силы и попытаемся наверстать упущенное. Мы еще можем успеть.

Теперь уже почти все поле находилось в тени, только небо еще оставалось светлым. Из города надвигалась легкая сумрачная дымка.

Итак, вырваться с этой планеты невозможно. Так сказал Доббин, но это только слова, и ничего более. Похоже, что кто-то действительно намеревается задержать нас здесь, — и именно по этой причине опечатал наш корабль. Но должен же быть какой-нибудь выход, говорил я себе, какой-нибудь способ покинуть планету, и нам необходимо воспользоваться им. Выход можно найти всегда.

Мы приближались к городу, и он приобретал все более четкие контуры. У домов появилась форма. До сих пор они выглядели одним сплошным массивом и напоминали громадный утес на ровном поле. Здания казались высокими даже с середины поля, теперь же их крыши терялись из виду высоко в небе.

Город был по-прежнему пуст. Нигде в окнах не горел свет если, конечно, в домах вообще присутствовали окна. Возле зданий не было никакого

движения. И не было приземистых домишек, обычных для городских окраин: поле вплотную подступало к зданиям, устремленным в небесную высь.

Лошади во весь опор мчались по направлению к городу, звонко цокая полозьями — точь-в-точь табун лошадей, спасающийся от бури. Мне стоило только приноровиться к езде на лошадях-качалках, как она мне понравилась. Просто надо было расслабиться и отдаться во власть непрерывной качки.

Город все яснее маячил впереди, и теперь мы уже могли рассмотреть каменную кладку домов. Мы разглядели улицы, или по крайней мере нечто, отдаленно напоминающее улицы, — узкие пространства между домами, черные и пустые, похожие на трещины или щели в исполинской скале.

Лошадки нырнули в одну из таких щелей, и темнота сомкнулась. Свет проникал на эту улицу, только когда солнце оказывалось прямо над ней. Дома обступали нас со всех сторон, их стены возвышались вокруг — и смыкались над нами в далекой невидимой точке.

Одно из зданий стояло чуть в стороне, там, где расширялась улица. К его массивным дверям вел

просторный пандус. Туда и направились лошадки. Они преодолели подъем и вбежали в здание через открытую дверь. Мы очутились в комнате, и прямо перед нами на стене я увидел огромные прямоугольные блоки, от которых исходил неяркий свет. Лошадки мягко подкатили к одному из блоков и остановились перед ним. Тут же у стены я заметил гнома — или его подобие — маленькое горбатое, похожее на человека существо. Гном возился с диском, закрепленным в стене за светящейся каменной плитой.

— Капитан, посмотрите! — закричала Сара. Она могла бы и не кричать — я видел все не хуже ее. На светящемся блоке неотчетливо возникла картина. Это был пейзаж. Казалось, картина проступила со дна кристально-чистого моря и ее яркие краски скрыты под толщей воды, а очертания расплываются в легкой ряби на морской поверхности.

Это был кровавый пейзаж. Красная земля сливалась с лиловым небом; на горизонте, над редкими темно-красными холмами бушевала стихия, а на переднем плане ядовито желтели цветы. Я попытался сопоставить увиденное с известными мне планетами, но картина изменилась. Теперь перед нами уже были джунгли — мир, утопающий

в зелени, испещренный пронзительно яркими пятнами — наверно, тропическими цветами. Но за пышной растительностью таилось что-то враждебное. От одного только вида этого непроходимого леса я ощутил легкую дрожь.

Потом картина опять растаяла — я успел лишь взглянуть на нее — и на месте леса уже была желтая пустыня, освещенная луной и мерцающими звездами. Лунный свет серебром отражался в небе, преломляясь, падал на песчаные дюны и превращал их в пенящиеся волны.

Пустыня не испарилась из виду подобно другим картинам. Она наступала на нас, словно желая поглотить.

Я почувствовал, как Доббин бешено рванулся вперед. Я сделал отчаянную попытку удержаться и протянул руку к седлу, где должна была находиться задняя лука. Но напрасно — ее не было и в помине — и тут же я кувырком вылетел из седла.

Я упал — удар пришелся на плечо — проехал по песку и наконец остановился. Перехватило дыхание. Я с трудом встал и выругался — вернее, я только хотел выругаться, но не смог, потому что задыхался. И уже поднявшись, я увидел, что мы оказались в той самой пустыне, которая вырисовывалась на светящемся камне.

Сара упала в стороне от меня. Неподалеку, пытаясь выпутаться из рясы, уже поднимался на ноги Тэкк. Рядом с монахом ползал на четвереньках Джордж. Он скулил, как щенок, которого ночью выпихнули за дверь в чужой непонятный мир.

Вокруг простиралась пустыня, и не было ни травинки, ни капли воды, только белый свет огромной луны да мерцание звезд, разбросанных по безоблачному небу и похожих на лампочки.

— Он исчез! — хныкал Джордж, все еще стоя на четвереньках. — Я больше не слышу его! Я потерял своего друга!

Но друг Джорджа был не единственной потерей. Пропал город, да и сама планета, на которой он располагался. Мы были совсем в другом мире.

Мне не следовало браться за это дело. Я и раньше отдавал себе в этом отчет. Я не верил в успех с самого начала. А ведь удача всегда только с тем, кто верит в нее! Если уж взялся, нельзя сомневаться в успехе.

Хотя, вспомнил я, у меня не было выбора. Я был обречен с того момента, когда в первый раз увидел на Земле великолепный корабль Сары Фостер.

2

Я возвратился на Землю в тайне от всех. Хотя слово «возвратился» здесь не совсем правильное. До тех пор я никогда не бывал на этой планете. Но именно на Земле я хранил свои деньги, и к тому же Земля стала единственным местом, где я не чувствовал за собой слежки. И дело не в том, что я нарушил закон или был нечист на руку. Просто вышло так, что многие из тех, с кем я был когда-то связан, в конце концов разорились до нитки и жаждали встретиться со мной. И, конечно, они бы добились своего, не попади я на Землю, где действовало право неприкосновенности.

Корабль, на котором я приземлился, помог мне сбить этих людей с толку. Машина едва избежала участи быть похороненной на кладбище кораблей, хотя место ей было именно там. Залатанный, наспех отремонтированный, корабль больше был мне не нужен. Единственное, что от него требовалось — доставить меня на Землю. Я покинул корабль, и меня бы не огорчило, даже если бы он распался на куски. Я на Земле — и останусь здесь.

Было очевидно, что мне предстоит встреча с Земным Патрулем.

Земля гостеприимна и придерживается принципа «в тесноте, да не в обиде», но ей не помешает патруль, охраняющий планету от подозрительных личностей вроде меня.

Итак, я вошел в Солнечную систему и оказался между Землей и Солнцем. Я надеялся, что компьютер не обманул меня при расчетах. Я выжимал из своего драндулета все, что было возможно, к тому же я воспользовался солнечным притяжением, и мимо Солнца мы промчались так, как будто за нами гнались черти. Был даже один рискованный момент, когда мне показалось, что, срезав путь, мы подошли к светилу слишком близко. Но спасла радиационная защита; я сбавил скорость наполовину, и Земля оказалась прямо впереди по курсу.

Заглушив двигатель и отключив все системы, я летел по инерции в направлении к Земле. Слева, не более чем в пяти миллионах миль от меня, пронеслась Венера.

Мне повезло, и Патруль не обнаружил меня. По правде говоря, им было бы непросто это сделать. Мой корабль не оставил энергетического следа, и все его электронные устройства были отклю-

чены. Единственное, что они могли засечь — это просто груду металла, да и то небольшую. Кроме того, мне удалось миновать Солнце, а солнечная радиация затрудняет обнаружение даже посредством лучших приборов.

Конечно, с моей стороны это была безумная попытка, и на самом деле я подвергался большой опасности. Но я уже пережил множество межпланетных гонок с преследованием и, случалось, испытывал судьбу. Я рискнул и на этот раз.

На Земле существует только один космодром. Для них этого вполне достаточно, потому что корабли курсируют здесь не часто.

На Земле осталось мало людей, все они разлетелись по космическим далям. Те немногие, кто еще остался, считаются безнадежными мечтателями. Они полагают, что жизнь на планете, которая была колыбелью человечества, возвышает их над остальными.

Теперь же эти идеалисты, а также люди, подобные мне, и являются обитателями Земли. Мне говорили, что сентиментальные чудаки с Земли не более чем сборище надменных лжеаристократов, но я не опасался их. Я не собирался иметь с ними дело. Возможно, я займусь экскурсионными кораблями, которые время от времени привозят

на прародину человечества толпы паломников, или грузовыми кораблями — но не более.

Я установил корабль и ушел от него прочь. С собой у меня были две сумки, и в них вмещалось все мое добро — то немногое, что я успел схватить, когда на меня были спущены собаки. Корабль не распался на части, он просто стоял, как загнанная лошадь, и являл самое жалкое зрелище, которое только можно представить.

Недалеко от места стоянки моей развалюхи я увидел прекраснейшую из космических машин. Блестящий, изящный корабль, от которого веяло мощью, — он был похож на космическую яхту, страстно устремленную в небо. Конечно, разглядывая корабль со всех сторон, я не мог точно сказать, что скрывалось внутри. Но каждый корабль всегда говорит сам за себя, и что касается этого, то я был уверен: на него не пожалели средств. Стоя перед кораблем и изучая его, я почувствовал, как у меня чешутся руки к нему прикоснуться.

Думаю, что желание дотронуться до корабля было тем сильнее, чем лучше я понимал, что мне больше не вернуться в космос. Я вышел из игры. Мне предстоит провести остаток жизни на Земле. Иначе меня сцапают.

Я покинул посадочное поле и прошел через таможню — если это можно было так назвать. Таможенники просто выполнили необходимые формальности. Они не имели ничего против меня, как и против кого-либо другого. Все сходятся на том, что таможня — лучшее учреждение на Земле.

Я остановился в гостинице при космодроме. Устроившись в номере, я спустился в бар.

Я был немного навеселе, когда в бар вошел робот и пугливо уставился на меня.

— Вы — капитан Росс?

Неужели я снова влип в историю? — подумал я в тревоге. На Земле не было ни одной души, которая что-либо знала обо мне или о моем прибытии. Мои контакты здесь ограничились только общением на таможне и со служащим гостиницы.

— У меня есть для вас письмо, — сказал робот, протягивая послание.

Конверт был без марок и скреплен печатью. Я раскрыл его, вытащил записку и прочел:

Гостиница «Хилтон»
Капитану Майклу Россу.

Буду очень обязана капитану Россу, если он поужинает сегодня вместе со мной. Моя машина будет ожидать у входа в гостиницу в восемь часов. И позвольте мне, капитан, первой поприветствовать вас на Земле.

Сара Фостер.

Я сидел, уставившись на листок бумаги. Робот-бармен, скользя вдоль стойки, подкатил ко мне и забрал пустой стакан. «Еще одну порцию?» — спросил он.

— Еще одну, — ответил я.

Кто такая эта Сара Фостер, и как она узнала обо мне спустя час после моего появления на Земле?

Я мог бы, конечно, навести справки, но вокруг никого не было. Кроме того, мне почему-то казалось — я и сам не мог понять почему — что не стоит ни о чем выспрашивать.

Возможно, это ловушка. Я знал: есть люди, ненавидящие меня настолько, что могут попытаться тайно вывезти меня с Земли. Конечно, им уже известно, что я приобрел корабль, но вряд ли кому-то пришло в голову, что подобная развалина доставит меня на Землю. И никто, естественно, не догадывается, что я уже на Земле.

Я сидел в баре, тянул стакан за стаканом и, пораскинув мозгами, наконец решил рискнуть.

Сара Фостер жила в просторном доме на вершине холма. Холм был окружен дикой местностью, которая простиралась на много акров и, в свою очередь, окружала акры тщательно ухоженных лужаек и аллей.

Посреди всего этого расположился огромный дом, сложенный из обожженного кирпича, с широкими галереями, огибающими здание, и многочисленными трубами на крыше.

Я предполагал, что у дверей меня встретит робот, но навстречу мне вышла сама Сара Фостер. На ней было нарядное зеленое платье, которое касалось пола и, создавая бешеный контраст, подчеркивало огненный оттенок ее растрепанных волос и непослушного локона, как будто навсегда упавшего ей на глаза.

— Капитан Росс, — сказала Сара, протягивая руку, — как мило, что вы пришли. И вас не смутила моя невразумительная записка! Боюсь, я поступила необдуманно, но я слишком хотела увидеться с вами.

В высоком зале, где мы встретились, было прохладно. Его стены покрывали свежевыкрашенные деревянные панели; паркетный пол

был отполирован до блеска, а с потолка свисала массивная хрустальная люстра. От дома веяло богатством, эдаким земным аристократическим размахом — и все это мне очень понравилось.

— Остальные в библиотеке, — сказала она, — давайте присоединимся.

Она взяла меня под руку, и мы прошли через зал к двери, ведущей в комнату, которая отличалась от зала, как небо от земли. Комната могла сойти за библиотеку — несколько полок в ней были заставлены книгами, — но больше всего она походила на склад трофеев. Каждую стену украшали чучела, на застекленной полке хранилось оружие, на полу лежали шкуры животных, на которых еще сохранились головы с навеки застывшим оскалом.

В комнате возле огромного камина сидели два человека, и, когда мы вошли, один из них поднялся. Это был долговязый изнуренный человек с длинным, худым и смуглым лицом. Не солнце и не ветер затемнили его лицо, подумал я, глядя на него, просто чувствуется, какие темные мысли шевелятся у него в мозгу. Он носил темно-коричневую рясу, опоясанную четками, и был обут в крепкие сандалии.

— Капитан Росс, — сказала Сара Фостер. — Поз-

вольте представить вам монаха Тэкка.

Он протянул мне свою костлявую руку.

— Официально, — сказал он, — меня зовут Хьюберт Джексон, но я предпочитаю, чтобы меня называли монахом Тэкком. Во время моих странствований, капитан, я много слышал о вас.

Я пристально взглянул на него.

— Вы много путешествовали?

Надо признаться, я встречал таких типов и раньше, но никогда не питал к ним симпатии.

Он кивнул.

— Много и далеко, — сказал он. — И всегда в поисках истины.

— Иногда, — заметил я, — истину найти совсем не просто.

— А теперь, капитан, — быстро проговорила Сара, — познакомьтесь с Джорджем Смитом.

Второй незнакомец неловко поднялся на ноги и вяло протянул руку в мою сторону. Это был маленький кругленький человек неопрятной наружности, с абсолютно белыми глазами.

— Как вы догадались, — начал Смит, — я слепой. Вы, конечно же, простите меня за то, что я не встал, когда вы зашли в комнату.

Я почувствовал себя неловко. Я впервые встретил человека, который так открыто заявлял о

своей слепоте.

Я пожал его руку, она оказалась совсем вялой — даже не верилось, что это рука живого человека. Слабое рукопожатие Смита вполне соответствовало его облику.

Слепой нащупал стул и уселся.

— Сюда, пожалуйста, — сказала Сара. — Сейчас подадут напитки. Вкус моих друзей мне известен, а вот ваш…

— Если позволите, шотландское виски.

Я занял указанное место, Сара тоже уселась, и мы, вчетвером, словно дружная компания, устроились вокруг камина, и со стен на нас взирали набитые чудища, привезенные с других планет.

Сара заметила, что чучела привлекают мое внимание.

— Я совсем забыла, — сказала она. — Прошу прощения. Вы ведь никогда ничего не слышали обо мне — пока не получили мою записку, конечно.

— Мне очень жаль, сударыня.

— Я — охотник, и охотник с баллистической винтовкой, — сказала она, и мне показалось, что она гордилась этим более, чем того заслуживало ее занятие.

Мне не удалось скрыть свою реакцию, вернее,

ее отсутствие.

— Я использую только баллистическое оружие, — объяснила она. — То есть оружие, которое стреляет пулями. Лишь такой способ охоты, — добавила она, — является настоящим спортом, потому что он требует значительного мастерства во владении оружием и наличия крепкой нервной системы. Если вы промахнетесь и не убьете зверя с первого же выстрела, он может броситься на вас.

— Понятно, — сказал я. — Вы предпочитаете спортивное состязание. Но ведь за вами всегда право первого нападения.

— Это не обязательно так, — ответила она.

Робот принес напитки, и мы, с бокалами в руках, почувствовали себя свободней.

— Я подозреваю, капитан, — сказала Сара, — что вы не одобряете мое занятие.

— Ни да, ни нет. Я недостаточно хорошо разбираюсь в этом вопросе, чтобы составить свое собственное мнение.

— Но ведь вы убивали диких животных, не так ли?

— Было дело, — сказал я, — но я ни разу не делал этого ради спортивного интереса. Иногда я убивал, чтобы прокормиться. Иногда — чтобы

спасти себе жизнь.

Я сделал несколько глотков из своего бокала.

— Я не испытываю судьбу, — продолжал я. — Я стрелял из лазерного оружия. Я просто сжигал этих тварей.

— Вижу, что вы не спортсмен, капитан.

— Вы правы. Меня можно назвать космическим охотником. А теперь я вышел на пенсию.

В течение всего разговора я не переставал гадать, к чему вела Сара. Я понимал, что она пригласила меня не ради компании. Я не вписывался в эту комнату, в этот шикарный дом; я был чужим среди людей, сидящих бок о бок со мной. Как бы то ни было, но они вполне подходили друг другу, и предположение о том, что они могут втравить меня в авантюру, не придавало энтузиазма.

Похоже, она читала мои мысли.

— Думаю, вам хотелось бы узнать, что происходит.

— Сударыня, — сказал я. — Не скрою, я размышлял об этом.

— Вам знакомо имя Лоуренс Арлен Найт?

— Да, я слышал о нем. Его еще зовут Странником. О нем ходило много толков. Это — старая история. Она произошла задолго до моего рождения.

— И что же вы слышали?

— Обычная нелепица. Космические сказки. Герои, подобные Найту, всегда были и есть, но авторы небылиц оказались в плену у его образа. Может быть, все дело в звучном имени. Как, например, Джон Ячменное Зерно или Ланселот.

— Но известно ли вам, что…

— Что он был охотником? Естественно. Все они где-нибудь охотятся.

— Однако он исчез.

— Попробуйте побродяжничать, — объяснил я, — и если вы будете соваться в чужие дела и в чужие земли, вам суждено исчезнуть. Рано или поздно вы столкнетесь с тем, что прикончит вас.

— А вы же…

— Я вовремя завязал. Но мне ничего не угрожало. Единственное, что мне было нужно, так это новые планеты. Ни Семь Городов Сиболы, ни таинственный Эльдорадо, ни Сады Эдема…

— Вы смеетесь над нами, — заявил монах Тэкк. — Мне не нравится это.

— Я и не намеревался смеяться, — сказал я Саре. — Космос наводнен сказками. Я упомянул только несколько. Они развеивают скуку, когда нечего делать. И, кроме того, должен заметить, что я не в восторге, когда поп-шарлатан с грязны-

ми ногтями делает мне замечания.

Я поставил стакан на стол и поднялся.

— Спасибо за угощенье. Возможно, в другой раз…

— Подождите минутку, — попросила Сара. — Пожалуйста, присядьте! Простите Тэкка. Вы имеете дело со мной, а не с ним. У меня есть для вас соблазнительное предложение.

— Я в отставке.

— Возможно, вы видели корабль недалеко от того места на поле, где вы приземлились.

— Да, я видел его и восхищен. Так он — ваш?

Сара кивнула.

— Капитан, мне нужен кто-нибудь, кто мог бы управлять этим кораблем. Что вы скажете на это?

— Но почему я? Есть ведь и другие…

Она покачала головой.

— На Земле? Сколько, вы думаете, настоящих астронавтов осталось на Земле?

— Полагаю, не так уж и много.

— Никого! — сказала она. — Или почти никого. По крайней мере, никого, кому бы я могла доверить корабль.

Я снова сел к столу.

— Давайте начистоту. Почему вы уверены,

что можете доверить его мне? И вообще, что вы знаете обо мне? Откуда вам известно, что я прилетел?

Сара взглянула на меня, чуть прищурившись. Наверно, она так же щурилась, когда прицеливалась в зверя.

— Я доверяю вам, — сказала она, — потому, что вам некуда деться. В космосе вы — изгой. Пока вы будете на корабле, вам гарантирована безопасность.

— Ну что же, достаточно откровенно, — признал я. — А как же мы выйдем в космос? Патруль…

— Капитан, поверьте, ничто не способно остановить мой корабль. И если кто-нибудь осмелится сделать это, нам все равно не смогут помешать. Нам предстоит долгий сложный путь. Никакие трудности не сравнятся с ним. И кроме того, можно так устроить, чтобы никто и не узнал, что вы отправились в космос.

— Это все очень интересно, — сказал я. — Не могли бы вы поведать мне, куда мы собираемся?

Она ответила:

— Я не знаю куда.

Это была неудачная уловка, конечно. Нельзя отправляться в путь, когда не известна цель. Если она не хотела говорить, так почему бы не сказать

об этом прямо?

— Мистер Смит, — добавила Сара, — знает, куда мы направимся.

Я повернулся к Смиту, подобно глыбе развалившемуся в кресле, и мое внимание снова привлекли его незрячие белые глаза на рыхлом лице.

— Я слышу голос внутри себя, — объяснил Смит. — У меня есть связь кое с кем. Там, далеко, у меня есть друг.

Ничего себе! — подумал я. — Вот, оказывается, к чему все шло. Он, видите ли, слышит голос внутри себя!

— Спорим, что я догадался, — сказал я Саре, — мистера Смита к вам привел этот верующий джентльмен.

Неожиданно она разозлилась. Она побледнела, ее голубые глаза сузились и казались блестящими льдинками.

— Вы правы, — процедила она сквозь зубы. — Но это еще не все. Вы знаете, конечно, что Найта сопровождал робот?

Я кивнул:

— Знаю, его звали Роско.

— А вам известно, что это был робот-телепат?

— Таких не бывает, — сказал я.

— Нет, бывает. Или были. Я все проверила, капитан. У меня есть техническое описание этого робота. Я получила его задолго до того, как возник мистер Смит. А еще есть письма Найта к своим друзьям. Я единственная, быть может, обладаю достоверными материалами о Найте и предмете его поиска. Все это появилось у меня еще до возникновения этих двух джентльменов, и из источников, о которых у них даже не было представления.

— Но они могли случайно услышать…

— Я никому ничего не говорила. Это было — как бы выразиться? — не более чем хобби. Или навязчивая идея. Я собирала информацию по крохам, то там, то здесь, и не предполагала, что из этого что-то выйдет… Такая захватывающая легенда!

— Вот именно. Всего лишь легенда. Пронесенная сквозь годы, абсолютная, пусть и непреднамеренная, ложь. Берется один незначительный фактик, обсасывается со всех сторон, связывается с другими, такими же незначительными, и так до тех пор, пока цепочка всех этих фактиков не станет такой запутанной, что в конце концов исчезнет всякая возможность узнать, где правда, а где вымысел.

— Но письма? И техническое описание робота?

— Просто очередные факты. Если только они достоверны.

— В этом не может быть сомнения. У меня есть доказательства.

— И что вы прочли в письмах?

— Я поняла, он искал что-то.

— Я же говорил вам, они все ищут — все до одного. Некоторые верят в реальность своих целей. Некоторые заставляют себя в нее верить. Так было в старину, то же самое происходит и в наши дни. Они тем самым искупают вину за постоянное бродяжничество. Им надо скрасить бесцельное существование придуманной целью. Они обожают космос и новые, неизведанные миры, открывающиеся за горизонтом. Никто вокруг не понимает, отчего они порхают там-сям, вот они и стряпают всякие небылицы и…

— Капитан, так вы не верите мне?

— Ни одному слову.

То, что два авантюриста предлагают ей охотиться вслепую, меня не касалось, но я не собирался составлять им компанию. Правда, когда я вспоминал корабль на поле, я испытывал сомнение. Но нет, это невозможно! Земля предоставляла убежище, а я в нем нуждался!

— Я не нравлюсь вам, — сказал монах Тэкк. —

Да и вы мне не по душе. Но позвольте мне честно признаться, что я привел моего слепого друга к мисс Фостер, не думая о материальной выгоде. Я выше денег! Все, что я ищу, — это правду.

Я не ответил ему. Да и зачем? Я понимал, кто передо мной.

— Я слепой, — сказал Смит, обращаясь не к нам, не к себе самому, а к какому-то собеседнику, которого никто ни разу не видел. — Я никогда не был зрячим, и я могу судить о форме предметов только по подсказке рук. В моем воображении живут образы, я вижу их, но наверняка неправильно, потому что я не представляю себе, что такое цвет. Хотя мне говорили, что предметы бывают цветные. «Красное» что-то значит для вас, а для меня это бессмысленное понятие. Слепому человеку невозможно описать цвет. Изучить предмет на ощупь — пожалуйста, но это не означает, что предмет действительно изучен. Я пью воду, но как она выглядит? Виски подают в стакане со льдом, но на что похоже виски? Лед — тот тяжелый и гладкий и дает ощущение, называемое холодом. Я знаю, лед — это вода, которая превратилась в кристаллы, и я понимаю, что он белый. Но что такое кристалл, что значит «белый»? Наш мир существует для меня только в виде простран-

ства, в котором я двигаюсь, и, кроме того, передо мной раскрыты мысли людей. Но как я могу быть уверен, что я правильно толкую чужие мысли? Что я верно понимаю происходящее? Да, от этого мира мне досталось немного, но я обладаю совсем иным миром, — Смит постучал пальцами по макушке. — Иной мир, — сказал он, — здесь, в моей голове. И это не воображаемый мир, но мир, врученный мне другим существом. Я не знаю, где обитает это существо, хотя мне было дано понять, что очень далеко. Больше я не знаю ничего — только об огромном расстоянии, разделяющем нас, и в какой стороне расположен тот мир.

— Теперь все понятно, — сказал я, обращаясь к Саре. — Он будет служить компасом. Мы отправимся в указанном им направлении и будем двигаться, пока…

— Именно так, — ответила она. — И так же было с Роско.

— С роботом Найта?

— С роботом Найта. Об этом говорится в письмах. Найт сам немного обладал такими способностями — достаточно для того, чтобы ощутить существование далекого голоса. И для него был специально изготовлен робот.

— Заказной робот? Робот с телепатическим

управлением?

Сара кивнула.

Это было невозможно осознать и абсолютно неправдоподобно. Такое видится только в бреду.

— Здесь кроется истина, — заявил Тэкк. — Истина, о которой можно лишь догадываться. Я готов рискнуть жизнью, но отправиться на поиски.

— Вы правы, — сказал я, — вам придется рисковать жизнью. И даже если вы отыщете истину…

— Если она действительно существует, — сказала Сара, — кто-нибудь когда-либо найдет ее. Почему не мы?

Я огляделся вокруг. На нас смотрели диковинные животные, фантастические свирепые существа с различных далеких планет. Некоторые из этих тварей встречались мне, а о других я знал только понаслышке, но были там звери, которых никто никогда не упоминал даже во время пьяных бесед между одинокими, измотанными космосом людьми, когда мы собирались вместе на планетах, названия которых были известны отнюдь не многим.

Все стены заняты чучелами. Для новых уже нет места, подумал я. И, кроме того, охота и погоня за трофеями, возможно, теряют прелесть и остроту. И не только для Сары Фостер, охотницы

на крупного зверя, но и для окружающих ее людей, в глазах которых приключения на далеких планетах придавали ей некоторый престиж. И, разумеется, было бы вполне логично изменить объект охоты, принести домой непохожее на прежних чучело, пережить новое и более чудесное приключение.

— Никто, — сказала Сара, — никогда не узнает, что вы покинули Землю и находитесь в космосе. Вы сможете вернуться сюда когда-нибудь, а ваш двойник исчезнет. Он будет похож на вас, как две капли воды, но это будете не вы. Он будет жить на Земле вместо вас, а вы отправитесь в космос.

— И у вас достаточно денег, чтобы оплачивать подобное предприятие? — спросил я. — Чтобы купить молчание такого человека?

Сара пожала плечами.

— На свои деньги я могу купить все, что угодно. И, кроме того, если мы окажемся в космосе, не все ли равно, будет ли он здесь разоблачен?

— Отнюдь нет, — ответил я. — Я бы хотел и сам вернуться сюда с кораблем, если кораблю суждено возвратиться.

— Это можно будет устроить, — сказала Сара. — Я позабочусь обо всем.

— Может быть, — спросил я, — мой двойник

погибнет в результате несчастного случая?

— Ни за что! Это не для нас. Существует много способов установить подлинную личность погибшего.

Мне показалось, Сара была огорчена невозможностью воспользоваться таким простым решением.

Затея претила мне. Мне не нравились эти люди и не нравился их план. Но вся история предоставляла мне небольшой шанс принять участие в судьбе прекрасного корабля Сары и вновь оказаться в космосе. Земля губит людей, — подумал я, она выпивает из них все соки. Я не успел хорошо изучить Землю, а то немногое, что я видел, мне понравилось. Но моих симпатий хватит ненадолго, и очень скоро я начну ненавидеть здесь все. Любовь к космосу у меня в крови. Я теряю покой, когда подолгу не бываю там. Космос проникает в душу, становится частью тебя. Заполненное звездами пространство, безмолвие, ощущение того, что ты ни к чему не принадлежишь, что волен отправиться куда и когда тебе угодно… Но не только это. Существует что-то еще, чему пока не удалось подыскать название. Может быть, как это ни банально, ощущение истинности бытия.

— Подумайте об оплате, — сказала Сара, — по-

том удвойте цифру. Вы не встретите непонимания.

— Но как же так? — спросил я. — Неужели вы не жалеете денег?

— Конечно, жалею, — ответила Сара. — Но деньги научили меня, что надо платить за то, что имеешь. А мне нужны вы, капитан Росс. Вы никогда не пользовались проторенными космическими дорогами, размеченными и безопасными. Вы продвигались впереди других и искали новые планеты. Мы можем довериться вам.

В дверях показался робот.

— Стол накрыт, мисс Фостер.

Она с вызовом посмотрела на меня.

— Я подумаю о вашем предложении, — пообещал я.

3

И мне бы следовало получше подумать над ним, говорил я себе, разглядывая утопающую в лунном свете пустыню. Мне не надо было лететь.

Смит все еще ползал на четвереньках и скулил. Его белые незрячие глаза блестели, как глаза кошки, завидевшей добычу. Тэкк выпутался из своей смехотворной рясы и заковылял к ноющему Смиту. Что же все-таки, — подумал я, — связывает этих людей? Они, конечно, не гомосексуалисты, потому что ничего подобного я за ними не замечал в течение всего путешествия. Должно быть, они душевно очень близки друг другу. Естественно, Смит радуется, что кто-то заботится о нем, и, наверно, Тэкк рассматривает слепого и его способности как выгодное капиталовложение, но секрет их дружбы в ином. Возможно, двух этих ни к чему на свете не приспособленных людей объединяют похожие страдания, и они испытывают друг к другу сочувствие.

В пустыне было светло, как днем, и, глядя на небо, я понял, что свет шел не только от луны. Небесный свод был опален звездным огнем. Я ни-

когда раньше не видел столько больших и ярких звезд. Они выглядели теперь иначе, чем когда лошади-качалки вышвырнули нас в пустыню. Над нами были звезды, которые очутились так близко, что, казалось, можно было протянуть руки и собирать их, как яблоки с дерева.

Сара была уже на ногах, она так и не выпустила винтовку и теперь крепко держала ее наперевес.

— Я следила, чтобы она была дулом вверх, — сказала она.

— Да здравствует мисс Фостер! — воскликнул я.

— Главное правило, — объяснила она мне, — всегда держать оружие дулом вверх, чтобы оно не засорилось. Если бы я не проследила, в ствол бы забился песок.

Джордж продолжал ныть, но теперь сквозь завывания можно было различить слова. «Что случилось, Тэкк? — стонал он. — Где мы? Что случилось с моим другом? Он исчез. Я не слышу его больше».

— Ради Бога, Тэкк, — сказал я с отвращением, — поднимите Смита, стряхните с него грязь и вытрите ему нос! И объясните своему товарищу, что происходит!

— Я не могу ничего объяснить, — ответил

Тэкк, — пока мне самому не растолкуют, что происходит.

— Я помогу вам сделать это, — пообещал я. — Мой друг, мы в плену. Нас обвели вокруг пальца.

— Они вернутся! — простонал Джордж. — Они придут за нами. Они не оставят нас здесь!

— Конечно, не оставят, — сказал Тэкк, ставя его на ноги. — Они возвратятся с восходом солнца.

— А есть ли солнце на небе сейчас, Тэкк?

— Нет, — ответил Тэкк. — Только луна. И множество звезд.

А я был в недоумении. Я был выброшен на незнакомый берег в компании с двумя простофилями и белокурой Дианой, которая заботилась лишь о том, чтобы удержать ружье в правильном положении.

Я огляделся вокруг. Мы упали на пологий склон дюны. По обе стороны к ночному небу вздымались песчаные холмы. На небе виднелись только луна и звезды, не было ни облачка. А на земле ничего, кроме песка, — ни деревца, ни кустика, ни травинки. В воздухе ощущался легкий холодок, но я понимал, что и он исчезнет с восходом солнца. Было очевидно, что нам предстоит провести длинный жаркий день без капли воды.

На песке были отчетливо видны места, где

наши тела пробороздили его. Мы были брошены со стороны другой дюны, и мне пришло в голову, что точная информация о том, откуда нас выбросили, нам бы пригодилась. Я прошел назад и прикладом ружья провел на песке длинную линию и несколько неровных стрел, ведущих от нее. Сара внимательно наблюдала за мной.

— Вы думаете, мы можем вернуться обратно? — спросила она.

— Я бы не рискнул утверждать это.

— Там была какая-то дверь, — продолжала она. — И лошадки вышвырнули нас в нее, а когда мы упали, здесь уже не было никакой двери.

— Они держали нас на крючке, — сказал я, — с той минуты, как мы появились. Они не цацкались с нами с самого начала. У нас не было шансов.

— Но мы уже здесь, и нам стоит подумать о том, как выбраться отсюда.

— Если вы последите за двумя нашими шутами и позаботитесь о том, чтобы они не наделали бед, — предложил я, — я бы мог пойти на разведку.

Сара внимательно посмотрела на меня.

— Вы что-то задумали, капитан? Что-нибудь определенное?

Я покачал головой.

— Только взглянуть, что вокруг. Возможно, мне удастся наткнуться на воду. Сегодня нам понадобится много воды.

— Но если вы потеряетесь…

— Я буду ориентироваться по своим следам, — объяснил я. — Если только внезапно не поднимется ветер и не сотрет их. Но если что-нибудь случится, я выпущу вверх луч, а вы стрельнете один-два раза, и звук выстрела укажет мне путь обратно.

— А вы не думаете, что лошадки вернутся за нами?

— А вы?

— Мне кажется, нет, — ответила она. — Но в чем же их цель? Чего они добивались? Вряд ли их привлек наш груз.

— Зато они избавились от нас.

— Но они сами заманили нас к себе! Если бы не приводной луч…

— Вы забываете о корабле, — сказал я. — Возможно, им нужен был корабль. Видели, сколько у них кораблей на поле? Наверно, они сцапали многих.

— И всех выбросили сюда? Или на другие планеты?

— Я допускаю все, — ответил я. — Наша задача

сейчас найти более подходящее место, чем это. У нас нет ни пищи, ни воды.

Я повесил ружье на плечо и начал карабкаться вверх по склону песчаного холма.

— Я могу как-нибудь помочь? — спросила Сара.

— Хорошо, если бы вы позаботились о том, чтобы те двое не затоптали линию, проведенную мной. Если подует ветер и песок заметет линию, попытайтесь оставить отметки.

— Вы возлагаете большие надежды на эту линию?

— Она, надеюсь, поможет выяснить, где мы находимся.

— Но может ничего не означать, — сказала Сара. — Мы, вероятно, оказались в ином временном измерении, и определять наше местонахождение бесполезно.

— Согласен, — заметил я. — Но пока у нас нет других шансов вырваться.

Я поднимался по дюне, и это оказалось нелегким делом. Ноги глубоко вязли в песке, я все время скользил вниз. Я едва продвигался вперед. Когда я, наконец, почти добрался до гребня холма, я остановился на минутку отдохнуть и оглянулся. Все трое стояли у подножия дюны, наблюдая за мной. И меня охватило необъяснимое чувство: я

ощутил, что люблю их — и вечно копошащегося дурачка Смита, и мошенника Тэкка, и Сару — черт ее возьми с ее непослушным локоном на лбу и дурацкой старомодной винтовкой! Несмотря ни на что, они — люди, и так или иначе мне надо вытянуть их отсюда. Потому что они надеются на меня. Для них я был человеком, «исколесившим» космос и пережившим различные приключения и неприятности. Я фактически возглавлял экспедицию и действовал грубо и сурово. Но я был капитаном, а когда встает вопрос жизни и смерти, именно от капитана экипаж ждет спасения. Проклятые идиоты, бедные доверчивые простаки — они и не предполагают, что я и сам не могу разобраться в происходящем, что у меня нет ни планов, ни надежд и что я обеспокоен, растерян, потрясен так же, как и они. Но нельзя было допустить, чтобы они поняли это. Я должен играть роль человека, который может в любой момент при помощи хитроумных фокусов сохранить всех целыми и невредимыми.

Я поднял руку и помахал им, и как я ни старался сделать это весело и беспечно, у меня не получилось. Потом я вскарабкался на самую вершину дюны и увидел, что передо мной простиралась пустыня. В любой стороне, куда бы я ни посмотрел,

открывалась одна и та же картина — песчаные волны, дюны, похожие друг на друга, везде одно и то же и ни намека на дерево, а, значит, и на воду, абсолютно ничего, кроме песчаной россыпи.

Увязая в песке, я спустился по склону дюны, взобрался на другую, с нее пустыня выглядела такой же. Я могу идти и идти, понял я, перебираться с дюны на дюну, и не встречу ничего нового. Вся проклятая планета, возможно, состоит из пустыни, и здесь не найти оазисов. Лошади-качалки знали, что делали, когда выбросили нас сюда через дверь, или ворота, или Бог знает что еще. Если они хотели избавиться от нас, они не могли придумать ничего лучшего.

Лошадки (или тот мир, к которому они принадлежали) не тратили усилий даром. Они заманили нас приводным лучом, вынудили оставить корабль, опечатали его, а потом, не дав нам ни подумать, ни воспротивиться, вытолкнули в этот мир. Выпихнули людей под зад коленом, — подумал я, — и проделали это не в первый раз.

Я вскарабкался на другую дюну. Все же есть шанс, — твердил я себе, — что где-нибудь между дюнами найдется что-нибудь заслуживающее интереса. Например, вода — это нам нужнее всего. Или дорога, которая могла бы вывести нас к

более приятным краям или к местным жителям, способным помочь нам. Хотя сложно представить себе, чтобы кто-нибудь мог жить в стране, подобной этой.

Честно говоря, я ни на что не надеялся. Среди песчаных волн пустыни ничто не поддерживало надежду. Но когда я почти достиг вершины дюны и увидел пространство за ней — я заметил что-то на гребне соседнего холма.

Какая-то штуковина, похожая на птичью клетку, наполовину утонула в песке, ее металлические прутья поблескивали в свете луны и звезд и походили на скелет доисторического животного, которое было загнано на дюну и корчилось от страха, пока смерть не прервала его мучений.

Я сдернул ружье с плеча и приготовил его к бою. Песок подо мной заскрипел и протащил меня вниз по дюне. Больше я уже ничего не видел из-за гребня холма. Тогда я развернулся влево и вновь начал подъем, пригнув голову. За двадцать футов до вершины дюны я лег на песок и, распластавшись, пополз вверх. Когда мои глаза оказались над гребнем, и я снова увидел клетку, я замер, уткнувшись носками в песок, чтобы не скользить вниз.

Я увидел, что песок под клеткой был взрыхлен

и песчинки тонкими струйками все еще неслись по склону. Должно быть, — подумал я, — клетка приземлилась не так давно, — следы на песке еще совсем свежие, они даже не приняли окончательную форму.

Приземлилась — не совсем подходящее слово для клетки, но все же я считал, что она именно приземлилась, потому что вряд ли кто-то просто положил ее туда. Конечно же, это корабль какой-то незнакомой мне марки, с необшитым каркасом. А если, как я предполагал, это был действительно корабль, то в нем наверняка находилось нечто одушевленное, и это живое существо либо погибло внутри корабля, либо находилось поблизости.

Я внимательно обшарил взглядом дюну и далеко справа заметил глубокую борозду, похожую на санный след, исчезающую в тени между двумя дюнами. Я напряг зрение и попытался различить что-нибудь в темноте, но так ничего и не разглядел. Мне надо было приблизиться к санному следу.

Пятясь, словно паук, я начал спускаться с дюны и все время стремился держаться правее. Я двигался очень осторожно, стараясь, чтобы песок скользил и падал по склону дюны бесшумно. На-

верно, там, по другую сторону холма, притаилось что-то и прислушивается к малейшему шуму.

Когда я поднял голову, я был еще далеко от санного следа, но все же немного поближе, чем раньше. Мне удалось услышать, что из ложбины между дюнами доносился монотонный скрежет. Я прищурился и, как мне показалось, заметил, что во впадине кто-то шевелится. Но я мог и ошибиться. Монотонный скрежет прекратился, затем зазвучал вновь, и опять мне почудилось еле уловимое движение. Я направил ружье вперед, с тем чтобы в любой момент прицелиться в сторону ложбины.

Я ждал.

Звук исчез, возник опять, что-то там, внизу, шевельнулось (теперь я был в этом уверен) и простонало. Потом все замолкло.

Ожидание становилось бессмысленным.

— Эй, там, внизу, привет! — позвал я.

Ответа не последовало.

— Привет! — крикнул я еще раз.

Возможно, — подумалось мне, — я имею дело с представителем мира, настолько удаленного от привычного мне сектора галактики, что межкосмический язык неизвестен ему, и у нас не будет возможности понять друг друга.

Но в ответ раздался прерывающийся свистящий голос. Сначала я воспринял его просто как шум, но, прислушавшись, я понял, что это было слово, скорее, один просвистанный вопрос.

— Друг? — вопрошало слово.

— Друг! — ответил я.

— Испытываю необходимость в друзьях! — заявил свистящий голос. — Просьба приблизиться без опасений: не имею оружия.

— А я имею, — заявил я устрашающе.

— Нет нужды, — донесся голос из тени. — Слаб и беспомощен.

— Этот корабль там, наверху — твой?

— Корабль?

— Я имею в виду средство передвижения. Оно твое?

— Именно так, друг. Пришло в негодность и стало неуправляемым.

— Я спускаюсь, — предупредил я. — Ты под прицелом. Учти, одно движение — и…

— Иди сюда, — просвистело существо. — Буду лежать как мертвый.

Я встал во весь рост и быстро пересек вершину дюны. Пригнувшись, я стал спускаться по склону. Я пытался вести себя так, чтобы в меня было нелегко выстрелить. Дуло моего ружья было

направлено в ту затененную точку, откуда шел скрипучий голос.

Я соскользнул в ложбину и скрючился там, стараясь разглядеть все вокруг. И наконец я увидел его — темное неподвижное пятно.

— Эй! — позвал я. — Теперь приблизься.

Пятно вздулось, потом приняло прежнюю форму и вновь замерло.

— Подойди! — ответило пятно. — Я не могу.

— Хорошо. Лежи спокойно. Не вздумай шевелиться.

Я побежал вперед и остановился. Пятно не двигалось. Оно даже не дрогнуло.

Я придвинулся еще немного, не спуская с него глаз. Теперь я мог лучше разглядеть существо, распластавшееся передо мной. Из его головы — если только это была голова — во все стороны торчали щупальца, безжизненно лежавшие на земле. Голова переходила в суживающееся книзу туловище. Я заметил, что у него были короткие ноги без ступней. Рук не было. Вероятно, с такими щупальцами уже нет нужды в руках. На нем не было ни одежды, ни снаряжения. В щупальцах я не увидел никакого оружия или инструмента.

— Что у тебя стряслось? — спросил я. — Чем я могу помочь?

Щупальца поднялись, извиваясь подобно клубку змей. Изо рта, окруженного щупальцами, раздался сиплый голос:

— Ноги слишком коротки. Не могу передвигаться на них. Только взрыхляю песок под собой и тону в нем.

Двое щупалец с глазами на кончиках были направлены в мою сторону. Существо оглядывало меня с ног до головы.

— Я могу поднять тебя.

— Не принесет пользы. Песок вновь затянет.

Щупальца, на которых были глаза, двигались вверх и вниз, как бы примериваясь ко мне.

— Новый друг большого роста, — проквакало существо. — Но есть ли в нем сила?

— Чтобы перенести тебя?

— Только на твердую поверхность.

— Я не знаю, где найти такую.

— Ты не знаешь… Так друг не местный?

— Нет, — ответил я. — Я надеялся, что, может быть, ты…

— Как ты мог подумать? Представитель моего рода счел бы для себя унизительным даже справить нужду на подобной планете.

Я сел на корточки и пригнулся к нему.

— А твой корабль? — спросил и. — Если бы я

смог отнести тебя туда…

— Это не поможет. Там ничего нет.

— Но ведь что-то должно остаться. Пища или вода…

А я был особенно заинтересован в воде.

— Мне ничего не требуется. Путешествую в своем втором образе и не испытываю ни голода, ни жажды. Защита в открытом космосе и немного тепла — вот все, в чем я нуждаюсь.

Господи Боже мой, подумал я, что происходит? Он находится в своем втором образе. И, хотя я не знал, что это означает, я все же не решался уточнить. Я догадывался, что может последовать за расспросами. Сначала удивление, или ужас, или любопытство при мысли о существе настолько беспомощном и неосведомленном, что оно само не осознает себя. Потом — неуверенная попытка объяснить суть явления, за которой последуют пространные рассуждения о преимуществах самосознания, и затем — чувство жалости к тем, у кого оно отсутствует. А может быть, об этом вообще нельзя говорить, и даже намек на недоумение оскорбит странное создание.

И его боязнь холода. Кажется, тепло играет в его жизни немалую роль.

А на самом деле все шло нормально. Тот, кто

путешествует в космосе, часто сталкивается с непонятными существами, но если обычно их можно обойти стороной или перехитрить, то в этот раз я не мог сделать ни того, ни другого.

Мне надо было каким-нибудь образом вызволить попавшее в беду живое создание — пусть я даже не имел ни малейшего представления о том, как это сделать. Я мог бы поднять его и перенести туда, где остались мои спутники, но это не изменит его положения. Однако просто так повернуться и уйти, оставив его одного, было тоже невозможно. Существо, по крайней мере, стоило того, чтобы кто-то позаботился о нем и дал ему понять, что его жизнь что-нибудь да значит.

Когда я увидел его корабль и понял, что он потерпел крушение не так давно, во мне зародилась надежда: вдруг на борту окажется пища или вода, или другие полезные для нас предметы. Но теперь я знал, что мои надежды не оправданы. Я был не в силах помочь незнакомцу, а он был бесполезен для нас и мог оказаться еще одной ношей, дополнительной головной болью.

— Не знаю, что и предложить тебе, — сказал я. — Нас всего четверо, со мной трое моих товарищей. У нас нет ни воды, ни пищи — абсолютно ничего.

— Как сюда попали? — спросило существо.

Я попытался объяснить, но, подбирая слова, почувствовал, что зря теряю время. В конце концов, не так уж и важно, как мы оказались на этой планете! Но он, тем не менее, понял меня.

— Ах, вот как, — заметил он.

— Итак, ты сам видишь, что мы немногим способны помочь тебе.

— Взялся бы перенести меня туда, где разбили лагерь?

— Да, пожалуй.

— Не имеешь ничего против?

— Нет, конечно, если тебя это устраивает.

Естественно, я был против. Семь потов сойдет, пока потащишь его через дюны до цели. Но я не представлял себе, что возможно, оценив серьезность ситуации, послать все к черту и бросить потерпевшего.

— Более чем устраивает, — ответил он. — В компании лучше, одиночество вредно. Кроме того, вместе — легче. Никогда не угадаешь, как сложится дело.

— Между прочим, меня зовут Майк, — представился я. — Я с планеты, которая называется Земля. Она расположена в направлении созвездия Карина Сигнус.

— Майк, — проговорил он, приноравливаясь к непривычным звукам. Он просвистел это слово так, что его можно было принять за все, что угодно, но только не за мое имя. — Нравится. Доступно для голосовых связок. Твоя планета — загадка. Ориентиры ничего мне не говорят. Если опишу, где находится моя планета, ты тоже не поймешь. А мое имя? Сложная основа — описание структуры моего организма. Понятно только моему народу. Пожалуйста, выбери для меня имя по вкусу. Короткое и простое, прошу.

Конечно, было смешно вообще затевать разговор об именах. Как это ни забавно, но я даже не собирался представляться. Мое имя вырвалось у меня само собой, почти инстинктивно. Назвав себя, я удивился этому. Но теперь, когда знакомство состоялось, я почувствовал себя спокойней. Отныне мы уже не чужаки, повстречавшиеся на узкой тропе. Казалось, мы больше сблизились.

— Что, если я буду звать тебя Свистуном? — спросил я, но тут же прикусил язык. Я предложил не самое подходящее имя, и он имеет право отвергнуть его. Но это было не так. Он пошевелил похожими на змей щупальцами и несколько раз повторил имя.

— Отлично! — сказал он в конце концов. — Под-

ходяще! — и добавил: — Привет, Майк!

— Привет, Свистун!

Я повесил ружье на плечо, зарылся ступнями в песок и наклонился, чтобы обхватить Свистуна обеими руками. Мне удалось поднять его на другое плечо. Он оказался тяжелее, чем я ожидал, а его туловище было таким круглым, что удержать его было очень трудно.

Но все же я приноровился и начал подниматься вверх по дюне.

Я даже и не пытался идти вверх напрямик, но двигался к вершине холма под углом. Песок рассыпался под моими ногами, засасывая их по щиколотку; мне приходилось бороться за каждый дюйм — и поэтому подъем оказался труднее, чем я предполагал.

Наконец я достиг гребня дюны и позволил себе расслабиться; осторожно опустил Свистуна на землю и упал на песок, тяжело дыша.

— Слишком много хлопот из-за меня, — сказал Свистун. — Потратил на меня столько сил!

— Мне надо чуть-чуть передохнуть, — объяснил я. — Нам уже не далеко.

Я перевернулся и уставился в небо. Звезды, мерцая, смотрели вниз. Прямо над моей головой сиял голубой гигант, похожий на драгоценный

камень, а рядом тускло, как красный уголек, поблескивало еще одно светило, наверно, супергигант. А вокруг сверкали миллионы других звезд, словно волей художника разбросанных по небу.

— Где мы, Свистун? — спросил и. — В каком месте галактики?

— Сферическое созвездие, — ответил он. — Я думал, знаешь.

Это было похоже на правду. Планета, на которую мы приземлились, куда нас привел идиот Смит, находилась выше уровня галактической плотности, далеко от ее центра — в области сферического созвездия.

— Твоя родина где-то здесь?

— Нет, далеко, — ответил Свистун. И он проговорил это так, что у меня пропала охота продолжать расспросы. Если ему не хотелось говорить, откуда он родом, то я не настаивал. Может быть, он в бегах, или эмигрант, или изгнан. Все было возможно. Космос полон бродяг, которым нельзя возвратиться домой.

Я лежал, глядя на звезды, и пытался представить себе, где мы находимся. Сферическое созвездие, как сказал Свистун. В галактике таких много, и это могло быть любым из них. Расстояние

не играет роли, когда приходится перемещаться из одного места в другое.

И вообще, какая разница, где мы? Если мы не обнаружим воду, мы не продержимся долго. Без пищи нам тоже придется туго, но все же найти воду куда важнее. Тем не менее, я не был особенно удручен. Возможно, объяснял я себе, я так часто попадал в передряги в незнакомых местах и каким-то чудом выбирался из них, что уверовал в собственную неуязвимость. Или во мне созрело ощущение, что удача наконец отвернулась от меня, что мне пора уже было сдаться смерти, которую я столько раз обманывал, — ощущение, что в какой-то момент кто-нибудь покончит со мной самым заурядным способом. И, осознав это, я решил, что беспокоиться не о чем, раз этому моменту суждено так или иначе прийти, и преждевременное волнение не поможет.

Я старался представить себе, как это произойдет, когда кто-то легко тронул меня за плечо. Я оглянулся и понял, что это Свистун дотронулся до меня одним из своих щупалец.

— Майк, — просвистел он. — Посмотри. Мы не одни.

Я резко повернулся, схватив ружье.

Над той самой дюной, на которую упал корабль

Свистуна, висело колесо. Это было большое блестящее колесо с зеленой точкой в центре, ярко сверкающей в лунном свете. Я не мог видеть весь круг, а только одну гигантскую дугу, светящуюся над дюной на высоте ста футов. Обод колеса достигал десяти или более футов, блестел, как шлифованная сталь, и был соединен с зеленым блестящим пятном в центре сотней серебрящихся спиц.

Колесо не двигалось. Оно парило в воздухе над дюной. Освещенный луной остов корабля Свистуна казался раздавленной игрушкой по сравнению с исполинским колесом.

— Живое? — спросил Свистун.

— Возможно, — ответил я.

— Тогда лучше приготовиться к бою…

— Мы будем спокойно ждать, — выпалил я. — И не поднимем на него руки.

Я был уверен: оно наблюдает за нами. Что бы оно из себя ни представляло, оно, скорее всего, пытается исследовать остатки корабля Свистуна. Ничто не говорило о том, что колесо живое.

Но казалось, в зеленом пятне скрывается жизнь. Возможно, колесо покружит и улетит. Но если даже этого не случится, мы были не в том положении, чтобы лупить по всякому двигающе-

муся предмету.

— Лучше-ка спрячься внизу, — сказал я Свистуну. — Если нам придется бежать, я подниму тебя.

Он пошевелил щупальцами, выражая несогласие.

— Есть оружие, можно бы воспользоваться.

— Ты сказал, что безоружен.

— Враки, — весело просвистел он.

— Ты мог напасть на меня, — рассерженно сказал я, — в любой момент.

— Нет, — ответил он. — Пришел как друг. Если бы я сказал правду, ты бы не подошел.

Я решил пропустить это мимо ушей. Он был хитрый, дьявол, но на моей стороне, и я был рад этому.

Кто-то позвал меня, и я резко повернул голову. На вершине соседней дюны стояла Сара, а слева от нее я увидел две торчащие над гребнем головы. Она стояла с винтовкой наперевес, и я замер от страха, когда подумал, что она может разрядить ее в небо.

— Все нормально, капитан? — спросила она.

— Я в порядке.

— Вам помочь?

— Да, — ответил я. — Захватите моего дружка с собой в лагерь.

Я назвал место, где оставил их, лагерем, потому что, как ни старался, не мог придумать ничего лучшего.

Я посмотрел на Свистуна и проворчал сквозь зубы: «Хватит молоть языком и скатывайся вниз».

Я вновь обратил внимание на колесо. Оно находилось на прежнем месте. Не отпускало чувство, что оно смотрит на меня. Я пригнулся и напряг ноги, чтобы в случае необходимости сразу рвануть вперед.

Я слышал, как Свистун скользит вниз по склону дюны. Через мгновение меня окликнула Сара.

— Что это такое? Где вы нашли это?

Она стояла над Свистуном, уставясь на него.

— Тэкк, — воскликнул я, — спустись и помоги мисс Фостер. Скажи Смиту, чтобы он оставался на месте.

Я боялся, что этот слепой идиот пойдет за Тэкком и испортит все дело.

— Но, капитан… — начала Сара жалобным и все же строгим голосом.

— Он заблудился так же, как и мы, — объяснил я. — Он нездешний и попал в беду. Просто отнесите его в лагерь.

Я опять взглянул на колесо. Оно наконец начало двигаться. Колесо медленно вращалось,

почти завораживающе, и поднималось все выше и выше над дюной.

— Убирайтесь отсюда, — крикнул я Саре и Тэкку, не оборачиваясь.

Колесо остановилось. Теперь оно было над гребнем, и дюна не мешала рассмотреть его. Оно маячило высоко в небе. Самое удивительное, что странный предмет действительно оказался колесом. Его обод, шириной десять футов и толщиной не более чем фут, был сделан из необычайно блестящего материала. Несмотря на громадные размеры, колесо казалось изящным. Пока оно медленно крутилось над дюной, к ободу поднимался песок, а потом высыпался из него. Зеленое пятно плавало посреди колеса. Именно плавало — потому что тонкие спицы, невзирая на их многочисленность, не могли удержать его в центре. И вдруг я увидел, что между спицами были протянуты еще более тонкие провода (если это были провода), они заполняли все пространство между центром колеса и его ободом паутиной. Однако, зеленое пятно ничуть не походило на паука. Это была просто какая-то сфера, висящая в центре.

Я поднялся на ноги, оглянулся и никого не увидел. Склон дюны был покрыт глубокими следами в том месте, где мы взбирались.

Я встал, соскользнул со склона и поднялся на соседний песчаный холм. На его вершине я остановился и посмотрел назад. Колесо все еще было на прежнем месте. Я спустился и возобновил подъем вверх по дюне, за которой я оставил своих спутников. Они все уже собрались там, а колесо, заметил я, так и не двигалось. Может быть, этим все и кончится, понадеялся я. Наверное, колесо появилось, чтобы посмотреть на нас, и теперь, удовлетворившись увиденным, может заняться своими делами.

Я спускался к лагерю, а навстречу мне с торжественным видом поднималась Сара.

— У нас есть шанс, — сказала она.

— Шанс выбраться отсюда?

— Вы рассказали этому свистуну, что случилось, а он, кажется, может чем-то помочь.

Я удивился.

— Я даже не был уверен, что он понимает меня.

— Он не все понял, и у него есть вопросы. Сейчас они обсуждают это.

— Они?

— Ему помогают Тэкк и Джордж. Джордж очень полезен в таких случаях. Он, кажется, умеет найти общий язык со всеми.

— Еще бы не уметь!

— Жаль, что вы продолжаете недолюбливать Джорджа.

Не время выяснять с ней отношения, подумал я и пошел взглянуть на них.

Три моих спутника сидели в ряд на корточках, вернее, двое из них, а что касается Свистуна, то он лежал, зарывшись ногами в песок. Тэкк напряженно смотрел вперед, а вялое лицо Смита казалось возбужденным. Все щупальца Свистуна были вытянуты вперед, и кончики их дрожали. Я посмотрел туда, куда уставился Тэкк, но ничего не увидел, кроме склона дюны, вздымающейся к небу.

Я тихо стоял позади них. Подошла Сара и встала рядом. Мы замерли. Я ничего не понимал, но что бы ни происходило, мне не хотелось вмешиваться. Если они думают, что есть шанс смыться, я был только за.

Неожиданно щупальца Свистуна стали вялыми и безжизненно повисли. Тэкк и Смит упали ничком на землю. Похоже было, что у них что-то не получалось.

— Недостает силы, — сказал Свистун. — Может быть, если все…

— Все? — спросил я. — Боюсь, я вам здесь не

помощник. Для чего столько стараний?

— Вспоминаем дверь, — ответил Свистун, — чтобы открыть ее.

— Она все еще рядом с нами, — добавил Смит. — Я ощущаю ее.

— Мы можем попробовать, — сказала Сара. — Больше ничего мы все равно не в силах сделать.

Она присела на корточки рядом со Свистуном.

— Что делать? — спросил я.

— Попробуйте представить себе дверь, — сказал Тэкк.

— Открой ее, — сказал Свистун.

— Открыть как?

— При помощи воображения, — продолжал Тэкк. — Иногда, капитан, громкий голос и крепкие мускулы оказываются бессильны.

— Монах Тэкк, — строго сказала Сара, — ваши слова неуместны.

— Это все, чем он примечателен, — заявил Тэкк. — Он только и делал, что орал на нас да погонял.

— Брат, — сказал я, — если вы так считаете, то, когда мы выберемся отсюда…

— Успокойтесь оба! — велела Сара. — Капитан, пожалуйста…

Она разгладила песок рядом с собой, и я покор-

но сел на корточки бок о бок с остальными. Я ощущал себя кретином. За свою жизнь я не видел столь откровенной глупости. Да, конечно, есть космические народы, которые могут творить чудеса при помощи умственной энергии, но люди не отличаются таким умением. Хотя, подумал я, стоит связаться с чудаками вроде Тэкка и Смита, и всякое может случиться.

— Теперь прошу, — сказал Свистун, — все вместе распахнем дверь.

Свистун так стремительно вытянул щупальца вперед, что казалось, он выстрелил ими. Щупальца выпрямились, их кончики дрожали.

Господь свидетель, я старался сосредоточиться, я старался увидеть дверь со светящимся ореолом вокруг, и когда я ее увидел, я сделал попытку открыть ее. Но на ней не было ничего, за что удалось бы схватиться, и поэтому ее вряд ли вообще было возможно открыть. Но я все равно снова и снова пытался открыть. Я даже чувствовал, как мои руки стараются ухватиться за гладкую скользкую поверхность, но в конце концов сползают с нее.

У нас никогда ничего не получится, подумал я. Казалось, что дверь немного приоткрылась и полоска света вокруг нее стала шире.

Но дело продвигалось слишком медленно, мы

бы не смогли распахнуть ее настолько широко, чтобы пройти.

Я почувствовал страшную усталость — не только физическую, но и умственную. Я понимал, что другие чувствуют себя не лучше. Мы, конечно, будем пытаться еще и еще, лезть из кожи вон, но с каждым разом будем слабее и слабее, и если только мы не сможем добиться ничего с первых попыток, мы выдохнемся.

Итак, я прикладывал все силы, и мне показалось, что я ухватился за дверь, тогда я потянул за нее что было мочи и чувствовал, как все остальные тоже тянут. И дверь начала открываться, поворачиваясь в нашу сторону на невидимых петлях. И вот она уже открылась настолько, что в щель — если дверь существовала в действительности — можно было просунуть руку. Но даже когда, обливаясь потом, я мысленно открывал ее, я знал, что на самом деле никакой двери нет, и человек никогда не сможет прикоснуться к ней.

И в конце концов, лишь только дверь приоткрылась, произошла осечка. Попытка провалилась. И дверь исчезла. Перед нами не было ничего, кроме дюны, поднимавшейся до неба.

За спиной что-то щелкнуло, я подпрыгнул и резко повернулся.

Колесо висело высоко над нами и, скрежеща, понемногу теряло скорость. А по серебряной паутине, натянутой между ободом и центром колеса, из зеленого сгустка опускалось, сползало на нас нечто, похожее на каплю. Форма капли и особенно способ стекания по паутине, напоминали паука. Но это был не паук. Паук показался бы красавцем по сравнению с тем уродом, который спускался по паутине. Вниз сползало трясущееся, безобразное существо, похожее на омерзительного слизняка. У него было с дюжину рук и ног, и на одном конце непонятной капли я разглядел то, что можно было назвать лицом. Нет слов, чтобы описать чувство ужаса, ощущение гадливости, которые вызывало это лицо. Меня охватило единственное острое желание — держаться подальше от этого чудовища, я боялся, что оно приблизится и коснется меня.

Слизняк с нарастающим шумом спускался по паутине. Хотя у него и было лицо, но на нем не было рта, и кричать ему было нечем.

Тем не менее урод издавал шум, от которого у нас звенело в ушах.

В этом шуме слышался и скрежет зубов, размалывающих кости, и чавканье шакала, жадно раздирающего гниющий труп, и озлобленное ры-

чание. Все эти звуки раздавались одновременно, а не поочередно, или, может, одновременно напоминали и то, и другое, и третье: я думаю, если бы мы слушали дольше, наверняка бы расслышали и новые ноты.

Жуткий монстр достиг обода колеса, спрыгнул на дюну и замер над нами, широко расставив ноги. Отвратительная слизь текла с его тела на песок, и там, куда падали капли слизи, песок скатывался в маленькие мокрые шарики.

Он стоял, уставясь на нас, издавая звуки, которые заполняли всю пустыню от земли до неба.

И за страшным шумом, как будто закодированное в самих звуках, звучало одно-единственное слово. И в жуткой какофонии я, казалось, смог почувствовать — именно почувствовать, а не услышать — это самое слово.

— Убирайтесь! — кричало нам существо. — Убирайтесь! Убирайтесь! Убирайтесь!

Откуда-то из лунной ночи, из страны вздымающихся дюн, на нас налетел ветер, или другая сила, подобная ветру, которая закрутила нас и отбросила назад. Хотя, если хорошенько подумать, ничего общего с ветром не было, ведь ни одна песчинка не шелохнулась, и мы не слышали гула ветра. Но нас как будто ударили со всего размаху,

толкнули и опрокинули, отшвырнули назад.

Мерзкая тварь все еще стояла на дюне и неистовствовала, а я, отшатнувшись под напором ветра, вдруг сообразил, что у меня под ногами уже не песок, а что-то вроде мостовой.

А потом, неожиданно, из виду исчезла и дюна, а вместо нее перед нами была стена. Все произошло так, словно невидимая дверь распахнулась прямо перед нами. И в то же мгновение приступ ярости уродливого существа закончился, и воцарилась тишина.

Но недолгое молчание было прервано возгласом Смита, который начал кричать как сумасшедший: «Он снова вернулся! Мой друг с нами опять! Он вновь в моем мозгу! Он вернулся…»

— Заткнись! — заорал я. — Кончай нытье!

Он утихомирился, но все же продолжал негромко бормотать, сидя с вытянутыми вперед ногами. На его лице появилось знакомое выражение безумного восторга.

Я быстро огляделся и обнаружил, что мы находимся в том месте, откуда начали свое путешествие, в той же комнате с картинами, и на каждой картине изображены непохожие друг на друга миры.

Мы вернулись живыми и здоровыми, подумал

я с чувством облегчения, но в том нет нашей заслуги. Возможно, если бы у нас было время, мы в конце концов распахнули бы эту дверь сами. Однако это было сделано за нас. Появился монстр из песчаного мира и вышвырнул нас из своей страны.

Ночь, опустившаяся на город, уже сменилась днем. За просторным дверным проемом светило солнце, и на фоне желтого света я увидел возвышающиеся городские кварталы.

Я не приметил ни лошадей-качалок, ни того гномообразного существа, по воле которого мы оказались в пустыне.

Я отряхнул одежду и снял с плеча ружье. Мне нужно было кое с кем свести счеты.

4

Мы обнаружили их в большом зале, этажом ниже комнаты, ведущей в другие миры. Похоже, это был склад.

Маленький гном раскидал наши вещи по полу и теперь просматривал их. Несколько тюков уже прошли через его руки. Он изучал очередной мешок, а оставшаяся часть груза была аккуратно сложена в стороне и ожидала своей очереди.

Лошадки собрались в полукруг и наблюдали за происходящим. Они спокойно покачивались, и хотя их морды ничего не выражали, мне показалось все же, что я заметил на них удовлетворенные ухмылки. Они явно были довольны собой.

Все в комнате были настолько поглощены своим занятием, что никто не обратил на нас внимания, пока мы не вошли внутрь и не приблизились к ним. Увидев нас, лошадки откатились назад, а гном начал медленно распрямляться. Наверно, пока он стоял, склонившись над нашими вещами, у него затекла спина. Все еще полусогнувшись, он уставился на нас сквозь

взлохмаченный чуб, падающий ему на глаза. Он был похож на скотч-терьера.

Мы остановились и встали плечом к плечу. Мы не проронили ни слова. Мы выжидали.

Гном наконец-то выпрямился, сантиметр за сантиметром, очень осторожно и медленно. Лошадки стояли неподвижно, откатившись назад, насколько это было возможно.

Гном всплеснул неуклюжими ручонками.

— Мы собирались, господин, пойти за вами.

Я указал ружьем на наш груз, разбросанный на полу. Гном посмотрел на нас и покачал головой.

— Формальность чистой воды, — заявил он. — Таможенная проверка.

— Чтобы вытянуть пошлину? — поинтересовался я. — И, наверно, высокую?

— Ни в коем случае, — сказал он. — Просто некоторые предметы запрещены к ввозу на нашу планету. Однако, если вы не против, речь может идти о чаевых. У нас почти не бывает возможности отобрать что-нибудь стоящее. Ведь мы оказываем нужные услуги. Я имею в виду укрытие в случае опасности и…

Я осмотрел склад. Он был весь заполнен коробками, корзинами, какой-то другой неизвестной мне тарой. Меня окружали различные предметы,

аккуратно сложенные в груды.

— Кажется, — заметил я, — ваши дела идут не так плохо. У вас и в мыслях не было возвратить нас. Будь ваша воля, мы бы остались в пустыне навсегда.

— Клянусь, — сказал он, — мы вот-вот хотели открыть дверь. Но слишком увлеклись вашим замечательным багажом и потеряли счет времени.

— Почему вы, ответьте прежде всего, выбросили нас туда? — спросила Сара. — В эту пустыню?

— Почему? Чтобы защитить вас от смертоносной вибрации, — объяснил гном. — Мы и сами прячемся в укрытии. Каждый раз, когда приземляется корабль, происходят эти колебания. Обычно они случаются по ночам в предрассветные часы, на следующий день после приземления корабля.

— Землетрясение? — спросил я. — Планета трясется?

— Не планета, — ответил гном. — Происходит сотрясание чувств. Мозг свертывается, а плоть разрывается. Не остается ничего живого. Именно поэтому мы поместили вас в другой мир — чтобы спасти ваши жизни.

Он лгал. Я был уверен в этом. Или, по крайней мере, он обманывал, говоря, что они намере-

вались привести нас из пустыни обратно. Он был провокатором, больше никем. Он добился всего, чего хотел, и ему не было смысла спасать нас, возвращая из того мира, куда он сам нас вышвырнул.

— Послушай, приятель, — сказал я. — Я не верю ни одному твоему слову. С какой это стати приземление корабля должно вызывать вибрацию, о которой ты рассказал?

Он потер скрюченным пальчиком бесформенный нос.

— Этот мир закрыт для всех, — объяснил он. — Тут никого не ждут. Когда все-таки гости наведываются, требуется убедиться, что все они погибли, не успев покинуть город. А если им удается ускользнуть, корабль опечатывается, чтобы они не смогли воспользоваться им вновь и разнести по вселенной информацию об этой планете.

— И все же, — сказал я, — существует мощный направленный луч, или приводной луч, распространяемый на огромные расстояния в космосе. Луч-приманка. Вы заманили нас сюда, потом избавились от нас, бросив в пустыню, а потом вы забрали все, что мы взяли с собой с корабля. Вы получили все, кроме корабля, и, возможно, вы заняты тем, что пытаетесь овладеть и кораблем — и

нашим, и другими, опечатанными на взлетном поле. Не удивительно, что лошади настаивали на том, чтобы мы ничего не оставляли. Они знали, что произойдет с кораблем. Очевидно, вы еще не изобрели способ распечатывания.

Он кивнул.

— Таковы порядки на закрытых планетах, сэр. Возможно, секрет можно разгадать, но пока это не удалось.

Я попал в точку. Он понял это и больше не пытался отпираться. Он признался во всем или почти во всем и надеялся спасти свое положение, подкупая нас честностью и откровенностью. Отчего, подумал я, многие человекообразные, где бы я их ни встречал, оказываются дерьмом?

— Еще я не могу понять, — сказал гном, — каким образом вы вернулись. Никому не удавалось возвратиться из другого мира. Если только мы сами не помогали им.

— И ты заявляешь, что собирался вызволить нас?

— Да, клянусь в этом. И вы можете забрать все свои вещи. У нас не было намерения присваивать их.

— Хорошо, — сказал я. — Ты становишься благоразумнее. Нам надо еще кое-что.

Гном напрягся.

— Что же это? — спросил он.

— Информация, — ответил я. — Она касается другого человека. Гуманоида, очень похожего на нас. С ним должен был быть робот.

Он отвел взгляд, пытаясь принять решение. Я поднял ружье, и это помогло.

— Давно, — сказал он. — Очень давно.

— Появлялись ли еще такие, как мы? Или он был единственным?

— Нет. До него здесь побывали подобные вам. Их было шестеро или семеро. Они вышли за черту города и больше я их не видел.

— А разве вы их не отправили в другой мир?

— Конечно, отправили, — ответил гном. — Мы поступаем так со всеми, кто прибывает. Это необходимо. Каждое приземление вызывает новую смертоносную волну. Как только она уходит, мы снова в безопасности до появления следующего корабля. Всех прибывших мы перемещаем в другие миры, но мы всегда возвращаем их.

Может быть, думал я, он говорит правду. Хотя, очевидно, только частично. Или он снова готовится поймать нас на удочку. Однако теперь я был абсолютно уверен, если у него и есть приманка, он остережется воспользоваться ею. Он был в

наших руках.

— Но ведь всегда следует другая смертоносная волна, — напомнил я, — когда прибывает новый корабль.

— Но только в городе, — объяснил он. — Если вы оказались за его границами, вы в безопасности.

— И никто из прибывших не остается в городе?

— Никто. Они всегда покидают его. Они охотятся за чем-то и думают найти это что-то вне города. Они всегда за чем-нибудь охотятся.

О Боже, он прав, подумал я, каждый из них идет по чьему-нибудь следу. Кто знает, сколько разнообразных мыслящих существ слышали голос, который слышит Смит, и были заворожены им?

— Они когда-нибудь рассказывали вам, — спросила Сара, — что именно ищут?

Он криво усмехнулся.

— Они держат это в тайне.

— Но тот гуманоид, — не отставала Сара, — тот самый, который прибыл один в сопровождении робота…

— Робота? То есть металлического гуманоида, похожего на него?

— Не придуривайся! — прикрикнул я. — Ты знаешь, что такое робот. Эти лошадки — роботы.

— Мы не роботы, — заявил Доббин. — Мы чест-

ные лошадки.

— Заткнитесь-ка! — сказал я.

— Да, — продолжал гном. — Был один с роботом. Он тоже ушел и не вернулся. Однако робот позже возвратился. Хотя он мне ничего не объяснил. Он не сказал ни слова.

— И робот все еще здесь? — спросила Сара.

— У меня есть одна часть от него, — сказал гном. — Мне очень жаль, но та часть, которая управляла им, пропала. Мозги, по-вашему. Так вот, его мозги пропали. Я продал их диким лошадям, которые обитают в плохо изученных районах. Они очень просили и много заплатили. Я не мог отказать им. Это была выгодная сделка.

— Дикие лошади? — переспросил я. — Где мы можем найти их?

Гном пожал плечами.

— Трудно сказать, — ответил он. — Они живут на больших и отдаленных территориях. Чаще всего их можно обнаружить к северу отсюда. Там действительно очень дикие места.

— Зачем же им понадобились мозги Роско? — спросила Сара. — Какая от них польза?

Гном развел руками.

— Откуда мне знать? — сказал он. — Им не задают вопросов. Они на редкость грубые и дикие.

У них туловище лошадей, а головы — такие же, как ваши, и руки тоже; они неразумны и издают очень громкие звуки.

— Кентавры, — сказал Тэкк. — Насколько мне известно, их много по всей галактике. Не меньше, чем гуманоидов. И они, как заметил джентльмен, неразумны. Но, правда, я их ни разу не встречал.

— Ты продал им только мозговой блок, — сказал я. — У тебя еще должно остаться туловище.

— Лошади не просили туловище. Оно у меня.

Я обратился к Саре, перейдя с космического языка на английский.

— Что вы думаете об этом? — спросил я. — Мы продолжаем поиски Найта?

— Он один из тех…

— Если он все еще жив, он очень, очень стар. Я думаю, у нас мало шансов найти его живым. Робот вернулся. Он бы не покинул Найта, если бы тот был жив.

— Хорошо бы выяснить, куда они направлялись, — сказала Сара. — Если бы нам удалось раздобыть мозговой блок Роско и соединить его с туловищем, то он бы мог сообщить, что искал Найт и где он теперь находится.

— Но робот молчал. Он ничего не сказал гному.

— Может, он заговорит с нами, — сказала Са-

ра. — В конце концов, мы — люди, такие же, как те, что сделали его. Если он предан кому-либо, а я подозреваю, что это так, то он может быть предан только человеку.

Я повернулся к гному.

— Итак, — сказал я, — нам необходимы: туловище робота, карты планеты, запас воды. А также лошади-качалки, для того, чтобы везти нас, и наш груз, и…

Гном в ужасе взмахнул руками, отпрянув от меня, упрямо мотая головой из стороны в сторону.

— Я не могу предоставить лошадей, — твердил он. — Мне самому они нужны.

— Ты не дал мне закончить, — сказал я. — Мы берем тебя с собой.

— Нельзя, — воскликнул Доббин. — Он должен остаться, чтобы предупреждать вновь прибывших и спасать их от смертоносной волны. Господин, поймите…

— Мы позаботимся об этом, — сказал я. — Мы заблокируем луч. Если луч не будет приманивать, то никто не появится здесь.

— Вы не сможете ничего сделать с лучом, — ныл гном. — Никто не сможет, потому что нам неизвестно местонахождение датчика. Мне не удалось обнаружить его. Я охотился за ним, и не

я один, но все было напрасно.

Он был удручен. Так или иначе почва была выбита у него из-под ног.

— Проклятье! — проговорил я.

— Кажется, он говорит правду, — сказала Сара. — Луч придумал тот, кто построил и сам город, а наш худосочный друг на создателя города не похож. Он просто живет здесь — варвар, который рыщет в пустом городе и тащит, что плохо лежит.

Я должен был сам понять это. Но я сгорал от злости из-за нашего путешествия в пустыню и чуть с ума не сошел, когда увидел гнома, копающегося в наших вещах. Кровь ударила мне в голову. Если маленький пройдоха надул нас, я уничтожу его.

— Скажите нам, — обратилась к гному Сара, — кто вы такой. Вы ведь не один из строителей этого города?

Его лицо перекосилось от гнева.

— Вы не имеете права спрашивать, — закричал он в ярости. — Вы и так зашли слишком далеко.

— Мы имеем право задавать вопросы, — сказал я. — Мы должны знать правду о том, что происходит. Я даю тебе пять минут.

Ему не понадобилось и пяти секунд. Его ноги подогнулись, и он тяжело осел на пол. Он

обхватил себя худыми ручонками и принялся раскачиваться назад и вперед, словно его мучили желудочные колики.

— Я скажу, — простонал он. — Не стреляйте, я скажу. Но какой стыд! Стыд, стыд, стыд!

В его глазах была мольба:

— Я не могу лгать. Если бы я мог, я бы солгал. Но здесь есть тот, кто распознает мою ложь.

— Кто же? — спросил я.

— Он обо мне, — сказал Свистун.

— У тебя есть детектор лжи?

— Одна из моих незначительных способностей, — ответил Свистун. — Не спрашивайте, нельзя выдавать тайну. Мои возможности невелики, но этой я управляю отлично. Была сказана правда, хотя не вся.

Гном внимательно смотрел на нас.

— Мне кажется, что в подобных ситуациях гуманоиды должны поддерживать друг друга. Мы связаны и…

— Только не ты и я. Мы ничем не связаны.

— Вы слишком грубы с ним, — сказала Сара.

— Мисс Фостер, — заметил я, — это еще не грубость. Я намерен выяснить все.

— Но если у него есть оправдание…

— У него нет оправдания. Не правда ли, па-

рень?

Гном бросил на меня пристальный взгляд. Затем он кивнул головой.

— Моя честь поругана, — сказал он. — Память о моих предках осквернена. С давних пор — таких давних, что всего и не упомнишь, — мы делали вид, что принадлежим к числу тех, кто воздвиг этот необычный город. И если бы вы оставили меня в покое, если бы вы никогда не появились здесь, я бы умер со сладкой мыслью о том, что именно мы построили его. Тогда бы все кончилось; уже было бы не важно, если кто-то, даже вся вселенная узнает, что архитекторами были другие. Потому что я последний в роду, и больше никого не заинтересует эта история. У меня нет потомков. Обязанности, которые я выполняю, перейдут лошадям, а с течением времени они могут передать их кому-нибудь еще. Ведь всегда кто-то должен предупреждать прибывших на планету об опасности и помогать им.

Я взглянул на Доббина.

— Не могли бы вы объяснить, — попросил я, — в чем здесь дело.

— Ничего я не скажу вам, — ответил Доббин. — Вы пришли сюда с дурными намерениями. Мы спасли вас, спрятав в другом мире, а вы подозре-

ваете, что мы бы вас не вернули. Вы негодуете, когда ваш благодетель из простого любопытства рассматривает ваш багаж. И вы еще даете нам пять минут, и помыкаете нами, и ведете себя отвратительно, и вы…

— Достаточно! — крикнул я. — Я не позволю недоделанному роботу так разговаривать со мной.

— Мы не роботы, — натянуто сказал Доббин. — Я говорил вам и повторяю снова и снова, что мы — самые обычные лошади-качалки.

Ну вот, мы опять вернулись к этой теме, к нелепому утверждению лошадок, к их странной упрямой гордости. Если бы я не был столь раздражен, я бы расхохотался. Но мне срочно надо было что-то предпринять и сделать все от меня зависящее.

Я дотянулся, вцепился в рубашку гнома на груди и приподнял его. Тот повис, болтая тонкими ножками, как будто пытался убежать. Но убежать он не мог, потому что его ноги «упирались» в воздух.

— Это уже слишком, — сказал я ему. — Я не знаю, что тут у вас происходит, да мне и наплевать, но вы дадите нам все, что нужно. И не финтить! А если нет — я сверну твою мерзкую

шею.

— Осторожно! — крикнула Сара. Я резко повернул голову и увидел, как лошадки нападают на нас. Они надвигались на задних полозьях, угрожающе подняв передние.

Я отбросил гнома в сторону. Я даже не заметил куда, просто отшвырнул его и поднял ружье. Но тут же с упавшим сердцем я вспомнил, что лазерный луч не оказал воздействия на покрытие посадочного поля. Если лошадки сделаны из того же материала, а это было скорей всего, я с таким же успехом могу бросать в них камнями.

Но как только я взвел курок, Свистун рванулся вперед и, делая рывок, вспыхнул. Возможно, я выбрал неподходящее слово, чтобы описать его состояние, но ничего другого на ум не приходит.

Он выбежал вперед, стуча крохотными ногами по полу, потом задрожал, окутываясь голубоватой дымкой. Он напоминал мне забарахливший электрический прибор. Казалось, все пришло в движение, каждый из нас совершал немыслимые па, а затем все кончилось и встало на свои места. Только лишь лошадки сгрудились в дальнем углу комнаты, устроив кучу-малу. Их полозья шевелились в воздухе.

Я не видел, каким образом они попали туда, —

просто они ни с того, ни с сего оказались в углу. Все произошло так, как будто они и не перемещались в пространстве. Они наступали на нас с поднятыми полозьями — миг — и они уже прижаты в углу.

— Все будет нормально, — сказал Свистун, извиняясь. — Я не причинил им вреда. Они испытывают некоторое неудобство, но это на мгновение. Они смогут двигаться опять. Простите, все случилось слишком неожиданно, но нужно было действовать быстро.

Гном медленно выбирался из-под кипы мешков, коробок и корзин, куда я швырнул его. Глядя на него, я понял, что бойцовский дух в нем иссяк. Лошадки выглядели не лучше.

— Тэкк, — сказал я, — мы отправляемся. Соберите наши вещи. Как только навьючим лошадок, трогаемся.

5

Дома обступили нас. Они высились с обеих сторон. Стены поднимались до неба, и там, где они кончались (если они действительно кончались, ведь, стоя у основания дома, нельзя было быть в этом уверенным), виднелась только узкая бледно-голубая полоска. Небо было так высоко и такое блеклое, что почти сливалось с белыми стенами. Узкая улица изгибалась впереди нас. Она струилась между домами, как ручеек среди валунов. Здания были похожи друг на друга, словно близнецы.

Все было белым, даже покрытие улицы, по которой мы продвигались. Его нельзя было назвать мостовой, это был, скорее, пол, одна сплошная плита, положенная между домами так, что казалась их продолжением. Плита тянулась без конца и края, на ней не было заметно ни одного шва. Плита убегала за горизонт, там же терялся из виду город. Было ощущение, что из города выйти невозможно, что мы захвачены в плен, и выхода не найти.

— Капитан, — сказала Сара, шагая рядом со

мной. — Я не одобряю ваше поведение.

Я не счел нужным отвечать. Я знал, что недовольство мной зрело в ней день ото дня — и на борту корабля, и после приземления. Было очевидно, что рано или поздно она взорвется и все выскажет мне. Но что бы я ни сказал в ответ, ничего не изменится.

Я бросил взгляд через плечо и увидел, что остальные движутся позади. Лошадки везли наш багаж и фляги с водой. Смит и Тэкк ехали верхом. Шествие замыкал Свистун. Он напоминал собачку, стерегущую стадо овец. Временами он даже описывал круги, как собака. Его тело, словно тело сороконожки, было низко посажено на двух дюжинах ног. Я понимал, что пока Свистун идет за лошадками, они не посмеют дурачить нас. Он держал их в страхе.

— Вы чересчур грубы, — сказала Сара в ответ на мое молчание. — Вы всегда идете напролом. Вы абсолютно не умеете хитрить, и иногда мне кажется, что это приведет нас к беде.

— Вы имеете в виду гнома, — предположил я.

— Можно было бы договориться с ним.

— Договориться? В то время, как он обчистил нас до нитки?

— Он сказал, что собирался вызволить нас

из пустыни, — настаивала она, — и я склонна верить ему. Очевидно, сюда прибывали другие экспедиции, и он всегда забирал их из того мира, куда их поместили, и, возможно, отпускал.

— В таком случае, — сказал я, — как вы объясните его комнату, набитую различными предметами?

— Похоже, он украл их, — согласилась Сара. — Или напустил туману и получил от экспедиций эти вещи, когда освобождал их. Или некоторые экспедиции потерпели неудачу, и он собрал все это после их гибели.

Не исключено, что она была права. Каждая ситуация, которую она предположила, была возможна. Но я чувствовал, дело обстоит иначе. Гном сказал, мы были первыми, кто смог выбраться из другого мира без его помощи. Может быть, он лгал, рассчитывая, что мы придем в восторг от собственной находчивости. Но на самом деле, мы так и не выбрались из другого мира. Нас выбросили оттуда и, вполне вероятно, таким же образом оттуда выбросили и остальных. Жители этих других миров, наверное, устали оттого, что им время от времени подсовывают чужаков.

Но не все те, кто оказался в другом мире, выбрались оттуда, и это означало, что гном и его

ребята — лошадки — могли набить карманы. Правда, я не понимал, какой прок был от собранных вещей.

Вряд ли они пользовались ими, а на планете, уничтожающей визитеров, вести торговлю весьма затруднительно. Ясно, гном был дельцом — недаром он продал мозговой блок Роско племени кентавров — но местная торговля не могла бы привести к такому изобилию товаров.

— Что касается гнома, — сказала Сара, — сначала вы пригрозили взять его с собой, а потом отказались. Лично я бы, уж если на то пошло дело, предпочла, чтобы он был с нами и мы могли присматривать за ним.

— Я не вынес бы его воплей и нытья, — объяснил я Саре. — И кроме того, он был так счастлив от нас наконец отделаться, что не препирался, когда мы брали нужные нам вещи. В том числе останки Роско, воду и карты.

Некоторое время мы шли молча. Сара не была удовлетворена беседой. Она злилась на меня. Ей не нравились мои методы, и она намеревалась решительно заявить мне об этом, но ее попытка не имела успеха.

— Мне не по душе этот ваш Свистун, — продолжала Сара. — Какое-то пресмыкающееся.

— Он спас нас, когда угрожали лошади, — сказал я. — Я вижу, вы все озадачены поведением Свистуна, потому что не понимаете его приемов против лошадей. Что касается меня, то мне все равно; лишь бы только он не потерял этой способности и применил ее, если мы вновь окажемся в переделке. И меня не волнует его внешность. Пусть он будет при нас. Нам нужен малый вроде него.

Сара вспыхнула.

— Это пощечина нам всем. Вы не любите Джорджа, не выносите Тэкка, и едва вежливы со мной. И вы всех называете «парень». Мне не нравятся люди, которые так обращаются с другими.

Я глубоко вздохнул и начал считать про себя до десяти, но не досчитал.

— Мисс Фостер, — сказал я ей, — вы, несомненно, помните, какие деньги вы предназначили для меня на Земле. И теперь я пытаюсь заработать эту кругленькую сумму. И я заработаю ее независимо от того, что вы говорите или делаете. Вы не обязаны любить меня. Вы не должны одобрять все мои действия. Но вы ввязались в эту нелепую авантюру так же, как и остальные, а я отвечаю за успех дела, потому что вы наделили меня этой ответственностью. Я и дальше буду в ответе за все,

и вам не надо ничего говорить, пока мы не вернемся на Землю, — если нам суждено вернуться.

Я не знал, что она предпримет. Меня это особенно и не волновало. История затянулась, с момента нашего старта с Земли прошло много времени. Пора было наступить развязке, иначе — мы все пойдем ко дну. Хотя, честно говоря, я чувствовал, что мы уже тонем.

На этой планете есть нечто неуловимо-тревожное — в ней скрыто что-то злобное, какой-то сковывающий холод, похожий на холод разбойничьего взгляда, то, что человеку и не дано осознать, и, может быть, чего он не хочет осознавать, потому что боится. Да и как мы улетим с планеты, если корабль опечатан?

Я ожидал, что Сара набросится на меня в гневе посреди улицы. Я был готов к тому, что она ударит меня винтовкой или выстрелит.

Она не сделала ни того, ни другого. Она продолжала идти рядом со мной. Она не сбилась с шага. Потом она спокойно проговорила: «А вы, оказывается, слабак и сукин сын».

Ну и ладно. Наверное, я заслужил это. Я был суров с ней, но в силу необходимости. Она должна была понять меня, а, кроме того, я слышал и худшие слова в свой адрес.

Мы продолжали идти, и мне захотелось узнать, который час. Судя по моим часам, мы шли по улице уже чуть дольше шести часов, но это ничего не значило, потому что мне было неизвестно, сколько длится день на этой планете.

Пока мы продвигались вперед, я старался не выпускать из виду ничего вокруг, хотя и сам не понимал, что я высматриваю. Город казался опустевшим, но не было никакой уверенности, что в нем не прячется что-нибудь для нас малоприятное. Город выглядел слишком тихим и безопасным. Место, подобное этому, как бы само напрашивалось, чтобы в нем кто-нибудь поселился.

Все улицы были узкими — и та, по которой мы шли, и те, которые от нее отходили. Над улицами возвышались дома. В белых, ничем не украшенных стенах то тут, то там виднелись отверстия. Хотя они и не походили на окна, но все же, наверно, это были окна. Небольшие скромные двери, как правило, выходили на улицу, но иногда я замечал, что перед домами построены мосты, ведущие к массивным дверям, расположенным на верхних этажах зданий. Только некоторые из дверей закрывались, большинство из них были распахнуты. Возможно, кто-то давным-давно

построил этот город, жил в нем, а потом покинул его, даже не утруждая себя закрыть двери.

Неожиданно улица круто вильнула, и завернув за угол, мы увидели, что улица продолжается, такая же прямая, как прежде, и что впереди нас большее расстояние, чем мы уже прошли. А вдалеке, в конце улицы росло дерево, одно из тех деревьев, которые возвышались над городом. Это было первое дерево, увиденное нами с тех пор, как мы покинули посадочное поле. Из-за высоченных городских домов удавалось разглядеть только то, что оказывалось прямо над головой.

Я остановился, и Сара — рядом со мной. За нами, замедляя ход, семенили лошадки. Когда бряцанье их полозьев стихло, я услышал тихую мелодию. Она уже давно звучала, только я не обращал на нее внимания, потому что она сливалась с лошадиным цоканьем.

Но теперь лошадки угомонились, а мелодия все не смолкала. Я огляделся и понял, что не кто иной как Смит, слегка раскачиваясь в седле, словно дитя, мурлыкает что-то себе под нос.

Я стоял спокойно и ничего не говорил.

Но Сара спросила:

— Вы что-то хотите сказать?

— Я еще ничего не говорил и не собираюсь, —

ответил я. — Но если он не прекратит, я заткну ему глотку.

— Он поет от счастья, — объяснил Тэкк. — Не сомневаюсь, капитан, вы не против, если кто-нибудь счастлив. Похоже, мы приблизились к тому существу, которое взывало к нему на протяжении многих лет, и сейчас счастье переполняет его.

Смит никак не реагировал на происходящее. Он по-прежнему сидел верхом, напевая песенку, подобно неразумному ребенку.

— Едем дальше! — скомандовал я. Конечно, надо было бы остановиться — отдохнуть и перекусить, но мне казалось, что это место не подходит для привала. Хотя, может быть, оно и было вполне подходящим — но мне хотелось двигаться вперед, чтобы звяканье лошадиных полозьев заглушило песню Смита.

Я предполагал, что Сара не согласится и заявит, что я держу их всех в черном теле, но она безмолвно пристроилась за мной, и мы продолжили путь.

Дерево в конце улицы становилось все выше и выше. Возможно, так только казалось, потому что, по мере приближения мы могли лучше его рассмотреть. В конце концов мы увидели, что оно растет чуть в стороне от того места, где конча-

ется улица. Оно было минимум в два раза выше зданий, стоящих по обеим сторонам улицы. И это означало, что оно было в два раза выше любого здания в городе, потому что дома, расположенные вокруг нас, были выше зданий, находящихся в городском центре.

Солнце клонилось к западу, когда мы дошли до конца улицы. Улица действительно обрывалась в этом месте. Город тоже закончился, и перед нами простирались его окрестности, красно-желтая земля — не пустыня, но похожая на нее, — край одиноких холмов, голубых горных цепей, деревьев, растущих поодаль друг от друга. Виднелась и другая растительность — невысокие кусты то тут то там, — но в глаза бросались только эти огромные деревья. Лишь одно из них росло близко — около трех миль — от нас, но, признаться, определить расстояние было не просто.

Улица завершалась и переходила в тропинку — не в дорогу, а именно в тропинку, вытоптанную за много лет. Кружась, изгибаясь и поворачивая, она пролегала через красно-желтую землю. В миле от города я заметил отдельно стоящее здание, не такое массивное, как в городе, но все равно очень высокое. В отличие от городских домов, оно не напоминало огромную прямоугольную

глыбу. Оно казалось и легким — но никак не легкомысленным, — и прочным. Его построили из какого-то красного материала, и уже это отличало его от белых городских зданий. Его украшали шпили, башни, высокие окна, а к трем распахнутым дверям в центре дома вел высокий пандус.

— Капитан Росс, — сказала Сара, — не устроить ли нам привал? У нас был долгий тяжелый день.

Она, наверно, ожидала, что я начну спорить, но я не стал. У нас действительно был долгий тяжелый день, и пора было устраивать привал. Следовало сделать это раньше, подумал я, но мне до смерти хотелось выйти из города. Мы были на ногах в течение восьми часов, а солнце только-только начало склоняться к западной части неба. Стемнеет еще не скоро, но с нас достаточно. Световой день длится здесь целую вечность.

— К дому! — предложил я. — Мы разобьем лагерь и осмотрим здание.

Сара кивнула, и мы снова тронулись. Смит все еще напевал свою песенку, но ее было чуть слышно сквозь лязганье полозьев. Если он будет продолжать и в лагере, подумал я, мне будет трудно удержаться, чтобы не вынудить его замолчать. Позволить ему и дальше издавать эти идиотские звуки — выше моих сил.

Находясь в черте города, мы были спрятаны от солнца, теперь же мы вышли из тени. Солнце не слишком припекало, от него исходило приятное ласкающее тепло, напоминающее о весне. Мы с удовольствием купались в солнечном свете. Воздух был чист и пах зеленью, его пряный смолистый аромат щекотал ноздри. Красное здание стояло перед нами, выделяясь на фоне безоблачного неба. Казалось, его шпили и башни стремятся пронзить небо. Было здорово, что мы наконец выбрались из города, видим небо над собой; и у меня возникло чувство, что куда бы мы ни направлялись — мы на верном пути.

До какого же безумия можно дойти, подумал я. Если мы пойдем по этой змеящейся тропинке, мы сможем выйти к племени кентавров, купивших мозг Роско, и если он все еще там, а они, допустим, продадут его… и если нам удастся каким-нибудь образом вставить его в туловище робота, то последний, вполне вероятно, расскажет нам о том, что произошло. В свое время я и сам любил большую охоту, но вот появилась женщина, которая тоже непрочь поохотиться, слепой мечтатель да отвратительный монах с грязью под ногтями — и я готов идти на поиски чудес. Не исключено, у меня когда-нибудь будет другая компания. Но

пока нет другой, со мной пойдут эти трое.

Мы были на полпути к красному зданию, когда я услыхал испуганные возгласы. Я посмотрел назад и увидел, как на нас мчатся лошади. Ни секунды не размышляя, я спрыгнул с тропы, успев схватить Сару и оттащить ее в сторону. Вместе с ней мы упали на обочину. Мимо нас пронеслись лошадки, их полозья промелькнули так быстро, что, казалось, слились в одно пятно. Смит и Тэкк отчаянно держались за седла, коричневая ряса Тэкка развевалась на ветру позади него. Лошадки устремились к пандусу, ведущему в здание. От их ора у меня по коже забегали мурашки.

Я уже почти встал на ноги, когда над моей головой раздался негромкий взрыв, почти приглушенный; в воздухе просвистели темно-красные пули, рикошетом отскочив от земли. Я не понимал, что происходит, но было очевидно, что оставаться здесь больше нельзя. Лошадки, вероятно, знали больше меня, поэтому они так спешили к пандусу, и мне очень хотелось последовать за ними. Я рывком поднял Сару на ноги и мы побежали за лошадками.

Справа от нас опять что-то взорвалось, по земле запрыгали темно-красные пули, поднимая пыль.

— Дерево! — крикнула Сара, переводя дыха-

ние. — В нас стреляет дерево!

Я поднял голову. Множество красных шариков проносилось над нами в воздухе. Без сомнения, их направляло дерево.

— Осторожней! — воскликнул я и подтолкнул Сару. Она оступилась и упала на землю, увлекая меня за собой. Вокруг нас пролетали темные шарики — удар! удар! удар! — казалось, все пространство было заполнено пулями, угрожающе свистящими. Одна попала мне в ребро, и мне почудилось, что меня лягнул осел.

Другая пуля ударила мне в щеку.

— Вперед! — крикнул я и потянул Сару с земли. Она вырвалась и побежала к пандусу. Пули все взрывались и взрывались вокруг, и отбивали чечетку по покрытию пандуса, но все-таки мы поднялись к дому и ворвались в дверь.

Все уже были там. Лошадки испуганно прижимались друг к другу, а Свистун сновал перед ними подобно встревоженной овчарке.

Тэкк привалился к седлу, а Смит прекратил петь, но сидел прямо насколько позволяла его неловкость, и лицо слепого глупо светилось счастьем. Его вид мог испугать любого.

За дверью продолжали метаться из стороны в сторону темные шарики; они взрывались, из-

давая приглушенный звук, и из них гроздями вылетали свистящие пули, которые скакали по пандусу.

Я посмотрел на Сару. Она стояла с растрепанными волосами, ее всегда аккуратный походный костюм был смят и заляпан грязью.

Одна ее щека была испачкана.

Я улыбнулся. Несмотря ни на что, она не выпустила своего ружья. Уж не приклеила ли она его к себе, подумал я.

Мимо меня быстро пробежало какое-то маленькое существо. За ним промчалось еще одно, потом — еще, и когда крохотные бегуны высыпали на пандус, я увидел, что они походили на крыс. Они набрасывались на пули, схватывали их зубами, причем их не останавливало даже то, что пули прыгали по земле. Потом, плотно сжав челюсти, грызуны исчезали один за другим.

В темноте позади нас послышался шорох и писк, и через секунду новые сотни крысообразных существ промчались мимо, задевая наши ноги, натыкаясь на них в безумной спешке. Они все стремились к пандусу и пулям.

С появлением ватаги грызунов лошадки сбились в кучу с одной стороны от дверного проема, чтобы освободить путь. Мы последовали их при-

меру. Маленькие суетящиеся звери не обращали на нас никакого внимания. Их интересовали только пули, и они, толкаясь, сновали туда-сюда, пытаясь схватить странную добычу так яростно, как будто от этого зависела их жизнь. Снаружи прибывали красные шарики, и все так же с глухим шумом взрывались и разлетались пули. Свистун поджал ноги и опустился на пол, раскинув щупальца.

— Собирают урожай, — предположил он. — На черный день.

Я согласился. Похоже, Свистун прав. Темные шарики — это стручки, наполненные семенами, и дерево нашло своеобразный способ их распространения. Да, шары — это стручки, но не только. Они могут использоваться в качестве оружия, как это и произошло в нашем случае. Наверно, дерево давно ожидало нас, и, как только мы приблизились к нему на нужное расстояние, оно открыло огонь. Если бы радиус попадания был меньше и мы были застигнуты стрельбой в открытом месте, нам пришлось бы туго. Я еще чувствовал боль в боку, а на щеке я нащупал маленькую царапину.

Нам повезло, что красное здание стояло неподалеку. Сара уселась на пол, положив винтовку на колени.

— Все нормально? — спросил я.

— Устала — и все! — ответила она. — Думаю, что нам ничего не мешает обосноваться прямо здесь.

Я осмотрелся. Тэкк спешился, но Смит сидел в седле, прямой как стрела. Он высоко поднял голову, склонив ее немного набок, как будто прислушивался. С его лица до сих пор не исчезло идиотское выражение счастья.

— Тэкк, — сказал я. — Не могли бы вы и Смит разгрузить лошадей? Я пока поищу дров.

Мы захватили с собой походную печку, но было глупо тратить горючее, имея возможность раздобыть дрова. Да и, кроме того, костер, вокруг которого можно собраться и поболтать, — совсем другое дело.

— Я не могу заставить его спуститься, — почти плача, сказал Тэкк, — он не слушается меня. Он попросту не обращает внимания.

— Что с ним? Он ранен?

— Не думаю, капитан. Полагаю, он наконец оказался там, куда стремился. Я думаю, он добрался до места.

— Вы имеете в виду тот голос…

— Здесь, в этом здании… — сказал Тэкк, — здесь когда-то, возможно, был храм. Дом напоминает культовую постройку.

Извне дом действительно походил на церковь, но было трудно разглядеть его изнутри. Солнечные лучи проникали в дверь, вход ярко освещался, но дальше была абсолютная темень.

— Его нельзя оставлять так на всю ночь, — сказал я. — Надо снять его. Вдвоем мы сможем стащить его с седла.

— А что потом? — спросил Тэкк.

— Что вы подразумеваете под «потом»?

— Мы снимем его сегодня. Но что мы сделаем завтра?

— Черт возьми! — сказал я. — Очень просто. Если он не придет в себя, мы поднимем его и привяжем к седлу, чтобы он не выпал.

— Вы хотите сказать, что собираетесь его увезти отсюда? Из того места, которое он искал и нашел? Он стремился сюда почти всю свою жизнь!

— На что ты намекаешь? — закричал я. — На то, что мы поставим на себе крест и останемся тут навсегда только потому, что этот блаженненький идиот…

— Должен напомнить вам, капитан, — мрачно заметил Тэкк, — что не кто иной, как этот блаженненький идиот, начертал наш маршрут. Если бы не он…

— Господа, — вмешалась Сара, — пожалуйста,

потише. Вы, по-видимому, не понимаете, капитан, что мы не можем покинуть это место так быстро, как бы вам хотелось.

— Не можем покинуть? — сказал я сквозь зубья — Что же задерживает нас?

Сара указала на дверь.

— Наш друг-дерево выбрало нас в качестве мишени. Я наблюдала за ним. Все, чем оно бросается в нас, падает на пандус. Не было ни промаха. Выход за дверь будет стоить нам жизни. Даже эти грызуны не всегда могут увернуться, как они ни малы и ни юрки.

Я увидел, что дорога, ведущая к дому, кишела скачущими по ней семенами. То здесь, то там лежали маленькие крысиные тела, распростертые и неподвижные.

— Дерево устанет, — предположил я. — У него истощатся силы или кончатся боеприпасы.

Сара покачала головой.

— Не думаю, капитан. Какая, вы полагаете, высота дерева? Четыре мили? Пять миль? Его крона тянется на несколько верст вверх, а шириной достигает, наверное, мили. И сколько же, по-вашему, стручков, наполненных семенами, может расти на таком дереве?

Я понимал, что Сара права, что она рассчитала

верно. Если дереву будет угодно, мы не сдвинемся с места в течение многих дней.

— Доббин, — обратился я к лошади. — Может, вы объясните, что происходит? С какой стати дерево лупит по нам?

— Благородный сэр, — сказал Доббин. — Я не пророню ни слова. Я следую за вами. Я несу ваше имущество. Большего я для вас не сделаю. Вы не получите ни информации, ни помощи. Вы недостойно вели себя по отношению к нам, и в глубине души я не вижу оснований, чтобы вас поддерживать.

Легкой походкой из темноты приблизился Свистун. Его щупальца шевелились, а два глаза на их кончиках светились.

— Майк, — просвистел он, — любопытное зданьице. Напоминает о древних тайнах. О давних временах и чудесах. Наводит на мысль о том, что здесь кто-то есть.

— Ага, ты того же мнения, — заметил я.

Я снова взглянул на Смита. Он так и не пошевелился. Слепой продолжал прямо сидеть в седле. На его лице, как и прежде, застыла маска безумного счастья.

Наш спутник был далеко от нас. Его мысли гуляли по вселенной.

— В доме обретаешь покой, — продолжал Свистун. — Очень странный покой. Наводит страх. Говорю со стороны. Не знаю ничего подобного. Нахожу покой и отдых, когда понадобится. О чем догадаюсь — сообщу.

— Скажите, — поинтересовалась у меня Сара, — вы собираетесь снять Смита с лошади или оставить его так, как есть?

— Похоже, — сказал я, — ему все равно, где он находится, но давайте спустим его.

Я позвал Тэкка и мы сняли слепого с седла, опустили на пол и прислонили к стене возле двери. Он не сопротивлялся и не подал виду, что осознает происходящее.

Я подошел к одной из лошадок и сбросил с нее мешок. Копаясь в нем, я обнаружил карманный фонарь.

— Давай-ка, Свистун, — предложил я, — пойдем на разведку и поищем дрова. Может быть, здесь есть старая мебель или что-то в этом роде.

Продвигаясь в глубь здания, я заметил, что было не так темно, как я ожидал. Дом казался темным по сравнению с ярким светом солнечных лучей, проникавших в дверь. Однако, в здании не было не очень светло. Все здесь утопало в сумрачной мгле. Мы шли как в тумане.

Вместе со Свистуном, который семенил бок о бок со мной, мы проникли в глубь здания. Рассматривать было нечего. Стены скрывались в полумраке. Предметы неотчетливо выступали из темноты. Высоко над нами светились солнечные блики — свет, должно быть, пробивался сквозь щели окон. Справа от нас сплошным потоком бежали маленькие крысообразные твари, сжимая в зубах семена. Я направил на них фонарь, и свет отразился в их красных свирепых глазках. Я выключил фонарик — от вида грызунов меня пробила дрожь.

Свистун похлопал меня щупальцем по руке. Ни слова не говоря, он указывал в сторону. Я взглянул туда и увидел огромную кучу, похожую на черный холм, скорее всего, груду мусора, наваленного в беспорядке.

— Вдруг есть дрова, — предположил Свистун.

Мы свернули к куче, и оказалось, что она больше и дальше от нас, чем мы думали. В конце концов мы подошли к ней и осветили со всех сторон. Там действительно были дрова — поломанные, искореженные деревяшки, остатки мебели, словно нарочно разрушенной. Но в куче были не только дрова. Мы нашли и металлические детали — некоторые — ржавые и

нещадно искривленные, некоторые — все еще сохранившие блеск. Когда-то эти куски металла представляли собой, вероятно, рабочие инструменты, но теперь все они были погнуты так, что абсолютно потеряли форму. Кто-то здесь хорошенько постарался и над изделиями из металла, и над мебелью. В куче валялись обрывки одежды и странного вида деревянные чурбаны.

— Удивлен. Неживые объекты вызывают ярость! — заметил Свистун. — Таинственный случай, невозможно постичь разумом.

Я передал ему фонарь. Он обвил его щупальцем и стал светить мне. Я встал на колени и принялся выбирать из кучи дрова, складывая бревна на одну руку и следя за тем, чтобы они подходили для костра. Деревяшки были тяжелыми и сухими. Они будут хорошо гореть, и можно не бояться, что их не хватит, если придется провести здесь слишком много времени. Я наткнулся на кусок дерева, обтянутый тканью, и хотел было отбросить его, однако мне пришло в голову, что его можно использовать как трут, и я прихватил его с собой.

Я приготовил дрова и начал медленно подниматься на ноги. Груз лежал на изгибе моей левой руки, и мне надо было подправить его правой, чтобы дрова не сползли на пол.

— Помоги мне, — сказал я, обращаясь к Свистуну.

Он не ответил, я взглянул вниз и увидел, что Свистун замер.

Он застыл, как пойнтер, учуявший дичь, и его щупальца указывали прямо на потолок — если только у этого здания был потолок.

Я поднял голову и ничего не увидел. У меня лишь возникло ощущение, что передо мной необъятное пространство — одно сплошное пространство от пола до башенок и шпилей. С дальнего конца огромного пространства до нас доносился шелест, становившийся громче и громче. Как будто множество птиц быстро и отчаянно бились крыльями, как будто крылатая стая разом поднялась с земли и рвется в небо. Но звук не исчез, птицы не улетели испуганно прочь; пока мы вслушивались в шум, он усиливался с каждым мигом. В темной мгле над нашими головами происходил великий исход, и миллионы крыльев швыряли своих обладателей из ниоткуда в никуда. Они — эти существа с хлопающими крыльями — не просто кружили в пространстве. Их неистовые метания не прекращались; в течение одного мига они пересекали несколько тысяч футов пустоты, зияющей над нами, и исчезали

навсегда, но на их месте появлялись другие, и так снова и снова, и поэтому шуму хлопающих крыльев не было конца.

Я напряг зрение, но ничего не смог увидеть. Либо они носились слишком высоко, либо были невидимы, либо, подумал я, их не было там вовсе. Но звук шел оттуда, и в другой ситуации я вообще не обратил бы на него внимания, но здесь он казался необычным. С безотчетным леденящим чувством я понял, что столкнулся с явлением, которое выше моего понимания.

Потом шум крыльев прекратился — так же неожиданно, как возник. Они все улетели, и теперь мы стояли в глухой тишине, от которой звенело в ушах.

Свистун опустил щупальца.

— Не здесь, — сказал он. — Где-то в другом месте.

Я понял, что он был охвачен теми же ощущениями, что и я. Но он ничего не понял. Эти крылья, то есть шум этих крыльев, шел не из того измерения, где мы находились. Он зарождался в ином измерении, и только какое-то странное пространственно-временное эхо помогло нам услышать его. Я не мог объяснить, что натолкнуло меня на эту мысль.

— Давай вернемся, — сказал я Свистуну. — Все, должно быть, проголодались. Мы давно не ели. И давно не спали. А ты, Свистун? Я не спрашивал тебя — можешь ли ты есть нашу пищу?

— Нахожусь в своем втором образе, — ответил Свистун.

Я вспомнил, что когда он во втором образе (что бы это могло значить?), ему не требуется еда.

Мы вернулись к входу в здание. Лошади собрались в круг, опустив головы. Мешки, снятые с их спин, аккуратно стояли возле стены недалеко от двери. Подле них расположился Смит, все еще расслабленный, все еще счастливый, все еще погруженный в себя, похожий на надувную куклу, прислоненную к стене. Рядом с ним упиралось в стену тело Роско, безмозглого робота. Жуть брала глядеть на эту парочку.

Солнце село. За дверью стало темно, но не так темно, как в здании. Крысообразные создания не прекращали сновать из дома и обратно, собирая семена.

— Стрельба стихла, — сказала Сара. — Но она возобновляется, как только высунешь голову.

— Не сомневаюсь, что вы сделали это, — сказал я.

Сара кивнула.

— Это не опасно. Я нырнула обратно, мгновенно, — я всегда трушу в таких ситуациях. Но дерево видит нас. Я уверена.

Я опустил дрова на пол. Тэкк уже распаковал несколько кастрюлек, сковородок и даже кофейник.

— Разведем костер прямо здесь, — предложил я. — Рядом с дверью, чтобы дым выходил.

Сара согласилась.

— Я чуть не падаю, капитан, — пожаловалась она. — Огонь и пища не повредят нам. А Свистун? Ест ли…

— Он не пьет и не ест, — ответил я. — Он в своем втором образе, но не стоит говорить об этом.

Она поняла меня и кивнула.

Подошел Тэкк и присел на корточки.

— Хорошие дрова, — сказал он. — Откуда?

— Мы набрели на мусорную кучу. Чего в ней только нет!

Я присел рядом и достал нож. Выбрав палку поменьше, я начал обстругивать ее. Потом я извлек из кучи деревяшку, обтянутую тряпкой. Я уже был готов сорвать ткань, как Тэкк знаком остановил меня.

— Подождите, капитан!

Он взял кусок дерева и повернул его к свету. И

впервые я смог разглядеть, что подобрал. До тех пор я считал, что передо мной не больше, чем деревянная палка, обернутая тряпьем.

— Кукла, — сказала Сара удивленно.

— Не кукла, — сказал Тэкк. Его руки дрожали, он крепко сжимал нашу находку, возможно, чтобы унять дрожь.

— Не кукла, — повторил он. — Но идол. Посмотрите ей в лицо!

Лицо, как ни странно, отчетливо проступало в сумерках. Это было человеческое лицо. Возможно, лицо примата, хотя я не был уверен. Я испытал шок. Кукла выглядела на удивление выразительно. Никогда раньше мне не приходилось видеть в лице столько печали, столько смирения. Игрушку едва ли можно было назвать изящной. Черты ее лица, вырезанного из одного куска дерева, скорее были грубыми. Вся фигурка напоминала кукурузный початок. Но нельзя было не понять, что умелыми руками, которые вырезали кукольное личико, двигала печаль — одному Богу известна ее причина! — и они изобразили на нем весь ужас бытия, и сердце сжималось, когда я смотрел на их создание.

Тэкк медленно поднял куклу и прижал ее к груди. Он переводил взгляд с одного из нас на

другого.

— Неужели вы не видите? — крикнул он. — Неужели вы не понимаете?

6

Пришла ночь. Костер высветил в темноте волшебный круг, который заставил всех нас придвинуться к огню. За спиной спокойно покачивались лошадки, тихо звеня полозьями. Смит безжизненно привалился к стене. Мы сделали попытку поднять его и накормить, но ничто не могло привести его в чувство. Он лежал мешком, он был с нами телом, но не разумом. Его мысли унеслись далеко. Рядом с ним находилось металлическое тело неразумного робота. Поодаль сидел Тэкк. Он крепко прижимал к груди куклу, уставившись в темноту.

Все начинается сначала, — подумал я. — Экспедиция распалась.

— А где Свистун? — осведомилась Сара.

— Где-то ходит, — ответил я. — Вынюхивает. Он никогда не устает. Не попробовать ли вам заснуть?

— А вы будете сидеть и сторожить?

— Я не Ланселот, — сказал я, — если вы к этому клоните. Можете быть уверены: попозже я растолкаю вас, чтобы самому вздремнуть.

— А вы обратили внимание, — спросила Сара, — что здание построено из камня?

— Возможно. Но я не задумывался над этим.

— Оно не похоже на городские. Здесь — настоящий камень, я плохо разбираюсь, какой именно. Может быть, гранит. Вы имеете представление о том, из чего построен город?

— Только не из камня, — предположил я. — Этот материал никогда не лежал в земле. Больше всего похоже на искусственный камень. Особый химический состав, вероятно. Очень крепко сцепленные атомы. Ничто на свете не может разрушить этот материал. Когда я выстрелил в посадочную площадку из лазерного ружья, покрытие даже не было поцарапано.

— Вы знаете химию, капитан?

Я покачал головой.

— Не так хорошо, как кажется.

— Строители этого здания и строители города — не одни и те же мастера. Этот дом возвели раньше.

— Неизвестно, — сказал я. — Довольно сложно выяснить, как давно существует город. Потребуется миллион лет, чтобы на зданиях появились следы повреждений, — если вообще появятся.

В течение минуты мы сидели молча. Я поднял

палку и бросил в костер. Огонь вспыхнул.

— А утром, капитан?

— Что вы имеете в виду?

— Что мы будем делать утром?

— Мы пойдем дальше, если дерево позволит. Нам надо найти вольных кентавров, выяснить, есть ли у них мозговой блок и можем ли мы получить его…

Она показала на Смита.

— А что будет с ним?

— Может, он придет в себя. Если нет — мы усадим его в седло. А если к тому времени не выйдет из транса и Тэкк, я приведу его в чувство.

— Но ведь Джордж тоже чего-то искал. И он нашел!

— Послушайте, — сказал я. — Кто купил корабль и платит по счету? Кто привел сюда Смита? Не вздумайте сказать, что вы готовы зарыться здесь и остановиться на полпути в своих поисках только потому, что у нас на шее такая развалина, как Смит.

— Я не знаю, — ответила Сара. — Если бы не он…

— Хорошо, — сказал я. — Давайте просто оставим его здесь. Если ему так хочется. Если он достиг своей цели…

— Капитан, — выдохнула Сара. — Вы не сделаете этого!

— Почему вы так решили?

— Вы не растратили доброту. Вы не отвернетесь от…

— Это он отвернулся от нас. Он получил желаемое…

— Откуда вы знаете?

Вот в чем беда, когда имеешь дело с женщиной. Нет логики. Она только что сказала, что этот идиот Смит получил все, что хотел. Когда я заявил то же самое, она принялась спорить.

— Я ничего не знаю. Не уверен…

— Но вы пробиваетесь вперед и принимаете решения.

— Конечно, — сказал я. — Потому что, если я буду вести себя иначе, мы останемся здесь навсегда. А нам нельзя сидеть сложа руки. Нам надо еще много пройти. Необходимо продолжать путь.

Я поднялся, подошел к двери и выглянул наружу. Луна спряталась, ночь была темной и беззвездной. Во мраке проступала белизна города, а дальше неясно вырисовывался горизонт. Больше ничего не было видно.

Дерево прекратило бомбардировку. Крысообразные существа, собрав все семена, ушли туда,

откуда они появились.

Может быть, подумал я, если мы тронемся прямо сейчас, мы сможем беспрепятственно миновать дерево. Но я сомневался. Вряд ли темнота что-то меняет для него. Конечно же, дерево не могло видеть нас. С каких это пор у деревьев есть глаза? Оно, очевидно, воспринимало нас другим способом. Вероятно, оно остановило стрельбу, потому что понимает, что приковало нас к дому. Потому что знает, что в любой момент, если мы решимся тронуться с места, сможет вновь открыть пальбу. Наверно, оно даже знает, что мы не склонны путешествовать по ночам.

Но тем не менее мысль о возможности воспользоваться темнотой не давала мне покоя. Правда, я понимал, что мы рискуем очутиться в неизвестной местности, руководствуясь едва заметной тропинкой, ни разу нами не хоженной. Да и кроме того, наши силы были на пределе. Надо было отдохнуть.

— Почему вы пошли с нами, капитан? — послышался голос Сары. — С самого начала вы не верили в успех моей затеи.

Я вернулся к костру и уселся рядом с Сарой.

— Вы забываете, — объяснил я, — о деньгах, которые вы посулили мне. Вот вам и причина

моего присутствия здесь.

— Это еще не все, — сказала она. — Деньги не главное. Вы боялись, что вам не удастся больше вырваться в космос. Вы представляли себя прикованным к Земле навсегда. Уже в первый день вашего пребывания на этой планете она угнетала вас.

— На самом деле вы хотите знать, почему я оказался на Земле и искал убежище. Вы жаждете выяснить, какие преступления я совершил. Как случилось, что вы не осведомлены о моей жизни в неприглядных подробностях? Вам было известно все, даже точное время моего приземления. На вашем месте я бы разогнал свою разведывательную службу. Ваши агенты провалились.

— Про вас ходило много слухов, один нелепей другого. Невозможно было ни во что поверить. Но знайте, вы переполошили весь космос. Скажите, капитан, может ли кто-нибудь сравниться с вами в умении мошенничать?

— Не знаю. Я не собирался ставить рекорды, если вы это имеете в виду.

— Но речь шла о какой-то планете. Это то, что я слышала, и это похоже на правду, потому что вы охотник за планетами. Там действительно было так красиво, как говорят?

— Мисс Фостер, — сказал я, — эта планета была прекрасна. Похожа на Землю в доледниковый период.

— Что же тогда с ней случилось? Рассказывали разное. Одни говорили о вирусе, другие — о губительном климате. Третьи считали, что никакой планеты и не было.

Я усмехнулся, сам не знаю почему. Мне было не до смеха.

— Дело обстояло иначе, — сказал я. — Одна маленькая деталь. Она уже была населена разумными существами.

— Но вам следовало бы это знать…

— Не обязательно. Они были немногочисленны. И их было трудно обнаружить. Как исследовать планету, чтобы удостовериться в ее обитаемости?

— Не знаю, — сказала Сара.

— Я тоже.

— Но вы…

— Я охотился за планетами. Я не изучал их. Ни один охотник за планетами не снаряжен для исследования планет. У него, естественно, может быть представление о ней. Но у него не хватит ни оборудования, ни помощников, ни знаний, чтобы возиться с этими проблемами. Исследова-

ние, проведенное первооткрывателем планеты, не имеет юридического статуса. Должен быть соответствующий контроль. На планету заводится патент…

— Но несомненно, планета была запатентована. Вы не могли ее продать без этого.

Я кивнул.

— Патент был выдан, — сказал я. — Престижной исследовательской фирмой. Чистая работа. Я был заинтересован в результатах, но допустил ошибку. Я дал денег, чтобы они вложили их в экспедиционное оборудование и больше платили людям. Я хотел, чтобы они поскорее сделали дело. Дюжина фирм по торговле недвижимостью уже представила выгодные предложения, и я боялся, что может возникнуть другая планета, которая окажет конкуренцию.

— Вряд ли бы это произошло.

— Вы правы. Но попробуйте понять меня. Можно потратить всю жизнь на охоту за планетами и при этом ни разу даже на расстояние выстрела не приблизиться и к менее прекрасной планете. Но когда это наконец-то случается, ты оказываешься в плену диких фантазий. Ты просыпаешься по ночам в холодном поту от страшных снов. Ты знаешь, что больше не попадешь в цель. Что это

твой единственный и последний шанс. И невозможно вынести мысль, что появится кто-то — и все пойдет прахом.

— Кажется, я понимаю. Вы спешили.

— Вы чертовски правы! И исследователи спешили не меньше, чтобы отработать мои деньги. Не хочется говорить, что они были недобросовестны, хотя боюсь, это так. Но надо отдать им должное. Разумные формы обитали в районе джунглей, незначительном по площади, и поэтому не были заметны. Если бы миллион лет назад на Земле проводились подобные исследования, то не было бы обнаружено ни единого человека. Тогда разумные организмы находились на той же стадии развития, что и на моей планете. Это были питекантропы. В свое время питекантропы не могли повлиять на результаты изучения Земли. Их насчитывалось немного, они были скрыты из виду и не строили зданий.

— Ваша компания здорово ошиблась, — заметила Сара.

— Ага, — сказал я, — ошиблась.

— А что, не так?

— О, именно так. Но попытайтесь объяснить это миллиону поселенцев, которые в мгновение ока перебрались на планету, обустроили свои

фермы, основали маленькие города, и уже начали любить свою новую страну. Попробовали бы вы объяснить все фирме по торговле недвижимостью, когда эти миллионы поселенцев вопили о возвращении своих денег и требовали возместить ущерб. И вот тогда всплыла история с моим денежным вкладом.

— Они решили, что вы дали взятку?

— Мисс Фостер, — сказал я, — вы попали в точку.

— Но это правда? Это была взятка?

— Я не знаю. Я бы не сказал так. Я абсолютно уверен, что когда я предложил, а потом дал деньги, я не считал их взяткой. Просто я вложил некоторую сумму, чтобы ускорить дело. Хотя я чувствовал, что фирма будет вынуждена постараться для меня больше, чем для кого-нибудь другого, не предоставившего вклада. Что им придется закрыть глаза на некоторые проблемы.

— Вы хранили деньги в земном банке. На расчетном счету. Вы делали так в течение многих лет. Это выглядит не слишком честно.

— За это петлю не накинешь, — объяснил я. — Для деловых людей космоса здесь нет ничего необычного. Земля — единственная планета, где можно открыть расчетный счет. Кроме того,

земной банк — самый надежный. Чек, выданный на Земле, везде вызывает уважение, чего вы не скажете о чеках с других планет.

Сара улыбнулась.

— Странно, — сказала она. — Что-то в вас меня привлекает, а что-то отталкивает. Как вы собираетесь поступить с Джорджем, когда мы покинем это место?

— Если его поведение не изменится, нам вскоре придется его хоронить. Сколько времени он может обходиться без еды и питья? Я не умею кормить насильно. Может, у вас получится?

Она сердито покачала головой.

— Как насчет корабля? — спросила Сара, меняя тему.

— А что вас беспокоит?

— Возможно, нам бы следовало не покидать город, а вернуться на поле.

— Зачем? Постучать по скорлупе? Попробовать открыть корабль кувалдой? А где ее взять?

— Корабль еще пригодится нам.

— Может, да, — сказал я. — Может, нет. Нужна информация. Вы не думаете, что если нашелся кто-нибудь способный так просто убрать вязкую дрянь, покрывающую корабль, это уже давным-давно сделано?

— Возможно, они так и поступили. Или кто-то другой расковырял покрытие. Как узнать?

— Сложный вопрос. Но если история про вибрацию не выдумана, то город не место для прогулок.

— Итак, мы уходим, даже не попытавшись возвратиться на корабль?

— Мисс Фостер, — сказал я, — мы напали на след Лоуренса Арлена Найта. Разве вы не этого хотели?

— Да, конечно. Но корабль…

— Решайтесь, — сказал я. — Что же, черт возьми, вам надо?

Она спокойно посмотрела на меня.

— Отыскать Найта.

7

Она разбудила меня перед рассветом.

— Джордж исчез! — крикнула она. — Он был здесь только минуту назад. Потом я взглянула опять, а его уже нет.

Я тотчас встал. Я не мог проснуться окончательно, но в ее голосе звучала тревога, и я заставил себя действовать быстро.

Вокруг было темно. Костер догорал и больше не отбрасывал тусклый свет. Джордж исчез. Место возле стены, где он находился, пустовало. Фигура робота неестественно вырисовывалась на фоне стены. Рядом лежало снаряжение, сброшенное в кучу.

— Может быть, он проснулся, — предположил я, — и ему надо было выйти…

— Нет! — закричала она. — Вы забываете, что он слепой. Он бы попросил Тэкка, чтобы тот вывел его. А он никого не позвал. Он даже не шевельнулся. Я бы услышала. Я сидела вот тут, у костра, и смотрела в сторону двери. За миг до этого я взглянула на Джорджа. Он был на своем месте. А когда я посмотрела снова, его уже не

было…

— Стоп! — сказал я. Сара была на грани истерики, и я боялся, что, если она будет продолжать рассказ, она сорвется. — Подождите немного. Где Тэкк?

— Там. Спит, — она махнула в сторону, и я увидел скрюченного человека, спящего у костра. За ним угадывались расплывчатые контуры лошадок. Скорее всего, роботы не спали. Очень глупо с их стороны, подумал я. Они, очевидно, никогда не спят.

Они попросту стояли и наблюдали за нами.

Свистуна тоже нигде не было видно.

Сара права. Если бы Смит очнулся и ему что-либо понадобилось — глоток воды или справить нужду или что-то в этом роде — ему бы потребовалась помощь. Он бы поднял шум и позвал Тэкка, своего всегда заботливого, всегда любящего Тэкка.

И Сара услышала бы каждое его движение. Нас обступала та оглушающая тишина, которая воцаряется в пустом доме, покинутом обитателями. Падение булавки, чирканье спичкой, дыхание, шорох одежды — каждый звук был бы слышен и заставил бы насторожиться.

— Ну что же, — сказал я. — Он исчез. Вы не

слышали его. Он не позвал Тэкка. Мы будем его искать. Надо сохранять спокойствие. Мы не собираемся никого списывать со счета.

Я поежился от холода. Мне было плевать на Смита. Он исчез, и хорошо, если мы никогда не найдем его. Он был чертовски обременителен. Но я не переставал мерзнуть. Холод зарождался внутри меня и только потом леденил кожу. Я сгорбился и напрягся, потому что начинал дрожать от холода.

— Мне страшно, Майк, — сказала Сара.

Я сделал несколько шагов по направлению к Тэкку.

Склонившись над монахом, я увидел, что он спит не так, как обычно спят люди. Он свернулся калачиком, как дитя в материнской утробе, плотно завернувшись в коричневую рясу. Руками он крепко сжимал свою дурацкую куклу, устроив ее между коленями и грудью. Он напоминал трехлетнего ребенка, затащившего в безопасный мир своей постели плюшевого медвежонка или зайца с оторванным ухом.

Я готов был разбудить его, но остановился. Я стыдился потревожить этого скрюченного человечка, погруженного в глубокий сон, и возвратить его в кошмар холодной ночи, в пустое

здание на чужой непонятной планете.

— Что случилось? — спросила Сара.

Я потряс Тэкка за костлявое плечо.

Еще одурманенный сном, он медленно просыпался. Одной рукой он тер глаза, другой — крепче прижал к себе отвратительную куклу.

— Смит исчез, — сообщил я. — Мы идем на поиски.

Тэкк выпрямился. Он продолжал тереть глаза и, казалось, не понимал значения моих слов.

— Вам непонятно? — спросил я. — Смит исчез.

Он покачал головой.

— Не думаю, что он исчез, — сказал Тэкк. — Полагаю, что его забрали.

— Забрали? — воскликнул я. — Кто, черт возьми, уведет его? Кому он нужен?

Он снисходительно посмотрел на меня. Я готов был придушить его за этот взгляд.

— Вы не понимаете, — сказал он. — Вы никогда не понимали. И не поймете. Вы ничего не ощущаете, не правда ли? Вокруг вас происходят события, а вы ничего не чувствуете. Вы чересчур грубы и материалистичны. Животная сила и напыщенность — вот все, что привлекает вас.

Я уцепился за его рясу и резко обернул ее вокруг монаха. Потом я поднялся на ноги, потянув его

за собой. Он попытался ослабить мою хватку, и кукла выпала у него из рук. Я отпихнул ее ногой далеко в темноту.

— Ну, отвечай, — закричал я, — в чем дело? Что же такое происходит, чего я не замечаю, или не чувствую, или не понимаю?

Я тряс Тэкка с такой силой, что его руки безжизненно повисли, голова подскакивала, зубы стучали.

Подошла Сара и схватила меня за руку.

— Оставьте его! — кричала она.

Я отпустил Тэкка. Некоторое время он стоял, покачиваясь.

— Что он сделал? — спросила Сара. — Что он сказал вам?

— Вы сами слышали. Он сказал, что Смита забрали. Кто забрал — вот что мне надо знать. Куда? И почему?

— И я хочу выяснить это, — сказала Сара.

Слава Богу, на этот раз она на моей стороне. А несколько минут назад она назвала меня по имени.

Тэкк отступил от нас, постанывая. Потом он вдруг отпрыгнул, исчезнув в темноте.

— Эй, куда!? — крикнул я, следуя за ним.

Но прежде, чем я настиг его, он остановился,

нагнулся и подобрал ту самую смехотворную куклу.

Я с отвращением повернулся и, с трудом пробираясь в темноте, возвратился к огню. Я вытащил палку из кучи поленьев, сгреб ею горящие головни и положил три или четыре деревяшки на угли. Языки пламени сразу же начали лизать дерево.

Я сидел у костра и смотрел, как Сара и Тэкк медленно двигались по направлению к костру. Я ждал, пока они приблизятся, и сидел на корточках, глядя на них снизу вверх.

Они остановились передо мной. Первой заговорила Сара.

— Мы будем искать Джорджа?

— А где?

— Хотя бы здесь, — сказала Сара, указывая в темноту.

— Вы не слышали, как он ушел, — ответил я. — Вы видели его в течение всей ночи, потом в какой-то момент вы заметили, что он отсутствует. Вы не слышали, как он шевелится. Если бы он сделал хоть одно движение, вы бы услышали. Он не мог встать и на цыпочках уйти. У него не было времени для этого, кроме того, он был слепой и вряд ли осознавал, где находится. Если бы он очнулся, он был бы в растерянности и позвал нас.

Я обратился к Тэкку:

— Что вам известно о нем? О чем вы пытались мне поведать?

Он потряс головой, как упрямый ребенок.

— Поверьте, — сказала Сара. — Я не спала. Я даже не дремала. После того, как вы разбудили меня и заснули, я была все время начеку. Как я говорю, так и было.

— Я верю вам, — успокоил я ее. — Я не сомневаюсь в ваших словах. Стоит выслушать Тэкка. Если он знает что-то, пусть скажет сейчас, прежде чем мы куда-либо рванем.

Мы больше не обращались к Тэкку. Мы просто ждали, и наконец, он заговорил:

— Вы знаете, что был голос. Голос, принадлежавший его другу. И здесь Джордж нашел его. Прямо здесь, в этом самом месте.

— И вы считаете, что этот друг забрал его?

Тэкк кивнул.

— Не знаю, каким образом, — сказал он, — но надеюсь, это так. Джордж заслужил это. Наконец-то и он познал радость. Многие недолюбливали его. Он часто раздражал. Но он обладал прекрасной душой. Он был благородным человеком.

О Боже, сказал я себе, благородный человек! Господь, сохрани меня от всех этих благородных

нытиков.

— Вы принимаете версию? — спросила Сара.

— Трудно сказать. Что-то произошло с ним. Может быть, Тэкк не ошибается. Смит не уходил. Он исчез не по своей воле.

— А кто он — этот друг Джорджа? — поинтересовалась Сара.

— Не кто, — сказал я, — а что.

И, сидя перед костром, я припомнил шум крыльев, возникший в высях этого темного заброшенного здания.

— В доме что-то происходит, — сказал Тэкк. — Вы должны чувствовать.

Из мрака донесся стук, быстрый, ритмичный стук, все время усиливающийся. Звук приближался. Мы повернулись лицом к темноте. Сара приготовила винтовку, Тэкк отчаянно сжимал куклу, как будто он принимал ее за талисман, способный спасти его от любых напастей.

Я первым увидел того, кто стучал.

— Не стреляйте! — крикнул я. — Это Свистун.

Он шел к нам. Его многочисленные ножки блестели при свете костра и стучали по полу. Когда он увидел, как мы встречаем его, он остановился, потом медленно приблизился.

— Обо всем осведомлен, — сказал он. — Узнал,

что он покинул нас, и поспешил обратно.

— Что-что? — переспросил я.

— Ваш друг исчез. Я его не ощущаю.

— Ты узнал об этом в момент исчезновения? Как это возможно?

— Все вы, — сказал Свистун, — всегда в моем сознании. Даже когда вас не вижу. Один исчез из сознания, я решил — трагедия, и вернулся.

— Вы сказали, что слышали, как он ушел, — сказала Сара. — Это случилось только сейчас?

— Совсем недавно, — ответил Свистун.

— Вы знаете, куда он делся? Что с ним произошло?

Свистун устало помахал щупальцем.

— Не могу знать. Знаю — ушел. Бессмысленно искать.

— Хотите сказать, что он не здесь? Не в этом здании?

— Не в этом строении. Не извне. Не на этой планете. Полностью исчез.

Сара посмотрела на меня. Я пожал плечами.

— Почему вы способны поверить только в то, что трогаете и видите? — спросил Тэкк. — Почему вы думаете, что все тайны возможно раскрыть? Почему вы мыслите только категориями физических законов? Неужели в ваших умишках нет

места чему-то большему?

Мне хотелось стереть его в порошок, но в тот момент было глупо обращать внимание на такое дерьмо, как он.

— Можно поискать, — предложил я. — Не верится, что мы найдем его, но можно попробовать.

— Я буду чувствовать себя лучше, если мы рискнем, — ответила Сара. — Ничего не предпринять было бы неправильно.

— Не верите моей информации? — спросил Свистун.

— Не думай так, — сказал я. — Ты, безусловно, прав. Но представители нашей расы преданы друг другу. Это сложно объяснить. Если даже надежды не осталось, мы все равно идем до конца. Вероятно, это нелогично.

— Логики нет, — согласился Свистун. — Бессмысленно, но привлекательно. Иду и помогу искать.

— Нет необходимости, Свистун.

— Не позволяете участвовать в преданности?

— Ну, хорошо, пойдем, — согласился я.

— Я тоже пойду, — сказала Сара.

— Ни в коем случае, — ответил я. — Кто-то должен следить за лагерем.

— А Тэкк? — спросила Сара.

— Вам следует знать, мисс Фостер, — сказал Тэкк, — что он не доверит мне ничего и никогда. Кроме того, вы поступаете глупо. Это создание говорит правду. Вы не найдете Джорджа, где бы вы его ни искали.

8

Едва мы немного продвинулись в глубь здания, как Свистун сказал:

— Хотел рассказать новости, но не стал. Казались неважными по сравнению с печальным уходом спутника. Рассказать сейчас?

— Я слушаю.

— Касается семян, — сказал Свистун. — Великая тайна в немощном разуме.

— Ради Бога, — взмолился я, — хватит ходить вокруг да около.

— Одобряю откровенный разговор. Все укажу. Будь добр, измени направление.

Он резко свернул, и я пошел за ним. Мы увидели большую металлическую решетку в полу.

— Семена внизу, — сказал Свистун.

— И что это означает?

— Пожалуйста, смотри. Освети яму.

Я встал на четвереньки и направил луч в яму. Я склонился так низко, что прижался лицом к металлическим прутьям. Яма казалась огромной. Луч света не достигал стен. А под решеткой в огромную кучу были свалены семена, и их было

значительно больше, чем могли собрать крысовидные твари накануне.

Я попытался понять, почему Свистун придает яме такое значение, но, ничего не заметив, встал и выключил фонарь.

— Не вижу ничего необычного, — сказал я. — Это склад провианта, не больше. Крысы приносят семена и сбрасывают их вниз.

— Ошибаешься, — не согласился Свистун. — Вечное хранилище. Я смотрю. Я просовываю свою смотрелку между прутьями. Я вожу ею из стороны в сторону. Я исследую колодец. Я вижу, пространство закрыто. Семена попадают внутрь, и нельзя взять их обратно.

— Но внизу темно.

— Темно для тебя. Не для меня. Умею настраивать зрение. Умею видеть во всех частях космоса. Умею видеть дно сквозь семена. Умею больше, чем просто видеть. Умею подробно изучать поверхность. Нет выхода. Нет даже запертого выхода. Нет возможности вынуть их. Маленькие сборщики собирают семена, но не для себя.

Я вновь взглянул вниз и увидел там тонны семян.

— Нашел много любопытного.

— Что еще? Что еще ты выискал?

— Груды ветоши. Как та, в которой нашли дрова. Следы на стенах и полу, оставленные сдвинутой мебелью. Место для поклонения.

— Алтарь?

— Не знаю про алтарь, — сказал Свистун. — Место для поклонения. Священное. И дверь. Ведет к выходу.

— К выходу куда?

— Из дома.

— Почему ты не сказал сразу? — закричал я.

— Я говорю сейчас, — ответил Свистун. — Сомневался, в связи с пропавшим другом.

— Давай пойдем к ней.

— Но, — сказал Свистун, — сначала внимательно ищем исчезнувшего товарища. Прочешем все, без надежды однако…

— Свистун!

— Да, Майк?

— Ты сказал, его нет здесь, и ты уверен в этом.

— Уверен, конечно. Все же ищем его.

— Нет, не будем. Твоего слова достаточно.

Он посмотрел в закрома, покрытые мглой, и увидел, что нет ни выхода, ни входа. Он мог больше, чем просто видеть. Он не видел: он знал. Мы все были в его сознании, и один из нас исчез. И этого довольно. Если он сказал, что Смита больше

нет, то я был не прочь согласиться с ним.

— Не знаю, — сказал Свистун. — Я бы не хотел…

— Все нормально, — ответил я. — Давай поищем дверь.

Он повернулся и засеменил в темноту. Я поправил ружье на плече и пошел вслед за ним. Мы двигались в тишине, и малейший шорох отзывался громким шумом. Неожиданно я увидел, как сплошную тьму разорвало пятно слабого света. Впереди маячила приоткрытая дверь. Мне показалось, что какая-то фигура промелькнула в проеме, но я не был уверен.

Мы шли дальше в пустоту, далекий свет костра позади нас становился все бледнее и бледнее. Над головой я ощущал огромное пространство, упирающееся в крышу. Вдруг Свистун остановился.

Я не мог разглядеть стену, но она была там, впереди, через несколько футов. Полоска света стала шире. Свистун открыл дверь настежь. Дверца была невелика. Меньше двух футов в ширину, и такая низкая, что мне пришлось нагнуться.

Передо мной простиралась красно-желтая местность. Дом был окружен оградой, сложенной из того же темно-красного камня, что и само здание. Впереди, довольно далеко, виднелись

деревья, но дерево, которое стреляло в нас, было скрыто из виду домом.

— Сможем ли мы вновь открыть дверь, когда захотим вернуться? — поинтересовался я.

Свистун внимательно изучил внешнюю сторону раскрытой двери.

— Безусловно, нет, — ответил он. — Открывается только изнутри.

Я выбрал небольшой валун, подкатил его к двери и засунул под нее, чтобы она случайно не закрылась.

— Пойдем, — позвал я. — Посмотрим. Но старайся идти за мной.

Я направился налево вдоль дома. Дойдя до края стены, я выглянул из-за угла и увидел дерево.

Оно заметило меня, или почувствовало, или как-то иначе узнало обо мне и, когда я вторично выглянул, оно принялось стрелять.

От него отделялись черные точки, и по мере приближения, они раздувались, как шары.

— Ложись! — крикнул я. — Падай!

Я отпрянул к стене и упал на Свистуна, закрывая лицо руками. Надо мной взрывались стручки. Какой-то из них ударил по углу здания. Семена проносились, издавая свистящий монотонный звук. Одно задело мое плечо, другое ударило

в ребро. Они не причиняли мне вреда, только жалили, как осы. Другие с легким завыванием рикошетом отскакивали от стены.

Все стихло, и я встал. Не успел я как следует выпрямиться, как начался новый обстрел. Я опять бросился на спину Свистуна. В этот раз семена не задели меня серьезно, только слегка царапнули шею, и кожа в этом месте горела, как от ожога.

— Свистун, — позвал я. — Ты можешь быстро бегать?

— Передвигаюсь очень быстро, — ответил он, — когда в меня бросают различные предметы.

— Тогда слушай.

— Весь обратился в слух.

— Дерево стреляет залпами. После очередного залпа я крикну, а ты попытайся рвануть к двери. Держись поближе к стене. Не выпрямляйся. Сейчас ты лежишь головой к двери?

— Нет, — ответил Свистун. — Развернусь.

Он завертелся подо мной. Грянул новый залп. Семена прыгали вокруг меня. Одно укусило меня в ногу.

— Подожди, — сказал я. — Когда ты доберешься до мисс Фостер, передай ей, чтобы она погрузила мешки на лошадок и увела их с собой. Мы уходим.

На нас обрушился новый шторм снарядов. Семена барабанили по стенам и прыгали по песку. Песчинки угодили мне в глаза, однако, в остальном вроде бы пронесло.

— Давай! — крикнул я и, пригнувшись, выбежал из-за угла, держа руку на спусковом крючке. Семена, как буря, свирепствовали вокруг. Я почувствовал удар в челюсть и в голень. Меня качнуло, и я чуть не упал, но заставил себя бежать дальше. Интересно, как дела у Свистуна, подумал я, но у меня не было возможности оглянуться.

Я поравнялся с углом здания и увидел дерево — возможно, в трех милях от меня. Непросто было определить расстояние.

Я поднял ружье. От дерева ко мне направлялись черные точки, похожие на комаров, но я выждал. Я прицелился, затем нажал на курок. Ружье, выстрелив, дернулось вниз. Лазерный луч блеснул яркой вспышкой и исчез, и прежде чем дерево ответило, я бросился ничком на землю.

Миллионы кулачков заколотили по моей голове и плечам. Несколько стручков врезалось в стену и разорвалось, осыпая меня градом семян.

Я привстал на колени и посмотрел в сторону дерева. Я видел, что оно пошатнулось и начало опрокидываться. Стряхнув песок с ресниц, я

наблюдал, как оно все ниже и ниже клонится к земле.

Дерево падало медленно, как бы неохотно, как бы пытаясь выстоять.

Потом оно стало набирать скорость и все быстрее валиться на землю, опускаясь с небес.

Я поднялся и провел рукой по шее. На ладони остался кровавый след.

Дерево рухнуло, и земля задрожала, как от мощного взрыва. Над местом падения дерева поднимался столб пыли и осколков. Я повернулся, чтобы направиться к двери, и не смог сдвинуться с места. Голова разрывалась от боли. Однако я успел заметить, что дверь была открыта, возле нее стоял Свистун, но войти не представлялось возможным, потому что из дома сплошным потоком выбегали крысообразные существа. Грызунам, наверно, было тесно в узком дверном проеме, они забрались один на другого, и теперь толпа крыс, движимых отчаянным желанием собрать упавшие семена, неслась сквозь проход, как бурный ручей, загнанный в тонкий шланг.

Я падал — нет, парил — сквозь вечность и пространство. Я понимал: это падение, но я падал не просто медленно; пока я падал, земля отдалялась от меня, уходила из-под ног, и как долго я ни

падал, земля не приближалась, а наоборот, оказывалась все дальше и дальше. И в конце концов земля исчезла совсем, опустилась ночь, и я стал тонуть в непроглядной темноте, окутывающей меня.

Время тянулось бесконечно, но все же темнота отступила, и я открыл глаза, которые почему-то закрылись, когда я упал в темноту. Я лежал на земле, а надо мной было ярко-голубое небо и солнце.

Возле меня стоял Свистун. Крысы ушли. Облако пыли рассеивалось над тем местом, где свалилось дерево. Неподалеку возвышалась красная каменная стена. Было тихо.

Я попробовал сесть и обнаружил, что эта попытка отняла у меня последние силы. Ружье лежало под боком, и я взял его в руки. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что оно сломано. Ствол был искорежен, а приклад наполовину разбит. Я положил ружье на колени, хотя мог бы его выбросить: ни один человек в здравом уме не осмелился бы им воспользоваться, а починить его было невозможно.

— Выпил твою жидкость, вот что я сделал, — проверещал Свистун весело. — И поместил обратно. Надеюсь, не сердишься.

— Что-что?

— Не о чем говорить, — просвистел он, — дело сделано.

— Какое дело?

— Выпил твою жидкость.

— Черт возьми, подожди минутку! — недоумевал я. — Что это значит?

— Ты был наполнен смертоносной жидкостью, — объяснил он, — в результате ударов. Смертельно для тебя. Но не смертельно для меня.

— И ты ее выпил?

— Что еще было делать? Процедура общепринята.

— Господи, спаси! — воскликнул я. — Вот тебе и живой фильтр с щупальцами!

— Слова твои не понятны, — пожаловался Свистун. — Я освобождаю тебя от жидкости. Я отделяю вредное вещество. Я наполняю тебя опять. Внутри тебя нахожу биологический насос. Но волнуюсь, волнуюсь, волнуюсь! Думаю, опоздал. Теперь вижу нет.

Мне снова надо было лечь. Я сидел всего одну минуту — долгую, долгую минуту — и ту с превеликим трудом. И все же я был живой — больной и ослабевший, но живой. Я вспомнил ощущение,

что у меня разрывается голова, вспомнил, как я падал, как мне было плохо, очень плохо. Семена, ударявшие до этого, ни разу не поранили меня до крови. А в тот раз, когда я вытер шею, на руке осталась кровь.

— Свистун, — прошептал я. — Кажется, я обязан тебе…

— Ты ничего не должен, — ответил Свистун счастливым голосом. — Я плачу долг. Меня ты спас раньше. Теперь расплачиваюсь. Квиты. Не хотел тебе говорить. Боялся, что грех. Запрещается твоей религией, возможно. Может быть, нельзя проникать в тело. Поэтому не хотел говорить. Но ты принял спокойно, и все правильно.

Мне удалось подняться на ноги. Ружье упало с колен и так ударило меня по ноге, что я снова свалился. Я был без сил.

Свистун внимательно наблюдал за мной при помощи щупалец, оснащенных глазами.

— Ты нес меня раньше. Я тебя не могу, — сказал он. — Если привяжешься ко мне, могу тебя тащить. Имею сильные ноги.

Я отверг предложение.

— Иди один, — сказал я. — Веди меня. Я справлюсь сам.

9

Тэкк пытался изображать настоящего мужчину. Они с Сарой усадили меня на лошадку, и он настоял на том, чтобы Сара ехала на второй, ненагруженной, лошади. Сам он собирался идти пешком. Мы спустились по пандусу, вышли на тропу и двинулись. Тэкк, вцепившись в куклу, шагал впереди, а Свистун замыкал шествие.

— Я надеюсь, — сказал мне Доббин. — В этот раз вам не выжить. Я хочу сплясать на ваших костях.

— А я на твоих, — парировал я.

Не самый умный ответ, конечно, но я был не в лучшем состоянии. Я чувствовал себя неуверенно и едва сидел в седле.

Тропа привела нас на вершину высокого холма, и с нее мы увидели дерево. Оно находилось на расстоянии нескольких миль и казалось больше, чем я предполагал. Упав, оно перегородило дорогу. Разломанный ствол напоминал ствол дерева, срубленного топором. Из трещин во все стороны вылезали серые букашки. Они ползали, кишели вокруг поверженного дерева, сновали

по тропе. Их было очень много, и они издавали тонкий пронзительный писк, от которого меня передергивало.

Доббин нервно покачивался, и в его странном ржании слышался не то гнев, не то испуг.

— Вы пожалеете об этом, — взвизгнул он. — Никто до сих пор не осмеливался поднять руку на дерево. Никогда еще обитатели ствола не ступали на землю.

— Малый, — сказал я, — дерево превратило меня в мишень. Если в меня не стреляют, то и я не стреляю в ответ.

— Надо обойти, — предложила Сара.

Тэкк посмотрел на нас.

— Здесь обойти быстрее, — он махнул влево, где находился пень, срезанный по диагонали лазерным лучом.

Сара согласилась:

— Идите вперед.

Тэкк сошел с тропы на бугристую землю, усеянную круглыми камнями, величиной с человеческую голову. Кругом разрастался низкий кустарник с острыми колючками. Под ногами у нас был песок, перемешанный с красной глиной и каменной крошкой. Я подумал, что на протяжении миллиона лет какие-то существа молотили

по камням, с целью превратить их в осколки.

Как только мы свернули с тропы, чтобы обойти дерево, серая масса букашек двинулась нам наперерез. Они ползли друг за другом и напоминали широкое подвижное полотно, волнующуюся реку с пенящимися водоворотами. Казалось, они никогда не остановятся.

Тэкк разгадал их намерение и ускорил шаг. Он почти бежал, но все время падал и спотыкался, потому что земля под ногами была неровной и коварной. Падая, он ударялся коленями о камни и, пытаясь подставить руки, не раз угодил ими в колючки. Он ронял куклу и останавливался, чтобы поднять ее, и кровь капала из его израненных пальцев на игрушку.

Лошадки тоже прибавили шаг, но всякий раз, когда Тэкк, запутавшись в рясе, растягивался на земле, они притормаживали.

— У нас ничего не получится, — сказала Сара, — пока он плетется впереди. Я спешиваюсь.

— Нет! — решительно возразил я.

Я попробовал спрыгнуть с лошади, но сделал это так неловко, что только обладая большой фантазией, можно было назвать мою попытку прыжком. Приземлившись, я лишь чрезвычайным усилием воли удержался на ногах и не упал

прямо лицом в колючий куст. Я побежал вперед и схватил Тэкка за плечо.

— Возвращайся и садись на Доббина, — приказал я. — Дальше пойду я.

Он повернулся ко мне, и я увидел, что его глаза горели злобой. Его лицо прямо-таки перекосилось от гнева. Не было сомнения, он ненавидел меня.

— Вы никогда не давали мне шанс! — крикнул он. — Никому и никогда! Вы хапаете все сами.

— Убирайся и садись в седло, — повторил я. — Если ты этого не сделаешь, я поколочу тебя.

Я не стал дожидаться, пока он выполнит мой приказ, и двинулся вперед, осторожно выбирая дорогу. В отличие от Тэкка я не бежал, а просто шел быстрым шагом. Я по-прежнему неуверенно держался на ногах, у меня сосало под ложечкой, перед глазами все расплывалось, и голова кружилась.

И несмотря на все это — на ватные ноги, пустой желудок, звон в ушах, я размеренно пробирался вперед и даже успевал замечать, как ширится серая живая лента.

Букашки быстро ползли в нашу сторону. Их процессия явно напоминала боевой порядок, и я понял, что, как ни старайся, невозможно избежать встречи. Надо попытаться обойти их с

фронта, в этом случае нам грозит столкновение лишь с авангардом, но не с основными частями.

По мере того, как мы приближались к букашкам, их писк звучал все громче и все больше походил на протяжный вой, на плач заблудившихся существ.

Мои спутники наступали мне на пятки. Я попробовал идти быстрее, но чуть не грохнулся, и мне пришлось присесть, чтобы передохнуть.

Мы могли бы сделать крюк и обойти дерево в другом месте. Возможно, в этом случае нам удалось бы избежать нападения серых букашек. Но вероятность удачи была мала, да и времени терять нельзя. Будет лучше просто не сводить глаз с авангардных рядов и пройти между ними.

Конечно, трудно предугадать, насколько они опасны. Если они будут вести себя слишком угрожающе, мы всегда сможем убежать. Какая досада, что лазерное ружье сломано! Единственное оружие, которым мы располагаем, — это баллистическая винтовка Сары. Одно время я даже надеялся, что мы опередим их и сможем спокойно продолжать путь. Но я ошибся, они накатывались на нас, и мы задевали ногами за край огромного ковра. Букашки оказались крохотными — не более фута в высоту и выглядели

как улитки. Только вместо улиточьих рожиц у них были человеческие лица, или, скорее всего, пародии на них смешные, безучастные, большеглазые физиономии — такие встречаются в мультфильмах. Визги букашек стали отчетливей и превратились в слова. Естественно, это были не слова, составленные из определенных звуков, но так или иначе их взвизгиванье и вой воспринимались как слова, и было понятно, что именно они кричат. Они выкрикивали разное, но каждый раз об одном и том же, и это было ужасно.

— Мы бездомные, — многоголосо кричали они. — Ты лишил нас крова. Ты разрушил наш кров, и теперь у нас нет крыши над головой. Что же с нами будет? Мы в растерянности. Мы нищие. Мы голодные. Мы погибнем. Мы не знаем, куда податься. Мы не желаем другого дома. Мы довольствовались малым, а теперь ты забрал у нас и это. Какое право имел ты обездолить нас ты, обладающий многим? Что это за существо, которое вышвырнуло нас в мир, неизвестный, ненужный? Можешь не отвечать. Но рано или поздно тебе придется дать ответ — и что ты скажешь?

Конечно же, слова не были связаны, не лились сплошным потоком, не заключали утверждений, не складывались в вопросы.

Но именно это слышалось в отрывочных звуках, именно это хотели сказать нам крохотные ползучие осиротевшие существа, которые знали, что мы ничего не можем, да и не хотим сделать для них. Смысл их стона скрывался не только в словах, но и в лицах, на которых читалось горе, растерянность, беспомощность и жалость. Да, жалость к нам — низким, распутным, греховным созданиям, способным лишить их дома. Эта жалость была для меня хуже всего.

Итак, путь перед нами был свободен, и вскоре визги позади нас начали стихать, а потом и вовсе смолкли, должно быть, мы слишком удалились от букашек, или они просто прекратили стенать, поняв, что плач уже не имеет смысла. Скорее всего, они с самого начала знали — жаловаться бесполезно, но не могли сдержаться.

Рыдания стихли, но слова не выходили у меня из головы, и в душе зарождалось и росло, росло, росло осмысление того, что простым нажатием на курок я убил не только дерево, но и тысячи несчастных маленьких существ, для которых дерево было пристанищем. Непонятно отчего я вспомнил, как в детстве мне рассказывали про эльфов, живущих в старом величественном дереве за нашим домом. Хотя, надо сказать, эти

серые визгуны, Господь свидетель, не похожи на эльфов.

Глухая злоба поднималась во мне. Надо было как-нибудь погасить ощущение собственной вины, и я пытался оправдать выстрел в дерево. Это оказалось простым делом и не потребовало долгих размышлений. Дерево хотело убить меня, и оно бы добилось своего, если бы не Свистун. Дерево хотело убить меня, а я вместо этого убил его, и это было справедливо с любой точки зрения. Но убил бы я его, спрашивал я себя, если бы знал о сотнях тысяч букашек, населяющих дерево? Я старался убедить себя в том, что не поступил бы так. Но я не верил своим мыслям. Я лгал сам себе. Если бы я знал, все бы повторилось!

Перед нами вырос остроконечный холм, и мы начали подъем. Мы шли вверх, и из-за холма показался ствол дерева. Чем выше мы поднимались, тем выше становился пень. Я вспомнил, что когда я выстрелил в дерево, я стоял лицом к северу и целился в ту часть дерева, которая смотрела на запад. Потом, вспомнилось мне, я провел ружьем влево и вниз, срезав ствол по диагонали, и заставил дерево свалиться ветвями на восток. Если бы я был предусмотрительней, я бы опрокинул дерево на запад. Тогда оно не перегородило бы тропу.

Хлебнешь забот, если не подумаешь хорошенько перед тем, как что-либо предпринять!

Наконец мы поднялись на холм и смогли впервые рассмотреть пень. Перед нами был самый обычный пень, только очень большой, а вокруг него все поросло травой. Да, посреди красно-желтой равнины находился зеленый оазис, круглая поляна, в милю или больше диаметром, обступающая ствол.

Сердце защемило при взгляде на нее — она так напоминала о родине, о заботливо ухоженных лужайках, которые всегда появлялись там, где бы ни очутились представители человеческой расы.

Я никогда раньше не задумывался о них, но теперь мне хотелось понять причину, которая заставляла отказавшихся от многих привычек людей все же сохранить обычай высаживать траву и ухаживать за ней даже на самых отдаленных планетах.

Лошадки выстроились в ряд на тонком гребне холма. Рядом со мной встал Свистун.

— Что это, капитан? — спросила Сара.

— Не знаю.

Очень странно, подумал я. Похоже на обычную лужайку. Но что-то подсказывало мне, что все не так просто.

Глядя на лужайку, хотелось спуститься к ней, растянуться на траве во весь рост, положив руки под голову и спрятав лицо под шляпой, и пролежать так полдня. Пусть там больше не было дерева, отбрасывающего тень, но все равно казалось, что нет ничего лучше, чем подремать на солнце.

В том-то и беда, — решил я. — Лужайка слишком заманчива, слишком знакома, слишком спокойна.

— Пойдем вперед, — предложил я.

Свернув влево, чтобы не очень приближаться к зеленому кругу, я начал спускаться с холма. Я шел, не отводя взгляда от лужайки, но ничего не происходило, совсем ничего. Я был готов к тому, что дерн превратится в страшное чудище, которое нападет на нас. Я представлял, как трава расступится и под ней обнажится геенна огненная, а из нее вылетят привидения.

Но лужайка продолжала быть лужайкой. Посредине стоял высоченный пень, а за ним лежал израненный ствол — бывшее жилище несчастных существ, выплеснувших на нас свое горе.

А впереди виднелась тропинка, тонкая грязная нить, извивающаяся по неровной местности и ведущая в неизвестность. На горизонте, уты-

каясь ветвями в небо, стояли другие огромные деревья.

Я чуть не падал. Теперь, когда дерево оказалось позади и мы вновь вышли к тропе, нервное напряжение, которое не позволяло мне скиснуть, сошло на нет. Я поставил перед собой цель пройти один фут, потом другой, и все пытался держаться прямо, мысленно измеряя расстояние, отделяющее нас от тропы.

Наконец мы постигли ее. Я сел на валун и разрешил себе расслабиться.

Лошади остановились, построились в ряд. Тэкк смотрел на меня глазами, полными ненависти, и этот взгляд абсолютно не вязался со всем его обликом. Так он и восседал на лошади — пугало, ряженное в драное монашеское платье, — по-прежнему прижимал к груди археологическую находку, напоминающую куклу. Он был похож на угрюмую девочку-подростка с печально-задумчивым лицом.

Если бы Тэкк сунул большой палец в рот и принялся сосать его, это выглядело бы абсолютно естественно. Но что-то в его облике разрушало образ взлохмаченной маленькой девочки, и стоило только получше вглядеться в его длинное, остроносое лицо, почти такое же коричневое, как

и ряса, — и огромные, мутные глаза озадачивали выражением ненависти, скрывающимся в них.

— Вы, как я полагаю, гордитесь собой, — отчетливо проговорил Тэкк, обнажив похожие на капкан зубы.

— Я не понимаю вас, Тэкк, — отреагировал я. И это была чистая правда: я не понимал, что он хочет сказать. Я никогда не мог понять монаха и, боюсь, уже никогда не сумею.

Он мотнул головой назад, туда, где осталось поваленное дерево.

— Вон там, — сказал он.

— А вы считаете, что я должен был оставить его в покое и позволить ему стрелять в нас?

Я не намеревался спорить с ним, я был как выжатый лимон. И я не мог уразуметь, с какой стати он так печется о дереве. Черт возьми, оно било по нему, точно так же, как и по остальным.

— Вы уничтожили их всех, — продолжал Тэкк, — тех, кто жил в дереве! Подумайте об этом, капитан. Какое грандиозное достижение! Один удар — и никого не осталось!

— Я не знал об их существовании, — парировал я. Я бы мог, конечно, добавить, что знай я о букашках, их участь бы не изменилась. Но я промолчал.

— И что же, — допрашивал он, — вам больше нечего сказать?

Я пожал плечами:

— Им просто не повезло.

— Отстаньте от него, Тэкк, — попросила Сара. — Откуда ему было знать?

— Он ни с кем не считается, — заявил Тэкк. — Ему ни до кого нет дела.

— Меньше всего он заботится о себе, — сказала Сара. — Он стал проводником вместо вас, потому что вы едва справлялись.

— Нельзя хозяйничать на чужой планете, — провозгласил Тэкк. — Надо подстраиваться под ее законы. Приспосабливаться к ней. Нельзя идти напролом.

Я был готов стерпеть его слова. Монах побрюзжал вволю. Он высказался и облегчил душу. Даже такой ничтожный человечишка, как Тэкк, имеет право почувствовать себя оскорбленным, когда его останавливают на полдороге. Пускай монах обливает меня помоями, если от этого ему легче.

Я с трудом поднялся с камня.

— Тэкк, — сказал я, — я бы попросил вас сойти с лошади. Мне необходимо двигаться верхом.

Он спешился, и пока я пытался усесться в седло, мы оказались лицом к лицу. Его взгляд все

еще был полон ненависти, даже более сильной, чем раньше. Едва шевеля тонкими губами, он прошептал:

— Я переживу тебя, Росс! Ты сдохнешь, а я останусь жив! На этой планете тебе воздастся по заслугам.

Я был еще слаб, но во мне осталось достаточно силы, чтобы схватить его и отбросить — он распластался в пыли. Кукла выпала у него из рук, и Тэкк, ползая на четвереньках, старался поднять ее.

Я ухватился за седло, чтобы не упасть.

— А теперь веди нас вперед, — приказал я. — И видит Бог, если ты вновь дашь маху, я спущусь и сделаю из тебя котлету.

10

Тропа извивалась по поверхности иссушенной земли, пересекая песчаные дюны и растрескавшиеся низины, которые недели и месяцы, а может быть, даже и годы назад заполнялись дождевой водой. Она карабкалась по изломанным, осыпающимся склонам, возвышающимся среди нелепых нагромождений земли, огибала шарообразные валуны. Грунт повсюду был красным и желтоватым, и только кое-где выделялись гладкие черные пятна в местах выхода на поверхность вулканической породы. Далеко впереди, иногда видимая глазу, а иногда сливающаяся с голубизной горизонта, возникала отсвечивающая пурпуром линия, которую можно было принять за горную гряду.

Растительность представляла собой редкий низкорослый кустарник, прижавшийся к земле, с торчащими то там, то здесь колючками. На безоблачном небе продолжало ослепительно сиять солнце, но жара по-прежнему не наступала — было все так же тепло и приятно. Солнце, наверное, было меньшего размера и не таким ярким, как

наше земное, либо планета находилась от него на большем расстоянии.

На высоких склонах возвышались куполообразные каменные здания или, по крайней мере, какие-то сооружения, напоминавшие дома. Как будто кому-то срочно понадобилось временное убежище, и он, набрав плоских камней, которыми были усыпаны окрестные склоны, сложил эти хрупкие пирамиды. Камни были незатейливо нагромождены один на другой, причем, видимо, не скреплены раствором. Некоторые сооружения хорошо сохранились, в других часть камней осыпалась, а встречались и такие, что совсем развалились и лежали бесформенной грудой.

Были также и деревья. Они поднимались со всех сторон и каждое из них тянулось вверх в горделивом одиночестве, отделенное от соседних пространством в несколько миль. Мы не приближались ни к одному из них.

Не было ни одного признака жизни. Кругом простиралась лишь земля — застывшая и неподвижная. Не было даже ветра.

Я держался обеими руками за луку седла, чтобы сохранить равновесие и все время боролся с искушением провалиться в зияющую темноту, которая наплывала на глаза, как только я пере-

ставал ей сопротивляться.

— Все в порядке? — спросила Сара.

Я даже не помню, ответил ли я ей, настолько я был поглощен стараниями не выпасть из седла и одолеть темноту.

Мы остановились на привал в полдень. Не помню, ели мы или нет, хотя полагаю, что ели. Хорошо помню одно. Мы расположились на участке бесплодной земли под одним из склонов, и я сидел, прислонившись к земляной стене, перед моими глазами находилась другая такая же стена, и я заметил, что она была образована отчетливо проступающими слоями обнаженной породы различной плотности. Некоторые слои были глубиной не более нескольких дюймов, другие — не менее четырех-пяти футов, и каждый из них имел свой неповторимый оттенок. По мере того, как я разглядывал эти слои, я постепенно начинал осознавать смысл исторических эпох, которые каждый из них представлял. Я пытался переключиться на что-нибудь другое, так как с этими мыслями возникало тревожное ощущение причастности к великой тайне. Казалось, я, подвластный чьей-то посторонней воле, сосредотачиваю все свои способности, концентрирую свою энергию и духовные силы на глубоком

проникновении в суть времени, которое на моих глазах воскрешает стена. Но переключиться я не мог: по неведомой причине я должен был это делать, вынужден был прилагать все старания, чтобы добиться истины. Я мог лишь надеяться, что где-нибудь на пути познания достигну конечной точки — точки, за которой уже нет дороги вперед, или рубежа, на котором я пойму или почувствую все, что я должен понять или ощутить, подталкиваемый к этому невидимой рукой.

Время стало настолько осязаемым и реальным, что у меня вряд ли найдутся слова, чтобы описать мое состояние. Вместо абстрактного понятия оно выступало в материальных формах, которые я мог не только отчетливо различать (хотя они не были ни видны, ни ощутимы), но также и осознавать. Причем годы и эпохи не прокручивались перед моими глазами, как в кино. Наоборот, они представали передо мной в застывшем виде. Словно хронологическая таблица вдруг ожила и окаменела. Через дрожащую зыбь временной структуры, как сквозь стекло витрины, плохо отшлифованное неумелым ремесленником, мне удалось смутно различить планету такой, какой она была в минувшие века; века, которые очутились не в прошлом, а перешли в настоящее.

Я будто бы находился за пределами времени и был независим от него, я, как сторонний наблюдатель, мог разглядывать и изучать его, словно некую материальную форму, находившуюся в одном измерении со мной.

Еще я помню, как проснулся, и несколько секунд мне казалось, что я пробудился от бредового наваждения, в котором мне пригрезилось ожившее время. Но потом я понял, что это не так: перед глазами уже не было земли, я лежал спиной на подстеленных одеялах и был укрыт ими. Мое лицо было обращено к небу. Надо мной нависал небосвод, подобного которому я никогда в жизни не видел. Какое-то время я был просто ошарашен и лежал, пытаясь разгадать открывшуюся мне тайну. Затем, словно кто-то мне подсказал (хотя никто, конечно, не подсказывал), я понял, что передо мной наша галактика, раскинувшаяся на небосводе во всей своей красе. Почти над моей головой сиял ее центр, а вокруг него в водовороте раскручивались щупальца ответвлений и оторвавшиеся от них сегменты. Повернув голову, я увидел, что то здесь, то там, чуть выше линии горизонта, сверкали крупные звезды. И тут до меня дошло — я наблюдаю одно из немногих шаровидных звездных скоплений или, что менее

вероятно, космических соседей той самой звезды, вокруг которой обращалась эта планета. Это были изгои, века назад покинувшие галактику и теперь затерявшиеся в бездне космоса на ее периферии.

Костер догорал всего в нескольких футах от меня, рядом, скрючившись, лежал кто-то, закутанный в одеяла. Неподалеку, слегка покачиваясь, стояли навьюченные лошадки. Тусклый свет костра отражался от их лоснящихся боков.

Кто-то сзади тронул меня за плечо. Я перевернулся. Передо мной на коленях стояла Сара.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она.

— Хорошо, — ответил я. Это действительно было так. Я чувствовал себя каким-то обновленным и цельным, голова была чиста, и все мысли пронзительно ясны, словно я был первым человеком, проснувшимся в первый день новорожденного мира, в первый час мироздания.

Я сел. Прикрывавшее меня одеяло сползло на ноги.

— Где мы? — спросил я.

— На расстоянии одного дня пути от города, — ответила Сара. — Тэкк хотел остановиться раньше. Он сказал, что ты не в состоянии путешествовать, но я настояла. Мне казалось, ты бы

это одобрил.

Я удивленно покачал головой.

— Ничего такого не помню. Ты уверена, что Тэкк действительно сказал, что мы должны остановиться?

Она кивнула.

— Ты болтался в седле и совсем ослаб, но отвечал, когда с тобой заговаривали. И потом, не было места, подходящего для привала.

— Где Свистун?

— Охраняет. Где-то бродит, наверное. Он сказал, что не нуждается в отдыхе.

Я встал и потянулся. Потянулся так, как тянутся собаки после хорошего сна. Я чувствовал себя прекрасно. Боже, как мне было хорошо!

— Есть чем перекусить?

Она поднялась и рассмеялась.

— Над чем ты смеешься? — спросил я.

— Ни над чем. Над тобой.

— Почему?

— Теперь ясно, что у тебя все в порядке. Я беспокоилась, все мы беспокоились.

— А все этот проклятый Свистун, — вздохнул я. — Это он выкачал из меня кровь.

— Я знаю, — кивнула она, — он мне все объяснил. Ведь он был вынужден это сделать. Другого

выхода не было.

Меня аж передернуло, как только я представил, чем вся эта история могла закончиться.

— Невероятно, — сказал я.

— Свистун сам по себе невероятен, — ответила Сара.

— Нам повезло, что мы его встретили, — сказал я. — Подумать только, я ведь почти уже собрался оставить его в дюнах. Хотел было бросить. Мы уже столько всего натерпелись, что даже не хочется думать, сколько еще испытаний нас ждет впереди.

Она первой подошла к костру.

— Разведи огонь, — сказала она. — Я приготовлю что-нибудь поесть.

Рядом с костром лежал хворост и кривые ветви, наломанные с приземистых деревьев пустыни. Я наклонился и подложил несколько ветвей в костер, пламя вспыхнуло, жадно облизывая сухое дерево.

— Сюда бы лазерное ружье, — сказал я. — Без него мы как будто голые.

— Еще осталась моя винтовка, — заметила Сара. — Это грозное оружие. В надежных руках…

— Вроде твоих.

— Вроде моих.

Куча одеял рядом с костром оставалась все такой же неподвижной. Указав на нее, я спросил:

— Как там дела у Тэкка? Никаких признаков избавления от дурных привычек?

— Ты слишком жесток по отношению к нему, — сказала она. — Тебе бы следовало быть к нему снисходительным. Он другой, совсем не похож на нас с тобой… Ведь мы очень похожи друг на друга. Ты не думал об этом?

— Думал.

Она принесла кастрюлю и поставила ее на углу, присев на корточки рядом со мной.

— Мы оба выпутаемся, — сказала она. — Тэкк — нет. Где-нибудь по дороге он сломается.

С удивлением я поймал себя на мысли, что думаю о нем. Тэкк, возможно, утратил часть воли к жизни. С тех пор, как исчез Смит, существование по меньшей мере наполовину потеряло для него смысл. Не потому ли, размышлял я, он так привязался к этой кукле? Очевидно, он нуждался в ком-то, кого он мог бы обнять, к кому он мог бы приникнуть и, наконец, кто, в свою очередь, тоже нуждался бы в человеческом участии и защите? Правда, припомнил я, эта кукла появилась у него еще до исчезновения Джорджа. Да он и не казался особенно удивленным, когда все это произошло.

— Есть еще кое-что, — сказала Сара, — о чем тебе необходимо знать. Это касается деревьев. Ты сам сможешь увидеть, когда рассветет. Мы расположились как раз у подножия холма, а с его вершины отлично видны окрестности, в том числе много деревьев: двадцать, а то и тридцать. Они не выросли сами по себе. Их посадили. Я уверена в этом.

— Ты хочешь сказать, что они представляют собой нечто наподобие сада?

— Правильно, — ответила она. — Что-то вроде сада. Деревья находятся на равном расстоянии друг от друга. Все они посажены в шахматном порядке. У кого-то когда-то здесь был сад.

11

Мы продвигались все дальше, дальше и дальше. День за днем мы шли с рассвета до заката. Погода не менялась. Не было ни дождей, ни ветра. Местные природные особенности указывали на то, что дожди здесь редкость. Временами изменялся пейзаж. Случалось, мы поднимались и опускались по склонам холмов, шли по изрезанной оврагами местности. А бывали дни, когда мы пересекали равнины такие плоские, что словно оказывались в центре гигантской вогнутой чаши, а точнее — просторного неглубокого блюда, где нас со всех сторон окружали восходящие края горизонта. То, что первоначально представлялось багряным облаком, покоящимся на его северном ободе, теперь, без всяких сомнений, оформилось в отдаленную горную цепь, которая на расстоянии все еще казалась окрашенной в багряные тона.

Теперь нам стала встречаться, хотя и достаточно редко, кое-какая живность. На вершинах окрестных холмов появлялись крикливые существа, которые, завидев нас, давали стрекача, прячась в лощины, и верещали на ходу от вос-

торга. Попадались также животные, которых мы прозвали скороходами. Они встречались не часто и всегда держались на приличном расстоянии, во всяком случае, достаточно далеко, так что даже при помощи бинокля мы были не в состоянии их как следует рассмотреть. Но даже то, что нам удалось разглядеть, представляло собой весьма оригинальный образец природной фантазии: передвигаясь на длинных конечностях, как на ходулях, они ковыляли вразвалочку с удивительной скоростью, причем не столько за счет частоты шага, сколько благодаря его длине.

На безводных равнинах водились пискуны, животные (если, конечно, это были животные) размером с волка, передвигавшиеся столь стремительно, что мы так и не поняли, как же они выглядят и каким образом бегают. Сначала они представали пятном, надвигавшимся на нас, затем что-то с писком проносилось мимо, и наконец они моментально превращались в другое пятно, но уже удалявшееся. Но, даже приближаясь, они не причиняли нам никакого вреда. Впрочем, как и крикуны со скороходами.

Растительность по мере смены ландшафта также изменялась. В некоторых долинах росли странные вьющиеся травы, а в гористой мест-

ности какие-то уродливые деревца жались к скалистым склонам или, скрючившись, прятались в лощинах. По виду они больше напоминали пальмы, нежели сосны, хотя, разумеется, это были не пальмы. Их древесина была невероятно жесткой и маслянистой, и, пересекая области, в которых они росли, мы старались собрать столько упавших с них ветвей, сколько могли унести наши лошадки. Это было идеальное топливо для костра.

И всегда нас окружали деревья — гигантские пирамиды, уходящие на мили в небеса. Сейчас уже не было и тени сомнения в том, что они некогда выращивались на хорошо ухоженной земле и представляли собой сады, покрывавшие геометрически безупречной сетью поверхность планеты. Мы не рисковали подойти ни к одному из них ближе, чем на милю. И тропа, очевидно, была проложена с таким расчетом, чтобы избежать соседства с деревьями. И когда периодически деревья отстреливали стручки с семенами, мы замечали, что они уже никогда не направляют их в нашу сторону.

— Похоже, урок пошел им впрок, — заметила Сара. — Кажется, они поняли, что им грозит, если они попробуют выстрелить в нас.

— Только теперь нам уже нечем ответить, — напомнил я, еще раз пожалев, что оставил корабль, поленившись зайти в зал управления и взять еще одно лазерное ружье и комплект запасных частей к нему.

— Но им-то об этом не известно, — возразила Сара.

Однако я был далек от искушения разделить ее оптимизм.

Иногда в бинокль мы замечали стаи похожих на крыс зверьков, проворно выскакивавших из своих нор, расположенных в некотором удалении от деревьев, и собиравших семена разбросанных стручков. У нас уже не было сомнений, что они переносили семена в укрытия, предназначенные для их хранения. Мы никогда не пытались заглянуть хотя бы в один из этих складов: слишком уж они были близко к деревьям. Коль уж деревья решили оставить нас в покое, мы были рады ответить им взаимностью.

Тропа уходила все дальше, временами становясь едва заметной, иногда расширяясь и отчетливо проступая на местности. Видимо, было время, когда некоторые ее участки чаще использовались для передвижения, чем другие.

Путешествие не казалось нам тяжелым. По

дороге нам так и не встретилось ни одного разумного существа.

Однажды мы пересекли то, что когда-то представляло собой мощеную дорогу, теперь выщербленную, с торчащим лишь кое-где булыжником. Остатки мостовой были частью очень сильно разбиты, частью выворочены из земли. Однако даже вынутый булыжник был аккуратно, почти под правильным углом, поставлен в местах пересечения с тропой. В любом из двух направлений, куда тянулась дорога, прямой стрелой, без единого намека на поворот, рассекавшая равнину, открывалась далекая перспектива.

Мы провели совет, решая, куда идти. Дорога выглядела более привлекательной и по всем признакам могла показаться более важной, чем тропа, по которой мы шли. Века назад она, должно быть, соединяла два значительных объекта, в то время как тропа петляла по местности и, очевидно, была проложена как придется, без разумного вмешательства. Но в то же время она, несомненно, несла в себе следы древнего, хорошо исхоженного пути. Дорога же таких следов не имела. Она, похоже, все еще продолжала существовать только потому, что не прошло достаточно времени, чтобы окончательно стереть

ее с лица земли. Более того, тропа шла в северном направлении, а именно на севере, как нам дали понять, можно было найти кентавров. Дорога же пролегала с запада на восток. И еще: тропа, безусловно, была древнее дороги, каждый ее участок нес на себе неуловимый налет далекого прошлого. В местах, где ее делали непроходимой естественные природные препятствия, она была вытоптана на глубину от трех до четырех футов. Совершенно очевидно, что по ней путешествовали на протяжении тысячелетий и что она была привычным маршрутом с незапамятных времен.

С некоторыми колебаниями мы наконец, наполовину сознательно, наполовину интуитивно, приняли решение продолжать путь по тропе.

Ведь кто-то же все-таки обитал на планете? Но как давно? Ведь кто-то построил город, проложил дорогу и вырастил деревья. Но теперь город вымер, застыв в безмолвии и опустев, а дорога превратилась в руины. Что за всем этим кроется, гадал я. Цивилизация существовала на этой планете много веков, ее жителями было истрачено много энергии. А затем обитатели, которые так долго жили здесь и угрохали столько сил на благоустройство, разом покинули планету, причем

перед уходом приняли все меры к тому, чтобы любой попавший сюда не имел шансов вырваться обратно. Приземлись мы в любом другом месте, кроме города, наш корабль несомненно был бы в безопасности и без помех мог взлететь. Но в том-то и дело, что всякий корабль, приближающийся к планете, почти наверняка обречен был приземлиться не где-нибудь, а именно в городе, завлеченный (как мотылек — огнем свечи) в ловушку сигналами, посылаемыми из города в глубины космоса.

Вдоль тропы, возвышаясь на вершинах холмов, продолжали встречаться похожие на пчелиные улья каменные дома. Их осмотр ничего не дал. Не было никакого мусора, никаких брошенных вещей. Очевидно, дома никогда не служили постоянным пристанищем, а просто использовались для ночлега — на ночь или две. Несмотря на всю свою кажущуюся необитаемость, воздух в них все равно был каким-то затхлым.

За время нашего путешествия постепенно сформировался и наш походный порядок. Тэкк почти постоянно ехал верхом. Он был чересчур неловок и неуклюж для того, чтобы быстро идти. Сара и я ехали по очереди. Свистун по-прежнему держался на расстоянии, находясь, как правило,

в арьергарде и подгоняя лошадок. Этот порядок не являлся результатом какой-либо предварительной договоренности, мы сами собой влились в этот естественный походный режим. Мы с Тэкком мирно сосуществовали. Но мы не стали лучше относиться друг к другу, просто научились приспосабливаться. Он все еще таскал с собой эту дурацкую куклу, ни днем ни ночью не отнимая ее от груди. С каждый часом он все более отдалялся от нас, словно уходил в себя. После ужина он, как правило, уединялся, ни с кем не разговаривая и никого, похоже, не замечая.

Мы уже преодолели приличное расстояние. Однако конца нашему пути пока не было видно. Мы все дальше забирались в неведомые края, которые пока не пугали нас открытой враждебностью, но, казалось, опасность могла возникнуть в любую минуту.

Однажды днем мы вошли в район, столь сильно изрезанный самыми разнообразными препятствиями, что нам далеко не сразу удалось разобраться, куда же нас занесло. Вступая на эти косогоры, мы даже не могли представить, что нас ожидает впереди. Как только мы достигли сравнительно ровного участка, мы тут же сделали привал, хотя у нас в запасе еще оставалось часа

два светлого времени.

Мы развьючили лошадок и сложили тюки в кучу. Лошади мирно пошли пастись, что они делали всегда, как только им выпадал удобный случай хотя бы на короткое время оторваться от нас. Мы не испытывали опасений, что они могут сбежать. Свистун всегда сопровождал их и пригонял обратно. На протяжении всего пути он выполнял роль пастуха при табуне, и лошадки тоже, как нам казалось, чувствовали себя с ним в безопасности.

Мы развели костер, и пока Сара готовила ужин, мы с Тэкком пошли набрать дров.

Мы уже возвращались назад, каждый с доброй вязанкой сушняка, когда вдруг услышали испуганное ржание лошадок и частый дробный звук, который обычно издавали их полозья на бегу. Мы бросили хворост и устремились со всех ног по направлению к лагерю. Как только мы достигли его, мы увидели взмыленных лошадок, бешеным аллюром выбегающих из узкой лощины. Они скакали во весь опор и проносились через лагерь, сметая все на своем пути. Они растоптали костер и разнесли в стороны кастрюли и горшки, приготовленные Сарой. Сара и сама едва уцелела, с трудом успев увернуться от их полозьев.

Миновав лагерь, они без колебаний повернули направо и ринулись по тропе в ту сторону, откуда мы только что пришли. За ними гнался Свистун. Он буквально стелился по земле, двигаясь одному ему известным способом и, надо признать, развил вполне приличную скорость. Он отставал совсем чуть-чуть, можно сказать, висел у них на пятках, но как только лошадки достигли лагеря, Свистун резко затормозил и, застыв как вкопанный, разразился страшными проклятиями. Упираясь в землю своими короткими ногами, он буквально кипел от ярости. С ним происходило то же, что случилось в городе, когда лошадки неожиданно набросились на нас. Его окутала голубая дымка, все вокруг заплясало и заходило ходуном, а бегущие впереди лошадки поднялись над тропой и полетели, шумно рассекая воздух. Коснувшись полозьями земли, они опять поскакали, но лишь только они достигли вершины холма, Свистун вскипел еще раз. Теперь они исчезли, снесенные, сметенные, смятые той неведомой силой, которую направил против них Свистун.

Ругаясь как сумасшедший, я побежал вверх по склону, но когда я добрался до вершины, лошадки уже были далеко, и я понял, что их уже ничем не остановишь. Они неслись по направлению к

городу, не чуя под собой ног.

Я стоял и наблюдал за ними до тех пор, пока они почти совсем не скрылись из виду, и только после этого спустился с холма в лагерь.

Костер был совершенно разорен. Кругом валялись обугленные и дымящиеся головешки, а две кастрюли были раздавлены полозьями промчавшихся лошадок. Сара стояла на коленях, склонившись над лежащим на боку Свистуном. Теперь он казался мне призраком. Это было что-то туманное, полуматериальное, словно он пытался уйти в какое-то другое измерение и остановился на полпути, застряв на границе между этим и иным мирами.

Я подбежал и опустился на колени возле него. Я старался подсунуть под него руки, чтобы приподнять, и когда мне это удалось, возникло ощущение, что здесь уже и поднимать-то нечего.

Очень уж было странно — вроде что-то лежало передо мной, и, в то же время, я мог поклясться, не было ничего. Я приподнял Свистуна, поражаясь его невесомости, в нем не было и половины его обычного веса.

Он едва слышно прогудел:

— Майк, я очень старался.

— Что случилось, Свистун? — закричал я. —

Что с тобой происходит? Чем мы можем тебе помочь?

Он не ответил. Я посмотрел на Сару, по ее щекам катились слезы.

— О Боже, Майк. О Боже, Майк, — причитала она.

Тэкк стоял в нескольких футах позади нее, впервые выронив из рук куклу. Его вытянутое лицо выражало печаль.

Свистун пошевелился.

— Нужна жизнь, — произнес он таким слабым голосом, что я едва расслышал, что он сказал. — Нужно разрешение взять часть жизни кого-нибудь из вас.

При этих словах Тэкк быстро подошел и, наклонившись, вырвал Свистуна из моих рук. Он выпрямился, прижав Свистуна к груди так же, как до этого прижимал куклу. Он прямо посмотрел на меня.

Его глаза сверкали.

— Не вы, капитан, — решительно заявил он. — Вам нужно сохранить жизнь. Жизнь дам я!

— Разрешение? — спросил Свистун жутким хрипящим шепотом.

— Я даю разрешение, продолжай, — сказал Тэкк. — Пожалуйста, продолжай.

Сара и я, припав к земле, зачарованно следили за происходящим. Весь процесс занял всего несколько минут, а может быть, даже мгновений. Но время будто растянулось, и нам показалось, что прошли часы.

Никто не двигался, и я почувствовал, что мои мышцы начали болеть от напряжения. Постепенно Свистун изменил свой призрачный облик и снова стал самим собой, возвратившись из другого мира, в который он уже наполовину перешел.

Наконец Тэкк, наклонившись, поставил его на ноги, а потом сам мешком рухнул на землю.

Я подошел и приподнял Тэкка. Его тело безвольно повисло в моих руках.

— Быстро, — сказал я Саре. — Одеяла.

Она расстелила одеяло на земле, я положил Тэкка, распрямив его тело, а затем обернул его другим одеялом, плотно подогнув края. В нескольких футах от меня на земле лежала оброненная Тэкком кукла. Я подобрал ее и положил ему на грудь. Он медленно приподнял руку и, нащупав куклу, прижал к себе.

Приоткрыв глаза, он улыбнулся мне.

— Спасибо, капитан, — сказал он.

12

Мы сидели вокруг костра в сгущающихся сумерках.

— Кости, — сказал Свистун. — Кости на земле.

— Ты в этом уверен? — спросил я. — Может быть, это что-нибудь другое? Неужели лошадки так испугались каких-то костей?

— В этом уверен, — ответил Свистун. — Единственное, что там было — это кости. Больше там не было ничего.

— Наверное, это были не просто кости, — предположила Сара, — а скелет какого-то существа, которое даже после смерти внушает им страх.

Где-то в скалах горластые животные наперебой перекликались друг с другом нестройным хором, переходящим иногда в какофонию безумного речитатива. Костер вновь ярко вспыхнул, как только занялось очередное полено маслянистого дерева, а налетевший порыв ветра подхватил огонь.

Куда же мы попали, подумал я. Выброшенные, как потерпевшие кораблекрушение мореплаватели на необитаемый остров, в самый центр

этой наполненной воем дикой страны, не ведающие даже пути своего. Петляющая тропа — наш единственный ориентир и единственный путь возможного спасения, если, конечно, считать убежищем большой белый город, который по-своему не менее дик, чем эта воющая пустыня.

Я почувствовал, что сейчас не время заводить об этом речь.

Утром, когда займется новый день, мы посмотрим на все другими глазами и затем уже решим, что же предпринять.

Свистун указал щупальцем в сторону одеял.

— Я пожадничал, — сказал он. — Взял у него чересчур много. Не мог предположить, что у него так мало останется.

— Все будет в порядке, — успокаивающе сказала Сара. — Сейчас он спит, а до этого он съел целый котелок похлебки.

— Но зачем? — зарычал я. — Зачем этому болвану понадобилось влезать? Я был готов и желал дать все, что нужно. И потом, Свистун обратился именно ко мне. Он имел в виду меня. Более того, Свистун и я…

— Капитан, — сказала Сара, — вам не приходило в голову, что это был первый удобный случай для Тэкка хоть каким-то образом внести свой

вклад в наше дело? Несомненно, он чувствовал себя самым бесполезным участником экспедиции. Причем именно вы сделали все возможное, чтобы он чувствовал свою ущербность.

— Давайте смотреть правде в глаза, — ответил я. — Пока он не принес себя в жертву ради Свистуна, он был только обузой.

— И вы хотели лишить его единственного шанса?

— Нет, — сказал я. — Конечно же, нет. Меня только волнует, что же он имел в виду, когда сказал, что именно он должен отдать жизнь?

— Я не знаю, — ответила Сара. — Сейчас не имеет смысла ломать голову над этим. О чем следует побеспокоиться, так это о том, что нам делать дальше. Теперь-то мы можем рассчитывать лишь на собственные ноги. Что бы мы ни предприняли, нам все равно придется бросить здесь припасы. И еще проблема воды. Нужно брать максимум воды, и она составит основную часть того, что мы сможем нести. До тех пор, пока лошадки не вернутся.

— Они не вернутся, — перебил я Сару. — Они искали возможность удрать с тех пор, как мы вышли из города. Они дезертировали бы незамедлительно, если бы Свистун не присматривал

за ними. Только он держал их в узде.

— Поражаюсь, как им удалось застать меня врасплох, — прогудел Свистун. — Был готов ко всему. Казалось, все предусмотрел, не отходил от них ни на шаг, а все тщетно.

— Мне на ум пришла ужасная догадка, — сказала Сара. — А вдруг это их стандартный способ заманивать в ловушку? Взять группу путешественников, завести их к черту на кулички и бросить, оставив им ничтожные шансы на выживание и возвращение назад. Хотя, возможно, наши шансы не стали бы выше, даже если бы лошадки вернулись…

— Не наши шансы, — сказал я. — Шансы других, может быть, но не тех, кто сейчас здесь, вокруг этого костра.

Она посмотрела на меня жестко и неодобрительно, но этот взгляд не был вызван непосредственно моими словами. Уж очень многое во мне она и без этого считала не заслуживающим одобрения.

— Я не совсем понимаю, — спросила она, — пытаешься ли ты уязвить меня или просто от нечего делать свистишь в темноту?

— Посвистываю в темноту, — ответил я. — Ты даже не можешь представить себе, каких

результатов можно достигнуть с помощью воодушевляющего и решительного свиста.

— Мне кажется, ты уже точно знаешь, что нам нужно делать, — сказала Сара. — Тебе в голову пришла отличная мысль. И ты готов выдать ее нам как гениальное открытие, пришедшее в минуту вдохновения. Некоторое время ты был в растерянности, но не поддавался панике, и вот…

— Ну, хватит, — перебил я Сару, — давай покончим с этим. Поговорим утром.

Самое ужасное во всем этом было то, что я действительно подразумевал только одно — подождать до утра. Впервые в жизни мне пришлось отложить принятие решения. Впервые в жизни я боялся посмотреть в глаза опасности, которая ждала меня впереди. Во всем виноваты эти скалы, убеждал себя и, эти бесплодные, безлюдные пространства уродливой земли, эти изломанные деревья. Они вырывают сердце из груди человека, лишают его воли, делают его таким же заброшенным и бесполезным, как эта нелепая, забытая Богом земля. Всем существом своим я ощущал, что меня поглощает этот унылый ландшафт, что я послушно превращаюсь в его органическую часть, такую же ненужную и отчаявшуюся.

— Утром мы пойдем, — сказала Сара, — и по-

смотрим кости, которые видел Свистун.

13

Мы обнаружили кости в полумиле от входа в ущелье. Здесь оно делало крутой поворот влево, сразу же за поворотом они и лежали. Я ожидал, что мы найдем несколько разбросанных костей, сверкающих белизной на коричневатом пыльном грунте. Но груда костей нам предстала широкой полосой, перегораживающей ущелье от стены до стены и напоминающей продолговатые стога скошенных колосьев.

Это были крупные кости, многие имели фут или даже больше в диаметре, а скалящийся череп, который, словно специально уставился на нас из кучи, должен был принадлежать существу размером не меньше слона. Кости, растрескавшиеся и пористые в местах, где солнце и ветер постепенно вытянули из них кальций, отливали желтизной.

Кроме основной массы костей, лежащих в куче, были отдельные кости, разбросанные по ее краям. Их, видимо, растащили стервятники, которые в тот далекий страшный день, должно быть, слетелись на кровавое пиршество.

Сразу же за нагромождением костей ущелье

резко обрывалось. Земляные валы, из которых, как изюм из пирога, то там, то здесь выпирали камни величиной от кулака до огромного валуна, полукругом закрывали низину. Кости находились приблизительно в пятидесяти футах от конца ущелья, а у подножия замыкавшей его насыпи в беспорядке лежало множество камней, скатившихся за долгие века с крутого обрыва.

Само по себе ущелье внушало отчаяние: бесплодная голая земля, столь голая, что не укладывалась в понятие пустыни. Можно было бы сказать, что в природе нет ничего более пустынного и бесплодного, чем данное место, но и это оказалось бы неверным, так как кости привносили дополнительный фактор, расширяющий шкалу измерения этих понятий до беспредела и возводящий картину в степень ужасающей пустынности. Пейзаж вызывал ощущение безысходности, которое, пожалуй, человеческий разум был не в силах выдержать.

Я чувствовал себя отвратительно, почти больным — а нужно было хорошо постараться, чтобы заставить меня ощутить недомогание. В этом месте витало дурное предчувствие, побуждавшее повернуть назад и бежать. Катастрофа, происшедшая здесь сотни лет назад, вселила в ущелье

дух проклятия и ужаса, способный смертельно испугать любого.

И вдруг из самых глубин окружавшего нас страха донесся голос.

— Благородные дамы и господа, — пропел он неожиданно громко и бодро, — или те уважаемые создания, которыми вам довелось родиться, взываю к милосердию, прошу вас, вызволите меня из того неловкого и унизительного положения, в котором мне выпало несчастье некогда оказаться.

Найди я вдруг миллион долларов, и то вряд ли был бы более поражен. Этот голос буквально пригвоздил меня к месту, так я был ошарашен.

— Я здесь, возле насыпи, — снова раздался голос, — за грудой камней, которые некогда оказались столь ненадежным укрытием, что не смогли защитить от гибели никого, кроме меня, вашего покорного слуги.

— Это может быть ловушкой, — сказала Сара твердым металлическим голосом. — Лошадки, должно быть, почуяли засаду. Поэтому они и убежали.

— Пожалуйста, — молил напевный голос. — Пожалуйста, не уходите. Сюда приходили другие, и все повернули обратно. Здесь нет ничего, что могло бы испугать вас.

Я сделал шаг или два вперед.

— Не надо, капитан, не надо, — закричала Сара.

— Мы не можем уйти, — сказал я. — Мы никогда себе этого не простим.

Это было совсем не то, что я хотел сказать или сделать. Мне хотелось лишь одного: повернуть назад и бежать. Но словно кто-то другой, спрятавшийся во мне двойник, ответил за меня.

Несмотря ни на что, я пошел вперед, добрался до кучи костей и начал карабкаться на нее. Идти было трудно, кости крошились под ногами и осыпались, но я все же перебрался через них и оказался по другую сторону кучи.

— О, наиблагороднейшее из созданий природы, — пропел голос, — вы проявили сострадание и пришли спасти меня, недостойного и жалкого.

Я перебежал пространство, отделяющее кости от валунов и полез на груду камней, из которой, похоже, и исходил голос. Валуны были довольно крупного размера, больше человеческого роста, и только когда я забрался на вершину нагроможденной из них гряды, я смог увидеть обладателя певучего голоса.

Это была лошадка. В тени камней ее шкура отливала молочной белизной. Она лежала на

спине с задранными вверх полозьями. Один ее бок был прижат к валуну, на котором стоял я, другим — меньшим валуном, отвалившимся от груды. Сдавленная двумя огромными глыбами, бедняжка находилась в совершенно безвыходном положении.

— Благодарю вас, благороднейший. Я так признателен. Вы не спасовали. Увидеть вас я не в состоянии, но, полагаясь на свой опыт, я сделал заключение, что вы принадлежите к человеческой расе. Люди — это лучшие из разумных существ. Им присуще сострадание не в меньшей степени, чем доблесть.

В знак признательности мне оставалось только покачать ее полозья.

Зажатая среди камней лошадка была не единственным заслуживающим внимания объектом. Из пыли на меня скалился человеческий череп, кругом были разбросаны кости и куски проржавевшего металла.

— Как давно это случилось? — спросил я. Конечно, это был дурацкий вопрос, имелись гораздо более важные вещи, о которых мне следовало спросить.

— Досточтимый сэр, — ответила лошадка. — Мною потеряно всякое представление о времени.

Минуты тянутся, как годы, а годы, как столетия, и мне кажется, что с того момента, когда я в последний раз стоял на своих полозьях, минула вечность. Любой, окажись он на моем месте, да еще вниз головой, утратил бы счет времени. Здесь были другие из моих собратьев, но все они разбежались или погибли. Так что из всей нашей экспедиции остался я один.

— Ладно, — сказал я, — не переживай. Мы вызволим тебя отсюда.

— Не переживать? — послышался напевный голос. — Я слишком долго переживал. Я проводил это нескончаемое время в размышлениях, мечтах, постоянных надеждах и предавался самым невероятным фантазиям, пытаясь представить, что меня ожидает. Я знал, что рано или поздно буду свободен, так как со временем камни разрушатся: ведь материал, из которого я сделан, долговечнее любой породы. Но все же я надеялся, что мне удастся освободиться раньше, благодаря вмешательству существа, исполненного добрых намерений, подобного вам.

Я заметил, что мои попутчики тоже взбираются на груду костей и помахал им рукой.

— Здесь лошадка, — закричал я им, — а также по крайней мере один человеческий череп и

разбросанные кости.

Прокричав это, я не особенно задумывался, что же здесь произошло и что послужило причиной гибели людей. Я думал лишь о том, что с помощью спасенной нами лошадки мы уже не будем так беспомощны среди простирающейся вокруг пустыни. Лошадка сможет переносить воду, независимо от того, решим мы продолжать путь или повернем обратно к городу.

Втроем (Свистун стоял в стороне и поддерживал нас одобряющими возгласами) мы с трудом откатили меньший из валунов, которым была зажата лошадка. После этого мы перевернули это бестолковое существо и поставили его на полозья. Лошадка торжественно уставилась на нас тем взглядом, который, по моим наблюдениям, был единственным возможным для роботов ее породы, они вряд ли были спроектированы с расчетом на изменение выражения лица.

— Меня зовут Пэйнт, — пропел голос, — хотя когда-то меня называли Старина Пэйнт, что не доступно моему ничтожному разумению. Мы все были изобретены и изготовлены в одно и то же время, и ни один из нас не был старше другого.

— Были и другие лошадки? — спросила Сара.

— Нас было десять, — ответил Пэйнт. — Девять

убежало, а единственной причиной того, что я остался здесь, явились трагические обстоятельства, от которых вы столь великодушно избавили меня. Нас изобрели на далекой планете, название которой мне неведомо, а затем доставили сюда. Следуя по тропе, мы подверглись нападению стаи хищников, результаты которого перед вашими глазами.

— Те, что привезли вас сюда… Те, что изготовили вас, — спросила Сара, — они были такими же, как мы?

— Такими же, как вы, — ответил Пэйнт. — О них нет смысла больше говорить. Они погибли.

— Зачем они сюда приехали? — спросила Сара. — Что они искали?

— Еще одного такого же, как вы, — сказал Пэйнт, — человека, исчезнувшего давно и оставившего много рассказов.

— Лоуренса Арлена Найта?

— Не могу знать, — ответила лошадка. — Они ничего мне об этом не говорили.

14

Мы решили продолжать путь, следуя по тропе. Мы постановили это после долгого обсуждения вокруг дымного костра, в то время как Пэйнт стоял возле кучи наших припасов, слегка перекатываясь на полозьях. В действительности обсуждать было практически нечего. Тэкка этот вопрос совершенно не интересовал. Он сидел немного в стороне от нас, прижимая к груди куклу и тихо покачиваясь. Наблюдая за этими двумя раскачивающимися фигурами, Пэйнтом и Тэкком, можно было дойти до нервного истощения. Решение приняли Сара и я, и возражений оно не вызвало. Для нас обоих было очевидно, что в городе нам ловить нечего. Впрочем, ничего хорошего нельзя было ждать и от продолжения путешествия по тропе, разве что какого-нибудь неприятного сюрприза, вроде преподнесенного в ущелье нашим предшественникам. Однако сам факт того, что другие люди, Бог знает как давно, шли по этой же тропе, вероятно, имея перед собой такую же цель, как и мы, являлся для Сары достаточным аргументом, чтобы мы

продолжили путь.

Но была одна деталь, которую, я считал, необходимо выяснить с ней окончательно.

— Найт наверняка уже умер, — сказал я. — Ты, несомненно, знаешь об этом. Ты была убеждена в этом еще до того, как мы покинули Землю.

Она набросилась на меня:

— Опять ты завел свою волынку! Не пора ли прекратить? Ты был против этой идеи с самого начала! Зачем ты вообще полетел с нами?

— Я уже говорил тебе раньше. Деньги.

— Тогда какое тебе дело до того, жив он или мертв? Не все ли равно тебе, найдем мы его или нет?

— На это легко ответить, — сказал я ей. — Мне наплевать на любой исход.

— Но ты собираешься продолжать? Всего лишь недавно ты говорил так, как будто предпочитаешь идти вперед.

— Мне кажется, — сказал я, — только впереди нам удастся хоть что-то найти. Возвратившись, мы не найдем ничего.

— Мы можем собрать лошадок.

Я отрицательно покачал головой.

— Если лошадки или гном узнают, что мы возвращаемся назад, мы их больше никогда уже не

увидим, и тем более никогда не поймаем. В этом городе места достаточно, чтобы спрятать целую армию.

— Лошадки, должно быть, разбежались, войдя в ущелье: ты думаешь, они что-то вспомнили, увидев кости? И это так потрясло их, что эти воспоминания, пришедшие из далекого прошлого…

— Их было восемь, — перебил я Сару, — а Пэйнт был девятым. Он говорил, что их было десять. Куда же делась десятая?

— Мы можем никогда об этом не узнать, — сказала Сара.

До меня никак не доходило, зачем нам все это нужно. Зачем нам нужно было сидеть и спорить до хрипоты. Я действительно не мог понять, какое нам до всего этого дело. Мы могли продолжать путь и в то же время не знать, куда идем. Но у нас всегда оставалась надежда, что где-то впереди нас ждет место лучше, чем эта высушенная, как кость, дикая местность с кремнистыми горными кряжами и изрезанной оврагами бесплодной землей. Мы всегда могли рассчитывать, что нам подвернутся благоприятные обстоятельства, которые мы не упустим и которыми вовремя воспользуемся.

Люди, чьи кости были рассеяны у выхода из

лощины, кого-то искали. Но это вовсе не обязательно означало, что тот человек шел именно этой дорогой. Возможно, они шли наугад, так же, как и мы. И не было никаких признаков, что Найт именно тот человек, поисками которого они занимались. Поэтому мы сидели у костра и планировали наши дальнейшие действия. Теперь мы можем погрузить на Пэйнта недвижный остов Роско, а также все оставшиеся запасы воды и продуктов, которые он в силах потянуть. Мы с Тэкком понесем тяжелые тюки, а Сара, единственная из нас имевшая оружие, возьмет более легкий груз, с расчетом, что в случае опасности, она быстро бросит вещи и будет наготове для стрельбы. Свистун не может нести ничего. Он будет нашим дозорным, двигаясь в авангарде и разведывая обстановку.

После полудня мы вышли из ущелья и, преодолевая отвращение, забрались в форт. Там мы обнаружили три человеческих черепа и полдюжины проржавленных ружей, изъеденных коррозией до такой степени, что было уже невозможно определить, к какому типу огнестрельного оружия они принадлежали. Пэйнт припомнил, что тогда с ними было восемь людей: большое количество разбросанных костей,

пожалуй, подтверждало его слова. Но нашли мы лишь эти три черепа.

Вернувшись в лагерь, мы перевязали тюки и перетащили оставшиеся запасы подальше от тропы, спрятав их в узкой расщелине. С помощью ветвей мы замели наши следы, идущие от тропы к тайнику. Ни маскировка припасов, ни заметание следов не проводились нами достаточно тщательно. Но у меня было ощущение, что все наши старания — пустая трата времени, так как тропа давным-давно заброшена, и мы, скорее всего, были первыми, прошедшими по ней за последние сто лет.

День уже давно закончился, но мы двинулись в путь. Никто из нас не хотел оставаться в ущелье хотя бы на минуту дольше, чем это было необходимо. Мы ушли из лагеря, испытывая облегчение оттого, что наконец-то освободились от тягостных переживаний, нагнетаемых обступившими нас безжизненными земляными валами, и сбросили бремя древнего проклятия, витавшего над этим мрачным местом. Кроме того, нас подгоняло никогда никем не высказываемое вслух опасение, в котором бы вряд ли кто-либо из нас решился признаться, опасение — что мы опаздываем, выбиваясь из созданного для нас кем-то

свыше временного графика.

15

Через день Свистун наткнулся на кентавров.

К этому моменту мы все еще не вышли из пустыни. До сих пор пустынные участки земли пересекались нами за несколько часов, максимум за день. Но эта пустыня, казалось, была беспредельной, и мы все с нетерпением ждали, когда же она кончится, временами гадая, имеет ли она границы вообще. Для нас с Тэкком, нагруженных до отказа, это был довольно утомительный переход — большей частью пролегающий через пересеченную местность, с подъемами и спусками, перемежающийся редкими передышками, когда тропа выходила на достаточно ровную поверхность.

Свистун все время держался впереди. Мы очень редко видели его, и то лишь в те моменты, когда он задерживался на какой-либо господствующей высоте, чтобы убедиться, продолжаем ли мы идти следом.

Незадолго до полудня я увидел, как он быстро, перекатываясь с боку на бок, спускается по склону нам навстречу. Обрадовавшись возник-

шему вдруг предлогу сделать привал, я бросил на землю тюк с поклажей и стоял, выжидая, когда он подойдет. То же сделала и Сара, только Тэкк, остановившись одновременно с нами, не снял рюкзака. Он застыл, сгорбившись под весом давившего на него груза и уткнувшись глазами в землю. С момента, когда мы вышли из ущелья, после бегства лошадок, он выглядел еще более отрешенным, чем когда-либо. Обычно он ковылял в молчании и не обращал внимания ни на кого вокруг.

Свистун наконец скатился по тропе и остановился перед нами.

— Впереди лошадки, — прогудел он в мою сторону. — Десять раз по десять лошадок. Но они без полозьев, и у них лица, как у вас.

— Кентавры, — догадалась Сара.

— Играют, — задыхаясь, пропыхтел Свистун. — В низине между горами. Во что-то играют. Гоняют шар палками.

— Кентавры играют в поло! — восторженно воскликнула Сара. — Сколько в этом гармонии!!!

Она грациозно подняла руку, чтобы поправить упавший на глаза локон, а я, следя за ее движением, вновь уловил знакомый облик той чудесной девушки, которая встретила меня в холле ста-

рого дома на Земле — той прежней Сары, какой она была до того, как пыль пустыни и усталость скрыли лучшие грани ее красоты.

— Я понял, — сказал Свистун, — именно их вы искали. Очень рад, что нашел.

— Спасибо, Свистун, — сказала Сара.

Я поднял свой рюкзак и продел руки в лямки.

— Веди нас, Свистун.

— Неужели ты думаешь, — спросила Сара, — что кентавры сохранили мозговой блок? Они наверняка потеряли или сломали его, а, может быть, уже использовали для какой-нибудь цели.

— Поговорим с ними — узнаем, — ответил я.

— А что же с памятью? Если мы найдем блок и поставим его на место, сработает ли память? Будет ли робот помнить то, что он знал до изъятия мозга?

— С памятью все будет в порядке, — уверил я ее. — Все, что он помнил, при нем и останется. Так уж сконструирован мозг роботов. Они ничего не забывают, в отличие от людей.

Конечно, у меня сохранялось опасение, что на планете было не одно племя кентавров, могли быть и другие племена, и это, которое развлекалось игрой в поло на нашем пути, не обязательно было тем, которое когда-то завладело мозговым

блоком Роско. Но я не стал волновать своим предположением Сару.

И потом, кентавры могут не пожелать с ним расстаться. Хотя мне трудно было представить, какую практическую пользу можно извлечь из мозга робота, не имея самого робота.

Когда мы приблизились к вершине холма, следующего за тем, с которого скатился Свистун, неся нам долгожданную весть, он шепотом сообщил, что кентавры находятся сразу же за холмом. Я не знаю, почему мы повели себя таким образом, поскольку никто не предлагал этого делать, но мы все дружно залегли, подобрались к вершине ползком и осторожно заглянули на другую сторону.

Перед нами предстала ровная песчаная равнина с чахлой растительностью, а за ней — обширная желтовато-красная пустыня, на которой кое-где возвышались редкие невысокие скалы.

Свистун ошибся в подсчетах. Кентавров было гораздо больше, чем десять раз по десять. Основная их масса располагалась компактной группой по сторонам четырехугольного игрового поля, его можно было так окрестить, лишь наблюдая зрелище, для которого оно служило площадкой. Оно представляло собой ровный пустынный участок с двумя рядами белых камней, служивших,

видимо, для обозначения ворот. По полю бешено носилась дюжина кентавров; зажав в руках длинные дубины, они яростно боролись за мяч, гоняя его из стороны в сторону. Это можно было лишь с натяжкой считать грубой и весьма приблизительной версией благородного состязания, которое принято называть игрой в поло.

Между тем, по нашим наблюдениям, игра закончилась. Игроки ускакали за пределы поля, а толпа начала расходиться.

Неподалеку от игрового поля находилось несколько несуразных сооружений, по внешнему виду напоминавших навесы. Они представляли собой несколько больших кусков грубой материи, привязанных к концам закрепленных в земле шестов. Их предназначение, видимо, ограничивалось простой защитой от солнца. Кое-где под навесами виднелись кучки мешков, по всей вероятности, составлявших нехитрое имущество племени.

Кентавры кружились по равнине без видимой цели — так обычно дефилируют толпы беззаботных людей, вышедших в праздничный день на прогулку в парк.

— Что нам теперь делать? — спросила Сара. — Просто спуститься к ним?

И тут Тэкк вышел из транса.

— Спуститься, но не всем сразу, — предложил он. — Только одному из нас.

— И я полагаю, что этот один — ты, — сказал я с издевкой.

— Конечно, я, — ответил Тэкк. — Если кому-то суждено погибнуть, то я — первый кандидат.

— Я не думаю, — предположила Сара, — что они просто так возьмут и убьют кого-то из нас.

— Это ты так думаешь, — резко возразил я.

— Давайте размышлять логически, — сказал Тэкк в своей противной надменной манере, которая провоцировала меня задать ему хорошую трепку. — Из всех нас я самый последний претендент на то, чтобы быть убитым. Самый скромный на вид, безобидный, без всяких признаков агрессивности. Более того, я похож на человека, у которого не все дома. Я ношу коричневую сутану, а на ногах у меня не тяжелые ботинки, а сандалии…

— Эти детки внизу, — сказал я ему, — не имеют ни малейшего представления о таких вещах как сутана и сандалии. И их не интересует, гений ты или дурак. Если они решат кого-нибудь прибить, то не будут особенно раздумывать…

— Но ты не можешь знать этого, — сказала

Сара. — А что, если они вполне дружелюбны?

— Они что, кажутся тебе дружелюбными?!

— Нет, я полагаю, они не такие уж добрые, — ответила она, — хотя только по одному внешнему виду судить преждевременно. А Тэкк, по-моему, обладает одним достоинством, с которым к ним не страшно пойти. Может быть, им ничего не известно о коричневых сутанах и сандалиях, но они, должно быть, способны почувствовать простую человеческую душу. Они вполне могут определить, что Тэкк совершенно не опасен, а наоборот, полон благочестивых мыслей.

Все время, пока она говорила, я думал о том, что, излагая свои аргументы, Сара проявляла заботу о другом человеке, который, по ее мнению, не должен был оказаться на месте Тэкка.

— Господи, да я — единственный, кто может туда пойти, — сказал я. — Так что давайте прекратим эту болтовню, и я пойду к ним. Тэкка они просто превратят в мокрое место.

— Можно подумать, что тебе эта участь не грозит, — язвительно заметила Сара.

— Черт возьми, ты попала в самую десятку! По крайней мере я знаю, как обращаться…

— Капитан, — прервал меня Тэкк, — почему бы вам не прислушаться к голосу здравого смысла?

Или вам не терпится уснуть вечным сном? Если уж вы претендуете на роль супермена, то постарайтесь понять две простые вещи. Во-первых, я говорил, что думал. Они не забьют меня своими дубинами уж только потому, что я сделан не из того теста, из которого сделаны вы. Если они захотят расправиться со мной, то это не принесет им такого удовольствия, как если бы они захотели разделаться с вами. Подумайте, что за радость убить или отдубасить слабого и жалкого. А если я постараюсь, то буду выглядеть втройне слабым и жалким. И второе — вы нужны всем нам больше, чем я. Если что-то случится со мной, особой перемены не произойдет, а уж коли вы спуститесь вниз и позволите расправиться с собой, то вся наша экспедиция понесет невосполнимую утрату.

Я с удивлением уставился на него, ошеломленный: неужели у него хватило духу такое произнести!

— Ты хочешь сказать, что идти именно мне было бы глупо? — спросил я.

— Конечно. Неужели вы думаете, что я просто набиваю себе цену? Вы, наверное, решили, будто я смекнул, что вы все равно не отпустите меня, и что бы я тут ни говорил, мне не придется идти и рисковать собой?

Я не ответил ему, но он был прав. Именно так я и подумал.

— Кому бы ни пришлось спускаться, — сказала Сара, — он должен ехать на Старине Пэйнте. Судя по их конституции, они испытывают большее уважение к тем, кто ездит верхом. И еще, Пэйнт сможет вывезти, если ситуация будет складываться неблагоприятно.

— Майк, — прогудел Свистун, — святой отец говорит очень разумно.

— Все это — глупости. Должен рисковать я. В конце концов именно мне за это платят деньги.

— Майк, — сказала Сара резко, — перестань ребячиться. Кто-то все равно должен идти вниз — даже я могу быть этим человеком. Нас трое, не считая Свистуна, его мы не можем посылать к ним. Идти должен кто-то из людей. Давайте рассмотрим проблему со всех сторон…

— Но весь фокус в том, что нужно не просто спуститься, чтобы поговорить с ними, — запротестовал я. — Ведь придется еще и торговаться из-за мозга Роско. Тэкк может все испортить.

Мы лежали, припав к земле, и смотрели друг на друга.

— Бросим монету, — прорычал я. — Никто не против жребия?

— У монеты только две сторонки, — сказала Сара.

— Этого достаточно, — заметил я. — Ты участвовать в этом не будешь. Либо Тэкк, либо я.

— Никакого жребия, — сказал Тэкк. — Пойду я.

Сара посмотрела на меня.

— Мне кажется, мы должны его отпустить, — поддержала она Тэкка. — Он сам так хочет. Сам. Он справится.

— А торговаться? — спросил я.

— Нам нужен мозговой блок робота, — заявил Тэкк. — Мы отдадим за него все, что они попросят, и…

— Почти все, включая винтовку, — продолжила Сара.

Я взорвался при ее словах.

— Только не винтовку! Она еще может нам очень пригодиться. Это единственное наше оружие.

— Нам нужен мозг, — возразила Сара, — без него уж точно ничего не выйдет. А винтовка нам может и не пригодиться. За все время, пока мы здесь, я выстрелила всего один раз, и то, это был совершенно бесполезный выстрел.

— А эти парни, чьи черепа мы видели в ущелье?

Ее передернуло.

— У них было оружие. И что, оно им помогло? — заметила она.

— Все, что я смогу сделать, — сказал Тэкк, — это узнать, есть ли у них блок и захотят ли они с ним расстаться. Настоящие переговоры начнутся после этого. Мы все сможем принять в них участие.

— Хорошо, — согласился я.

Пусть идет, подумал я, и попробует что-нибудь сделать. Если ему повезет, может быть, мы бросим всю эту дурацкую охоту за тенью Лоуренса Арлена Найта и попытаемся решить, как нам выбраться с этой планеты. Признаться, у меня было самое туманное представление о том, каким образом это удастся провернуть.

Я подошел к Пэйнту и освободил его от поклажи, поставив фляги с водой в стороне от тропы и положив на них металлический остов Роско.

— Ну что ж, валяй, — сказал я Тэкку.

Он приблизился к Пэйнту и залез в седло. Посмотрев на меня сверху вниз, он протянул мне руку. Я протянул в ответ свою: в пожатии его длинных худых пальцев было больше силы, чем я мог ожидать.

— Удачи, — сказал я ему.

Пэйнт галопом перевалил через вершину хол-

ма и понесся вниз по тропе. Мы высунули головы и следили за ним.

Я пожелал ему удачи и был искренен. Видит Бог, этому бедному остолопу поистине повезет, если он выберется из этой переделки.

Сверху он выглядел маленьким и жалким, смешно подпрыгивающим в седле. Поднятый капюшон закрывал его лицо, а края сутаны, как боевой плащ, развевались за спиной.

Тропа поворачивала и уходила вниз, и мы на какое-то время потеряли его из виду. Но через несколько минут Тэкк вновь показался: он скакал по равнине в направлении к прогуливающимся кентаврам. Наконец, кто-то из них заметил его и издал предостерегающий крик. Все кентавры повернулись в сторону Тэкка, чтобы рассмотреть его, и их круговое движение прекратилось.

Ну вот, началось, с волнением подумал я, глядя на происходящее внизу с замирающим сердцем. Через мгновение они могут наброситься на него, и все будет кончено. Но они не бросались на него, они просто стояли и смотрели.

Пэйнт, покачиваясь, рысил вперед. Тэкк болтался на нем, словно кукла, неаккуратно завернутая в коричневую пеленку. Почти как его любимая кукла, подумал я…

— А где кукла? — вдруг вспомнив о ней, прошептал я Саре.

Не знаю, почему я заговорил шепотом. Ведь никакой необходимости в этом не было. Я мог бы и закричать — орда кентавров внизу не придала бы этому никакого значения. Все их внимание было приковано к Тэкку.

— Где же кукла? Он ее оставил? — не унимался я.

— Нет, — ответила Сара, — он взял ее с собой. Подоткнул ее под пояс и как следует затянул его, чтобы не потерять.

— Господи милосердный! — воскликнул я.

— Ты продолжаешь считать, — уверяла меня Сара, — что это — обычная кукла и нужно быть ненормальным, чтобы с ней таскаться. Но ты не прав. Он видит в ней нечто большее, чем ты и я. Это не просто приносящий удачу талисман, вроде кроличьей лапки. Это нечто большее. Я наблюдала, как он обращается с ней. Он делает это с нежностью и почтительностью. Словно это религиозный символ. Как скульптура Мадонны, возможно.

Я пропустил ее последние слова мимо ушей — Пэйнт уже приближался к стаду кентавров и замедлял свой бег. Наконец, он остановился в

футах пятидесяти от них и замер в ожидании. Тэкк сидел в седле — чурбан чурбаном. Он даже не поднял руку в приветственном жесте. Он ничего не сделал: просто-напросто подъехал к ним и сидел на Старине Пэйнте, как мешок.

Я оглянулся. Сара смотрела на равнину в бинокль.

— Он говорит с ними? — спросил я.

— Не могу определить, — ответила она. — Его лицо закрыто капюшоном.

Неплохое начало, сказал я про себя. Если уж они не убили его сразу, то какая-то надежда остается.

Два кентавра рысцой двинулись ему навстречу, маневрируя таким образом, чтобы оказаться по разные стороны от Тэкка.

— Смотри, — сказала Сара, передавая мне бинокль.

Через окуляры я тоже не мог хорошо разглядеть Тэкка: его голову полностью закрывал поднятый капюшон. Зато лица двух кентавров удалось рассмотреть достаточно четко — очень суровые, волевые лица, скорее даже жестокие. Вопреки моим ожиданиям, в них было много человеческого. Похоже, они внимательно слушали Тэкка, и время от времени то один, то другой, казалось, бросал в ответ короткие фразы. Затем они вдруг

засмеялись. Они смеялись во весь голос, можно сказать, оглушительно ржали. Это был язвительный смех, полный презрения. И сзади этот смех подхватило все стадо.

Я отнял от глаз бинокль и, прижавшись к земле, прислушивался к этим доносящимся издалека раскатам дружного хохота, усиленного эхом, отраженным от скатов холмов и дна низины.

Сара смотрела на меня полными удивления глазами.

— Я не понимаю, что происходит, — сказала она.

— Преподобный Тэкк, — ответил я, — опять опростоволосился.

Смех начал стихать и наконец прекратился. Два кентавра продолжили разговор с Тэкком. Я вернул бинокль Саре. И без его помощи я мог увидеть не меньше, чем мне хотелось.

Один из кентавров развернулся и прокричал что-то в толпу. Какое-то мгновение оба кентавра и Тэкк стояли в ожидании, затем из толпы выехал еще один кентавр и зарысил к ним, держа в руках какие-то блестевшие на солнце предметы.

— Что это у него? — спросил я Сару, приникшую глазами к окуляру бинокля.

— Это — щит, — ответила она. — И еще у него

какой-то ремень. А, теперь я вижу. Это ремень и меч. Они передают все это Тэкку.

Пэйнт развернулся и припустил назад. Солнечный свет играл на поверхности щита и на лезвии меча, которые Тэкк держал перед собой. А на плато кентавры вновь оскорбительно заржали. Раскаты смеха наплывали на нас волна за волной, и, словно подхваченный ими, Пэйнт летел по равнине с невероятной скоростью. Он мчался, как перепуганный кролик.

Когда он исчез из виду, я и Сара недоуменно переглянулись.

— Скоро узнаем, — успокаивающе сказал я.

— Боюсь, — отозвалась Сара, — ничего хорошего мы не узнаем. Не исключено, что мы допустили ошибку. Вероятно, следовало идти тебе. Но Тэкк этого так хотел.

— Но зачем? — спросил я. — Зачем этот безмозглый болван захотел идти? Из напускной храбрости? Но я ведь говорил, что сейчас не время рисоваться…

Сара отрицательно покачала головой.

— Это — не напускная храбрость. Что-то более серьезное. Тэкк — человек с очень сложным складом ума…

— Согласен. Его все время что-то гложет. Хоте-

лось бы только знать — что?

— Он думает совсем не так, как мы с тобой, — продолжала она. — Он видит вещи совершенно иначе. Его как будто что-то направляет. Что-то нематериальное, не подчиняющееся физическому измерению — не страх, не тщеславие, не зависть. Какая-то мистическая сила. Я знаю. Ты всегда считал его религиозным фанатиком. Думал, вот — мошенник, еще один из той когорты странствующих пилигримов, которые привыкли маскировать свои корыстные интересы религиозной одержимостью. Но, уверяю тебя, это не так. Я знаю его гораздо лучше, чем ты…

Пэйнт, ныряя, добрался до вершины и застыл, намертво зафиксировав свои полозья. Тэкк, свесившись с седла, выпустил из рук щит и меч, которые со звоном упали на землю.

Тэкк сидел и тупо смотрел на нас, словно парализованный.

— Ну, что же с мозговым блоком? — спросила Сара. — Он у них?

Тэкк кивнул.

— Они продадут его?

— Они не будут менять его, — просипел он. — И не продадут. Они будут за него драться. Это — единственный выход…

— Драться за него? — спросил я. — На мечах?!

— Так они мне сказали. Я объяснил им, что пришел с миром. А они заявили мне, что мир — это трусость. Они хотели, чтобы я дрался с ними сразу же. Но я сказал, что я должен уйти и помолиться, и тогда они подняли меня на смех, но все же разрешили уехать.

Он соскользнул с Пэйнта и грохнулся на землю, как мешок с дерьмом.

— Я не могу драться, — завизжал он. — Я никогда не дрался. До сего дня я вообще никогда не держал оружия в руках. Я не могу убивать, не хочу убивать. Они сказали, что все будет честно. Я один против одного из них, но…

— Но ты не можешь драться, — перебил я.

— Конечно, он не может драться, — огрызнулась Сара. — Он совершенно не знает, как это делать.

— Хватит пускать сопли, — зарычал я на Тэкка. — Поднимайся и снимай свою чертову рясу.

— Ты? — задыхаясь, произнесла Сара.

— А кто еще, черт побери? — сказал я. — Он поехал и заварил кашу. А теперь моя очередь ее расхлебывать. Или тебе уже не нужен этот блок?

— Но ты ведь никогда не дрался на мечах!

— Конечно, никогда. Или ты думаешь, дрался?

Что я, какой-то дикий варвар?

Тэкк все еще не пришел в себя. Я взял его за грудки и рывком поставил на ноги.

— Снимай рясу! — заорал я на него. — Мы не можем заставлять их ждать.

Я сбросил рубашку и начал развязывать шнурки на ботинках.

— Сандалии тоже снимай, — буркнул я. — Я должен выглядеть так же, как и ты.

— Они заметят разницу, — сказала Сара. — Ты совсем не похож на Тэкка.

— Если я накину капюшон на голову и прикрою им лицо, они ничего не заметят. Они не помнят, как он выглядел. И даже, если помнят, им все равно. Они собрались драться против сосунка и уверены в себе. Для них это забава.

Я встал и начал стягивать штаны. Тэкк не шевелился.

— Сними с него рясу, — попросил я Сару. — Нельзя молиться бесконечно. В конце концов им надоест ждать. Неужели ты хочешь, чтобы они пришли сюда с облавой?

— Давай все бросим, — предложила Сара. — Следует признать свое поражение и вернуться назад по тропе…

— Они будут нас преследовать, — ответил я. —

Мы не сможем от них оторваться. Снимай же с него рясу!

Сара сделала движение в сторону Тэкка, и тут он неожиданно ожил. Он быстро расстегнул ремень и, сорвав с себя рясу, бросил ее мне. Я надел ее и, закутавшись, натянул на голову капюшон.

— Ты ведь никогда не держал в руках меча, — продолжала уговаривать Сара. — А против тебя они выставят своего лучшего бойца.

— У меня есть одно преимущество, — возразил я. — Их лучший боец, как бы хорош он ни был в схватке, будет убежден, что ему противостоит неумеха. Наверняка, он будет беспечен, потому что настроится не на бой, а на спектакль. И не станет особенно стараться. В общем, ему захочется показать себя, устроить красивое зрелище. Если мне удастся к нему приблизиться…

— Майк…

— Сандалии, — требовательно сказал я.

Тэкк швырнул их в мою сторону, и я обулся. Он стоял перед нами почти голый, на нем были только грязные мятые трусы. Он был самым тощим человеком, какого мне когда-либо приходилось видеть. У него был невероятно впалый живот, казалось, прилипший к позвоночнику. Все его ребра можно было без труда пересчитать. А ноги

и руки были похожи на обтянутые кожей палки.

Я наклонился, чтобы поднять ремень с ножнами для меча, а затем обернул его вокруг талии. Вытащив меч, я с опаской рассмотрел его. Это было тяжелое, неудобное оружие, тронутое кое-где ржавчиной и не особенно острое. Я ввел меч обратно в ножны и, подняв щит, закрепил его у себя на руке.

— Удачи, Майк, — сказала Сара.

— Благодарю, — ответил я. Но я не испытывал чувства благодарности. Этот паршивый идиот сначала влез не в свое дело, все испортил, а теперь мне приходится браться за грязную работу. Глубоко в душе, что было особенно печально, я отнюдь не был уверен, что впрягаюсь в упряжку, которую смогу потянуть.

Я взобрался на Пэйнта. Как только он развернулся и уже готов был рвануться с места, Тэкк вдруг подбежал и, загородив мне путь, протянул куклу, видимо, предлагая ее взять.

Я сделал выпад ногой и ударил его по руке. Кукла, выбитая из его ладони, полетела в сторону, упав рядом с тропой.

Пэйнт, окончательно развернувшись, ныряя, побежал вниз с холма. Кентавры находились на прежнем месте. Я опасался, что столкнусь с

ними, когда они будут подниматься по тропе в поисках Тэкка.

При моем появлении стадо разразилось оскорбительным ржанием. Мы выехали на плато, где собрались кентавры, и Пэйнт поскакал к ним резвым аллюром. Один из кентавров выбежал нам навстречу, и Пэйнт, приблизившись, остановился напротив него.

У кентавра был точно такой же, как у меня, щит, а ремень, на котором висел меч, был перекинут через плечо.

— Ты возвратился, — сказал он. — А мы думали, что ты уже не появишься.

— Я и сейчас пришел с мирными намерениями. Неужели нет другого способа договориться?

— Мир — это трусость.

— Вы настаиваете? — спросил я.

— Да, — ответил он, — другого честного способа нет.

Он явно издевался надо мной.

— Если мы заговорили о чести, — продолжал я, — могу ли я быть уверен, что после того, как убью тебя, я действительно получу шар?

— Ты говоришь, что убьешь меня, как будто для тебя это раз плюнуть.

— Кто-то из нас должен умереть, — заметил я.

— Верно, — усмехнулся он, — и это будешь ты.

— Но, если предположить, что ты ошибаешься, — настаивал я, — как быть с шаром?

— Если случится невероятное и ты останешься жив, — сказал он, — тебе его принесут.

— И мне позволят спокойно уйти?

— Ты оскорбляешь меня, — холодно заявил он. — И ты оскорбляешь мое племя.

— Я никогда здесь не был, — возразил я. — И не знаю обычаев твоего племени.

— Мы — честные, — сказал он сквозь зубы.

— В таком случае, — предложил я, — приступим к делу.

— Нужно соблюдать правила, — сказал он. — Каждый из нас должен отъехать назад и встать лицом друг к другу. Ты видишь вымпел на шесте?

Я кивнул. Кто-то в толпе кентавров держал в руках шест с привязанным к его концу обрывком замызганной тряпки.

— Когда вымпел опустят, — объяснил он, — начнется бой.

Я снова кивнул и пришпорил Пэйнта пятками, понуждая его развернуться. Я отъехал на несколько шагов и повернул Пэйнта мордой в сторону своего противника. Кентавр тоже развернулся.

Теперь мы стояли друг против друга, как рыцари перед поединком. Шест с грязной тряпкой был все еще поднят вверх. Кентавр обнажил свой меч, я последовал его примеру.

— Ну что, Пэйнт, старая кляча, — сказал я, — здорово мы влипли!

— Высокочтимый сэр, — ответил мне Пэйнт, — в этой ситуации я постараюсь сделать все от меня зависящее.

Шест с тряпкой опустился. Мы ринулись вперед одновременно.

Пэйнт набрал полную скорость уже после двух качков на своих полозьях, а кентавр с грохотом надвигался на нас, вырывая копытами из земли большие куски дерна и далеко отбрасывая их назад. Свой меч он держал острием вверх, а щитом прикрывал голову. Как только мы сблизились, кентавр издал душераздирающий боевой клич, уже одного этого звука было достаточно, чтобы кровь застыла в моих жилах.

С момента падения вымпела не прошло и двух секунд (конечно, если действительно минуло две секунды, как мне показалось) а я уже очутился нос к носу с кентавром. За эти секунды в моем лихорадочно заработавшем мозгу прокрутилась по меньшей мере дюжина коварных уловок, с

помощью которых я должен был перехитрить своего противника, и так же мгновенно все эти уловки были мною отвергнуты. В последний миг перед столкновением я понял, что ничего не смогу ему противопоставить, кроме одного: сначала отразить удар его меча щитом, а потом постараться любым способом нанести ответный удар.

Мой мозг разом откинул все беспорядочно роившиеся в нем идеи и замыслы и превратился в волевую и бесстрастную вычислительную машину. Мой разум воплощал теперь беспощадную жестокость, и это было именно то состояние, без которого нельзя в такой момент обойтись. Или я сразу же прикончу его, или погибну сам. Удастся ли мне справиться с кентавром, зависело только от удачи, так как у меня не было ни навыков обращения с мечом, ни времени, чтобы ими овладеть.

Я видел, как он обрушивает на меня свой меч хорошо отработанным, размашистым ударом, и я также знал, что мой меч направлен в его голову со всей силой, которую я мог вложить в свою руку. Его глаза, почти утопавшие в густой бороде, были прищурены, их выражение представляло сплав самоуверенности и сосредоточенности.

Ведь он считал меня игрушкой в своих руках.

Он знал, что у меня нет ни единого шанса. Наблюдая за мной, он должен был сделать вывод, что я не умею обращаться с мечом и, соперничая с ним, нахожусь в совершенно безнадежном положении.

Его меч обрушился на край моего щита с такой силой, что моя левая рука тут же онемела. Отраженный клинок просвистел у моего плеча. И вдруг сразу же после удара кентавр как-то судорожно дернулся, отступая и заваливаясь назад. Его взгляд остекленел, а рука, держащая щит, оказалась в стороне, и здесь лезвие моего меча со всего размаха опустилось прямо на его голову и вошло в череп, разрубив его на две части до самой шеи.

И вот как раз в то мгновение, когда мой клинок еще не коснулся кентавра, а его взгляд только начал терять ясность и рука, держащая щит, оказалась в стороне, я увидел черное отверстие точно на линии между его глазами, посредине лба. Но я видел его только долю секунды, так как в следующий миг мой меч прошел через него. Словно это отверстие было специально нанесено чьей-то невидимой рукой, чтобы послужить ориентиром для моего удара.

16

Мозговой блок робота был испещрен зазубринами и вмятинами. Кентавры нашли ему весьма своеобразное применение.

Я передал его Саре.

— На, бери, — промолвил я. — Ради этого стоило рискнуть жизнью.

После моих слов она чуть не задохнулась от негодования.

— Никакого риска не было, — закричала она. — Я стреляю так, что пуля попадает именно в то место, в которое я целюсь. Или я промахнулась?

— Нет, ты сработала отлично, — пробурчал я, все еще переводя дух после схватки. — Но стоило только взять на два фута в сторону…

— Это исключено, — вскипела она. — Я прицелилась точно…

— Да, да! Я знаю, — перебил я. — Точно в середину его лба.

Я слез с Пэйнта и сбросил с себя рясу. Тэкк лежал, скрючившись, у ствола уродливого низкорослого дерева. Я швырнул ему рясу.

— Где мои брюки? — спросил я.

— Здесь, — указала Сара. — Я их подобрала и сложила.

Я поднял брюки и, встряхнув, начал залезать в них.

Сара вертела мозг в руках, рассматривая повреждения.

— Что с ним произошло? — с недоумением спросила она. — Для чего они его использовали?

— Интересно, как ты думаешь, что можно ожидать от банды варваров, помешанных на игре в поло, когда им попадает в руки такая штука?

— Ты имеешь в виду, что он служил им мячом для игры? — продолжала недоумевать Сара.

Я утвердительно кивнул.

— Теперь им придется вернуться к мячам, выдолбленным из камня. Представляю, как их это огорчило.

Свистун спустился к нам со склона, откуда мы недавно наблюдали за кентаврами.

— Сработал превосходно, Майк, — протрубил он. — Покончить с ним всего лишь одним ударом, имея оружие, которым раньше никогда не пользовался…

— Уж кто превосходно сработал, так это мисс Фостер, — сказал я. — Это она подстрелила птичку для меня.

— Неважно, чья заслуга, — заметил Свистун. — Главное дело сделано, а играющие лошадки эвакуируются.

— Ты хочешь сказать, что они уходят?

— Строятся для марша.

Я взобрался на вершину холма и увидел, что кентавры действительно образовали неровную колонну и направились на запад.

Их уход принес мне величайшее облегчение. Несмотря на все их благородство (а оно было доказано хотя бы тем, что они вернули мозговой блок), я все же чувствовал себя крайне неуютно, когда они находились поблизости.

Обернувшись, я заметил, что Тэкк и Сара откопали тело Роско из-под фляг с водой и теперь открывали его череп, чтобы поместить в него мозг.

— Как ты думаешь, он не поврежден, — спросила Сара, — после того, как его столь нещадно лупили? Только посмотри на эти вмятины!

Я отрицательно покачал головой. Если бы я имел понятие.

— Ведь он наверняка не так уж много знал, — с надеждой в голосе утешала себя Сара. — Нам не так уж много нужно от него. Ему достаточно ответить всего лишь на несколько простых вопросов.

Тэкк протянул руку за мозгом, и Сара передала блок ему.

— Ты хоть знаешь, что с ним делать? — спросил я.

— Думаю, что знаю, — ответил он. — Здесь есть пазы. Мозг нужно вдвинуть в череп как раз по ним.

Он вставил блок и задвинул его ладонью вглубь черепа.

Затем захлопнул черепную крышку.

Роско зашевелился. Он был прислонен нами к земляной насыпи, а теперь он выпрямился, оторвавшись от опоры и стараясь встать на ноги. Он вертел головой из стороны в сторону, поочередно рассматривая каждого из нас. Его руки двигались очень осторожно, словно он проверял их.

Наконец он медленно заговорил, постепенно повышая голос:

— Иногда, — промолвил он, — никогда, всегда, навсегда, завсегда.

Он замолчал и оглядел нас, как будто стараясь убедиться, понимаем ли мы его. Когда ему стало очевидно, что до нас ничего не дошло, он снова продекламировал, на этот раз торжественно и размеренно, полагая, что теперь ему удастся избежать неправильного понимания:

— Шапка, тряпка, лапка, топка, лепка, репка, кошка, кепка.

— Абсолютный пень, — вскричал я.

— День, — откликнулся Роско.

— Он рифмует, — догадалась Сара. — Все, на что он остался способен, — это выступать в качестве словаря рифм. Ты предполагаешь, что он все забыл? Неужели он ничего больше не знает?

Я улыбнулся ей.

— Почему бы тебе не узнать у него самого?

— Роско, — спросила она, — ты помнишь хоть что-нибудь?

— Позабудь, — отозвался он, — не вернуть, завернуть, как-нибудь, долгий путь.

— О, нет же, нет, — воскликнула Сара. — Ты помнишь своего хозяина?

— Каина, — без всякого намека на издевку, просто и естественно ответил Роско.

— Роско, — решительно произнес я, — мы ищем Лоуренса Арлена Найта. Тебе ясно?..

— Грязно, — сказал Роско, — гласно, опасно…

— Да будь ты неладен, трепач проклятый! — завопил я. — Мы его ищем. Укажи хотя бы направление, где его искать, куда нам надо смотреть.

— Реветь, — проговорил Роско, — медведь, корпеть.

Но, несмотря на то, что он болтал рифмованную белиберду, он повернулся и, вытянув руку, указал пальцем вниз. Его рука с вытянутым пальцем застыла, как дорожный указательный знак, дающий четкое направление на север, дальше по тропе.

17

Итак, мы отправились по тропе на север. Пустыня и каменистые холмы остались позади, и теперь мы изо дня в день упорно поднимались на высокое плато, открывающее путь к неуклонно уходящим вверх горам. Они упирались в небо огромными, величественными кряжами, которые по-прежнему тонули в голубоватой дымке.

Теперь нам попадались источники воды: холодные быстрые потоки мелодично звенели, устремляясь вниз по выстланным галькой руслам. Мы спрятали наши фляги в одной из каменных хижин, все еще встречавшихся на высотах вдоль тропы.

После того, как мы пересекли изрезанную каменистыми холмами равнину, никто из нас уже не нес поклажи: все тюки теперь были надежно закреплены на сильной спине Роско. Чувствуя с непривычки неудобство оттого, что теперь приходится идти налегке, я шел со щитом, пристегнутым к плечам за спиной, и мечом, висящим на поясе. Конечно, это было оружие, не достойное взрослого человека, но все же щит и меч придава-

ли мне некое воинственное чувство собственной значимости, наверное, свойственное нашим жившим тысячелетия назад древним предкам, испытывавшим гордость лишь от одного обладания боевыми доспехами.

Теперь наше путешествие, казалось, начинало приобретать смысл. Хотя иногда я все же сомневался, действительно ли Роско знал, куда нам идти, когда твердо указал на север (и продолжал указывать всякий раз, когда мы его об этом спрашивали). Его невозмутимая уверенность вселяла в нас, по меньшей мере, убеждение в том, что мы уже не слепо блуждаем во мраке, а видим выход из лабиринта.

Растительность вокруг нас стала более разнообразной. Вдоль тропы появились трава и цветы, оригинальные кустарники, а временами встречались рощи красивых деревьев, приютившиеся на берегах водоемов. И, разумеется, в отдалении все так же уходили ввысь подпирающие небо колонны деревьев-гигантов. Воздух становился прохладным, и, если раньше ветра практически не было, то теперь он дул почти постоянно, налетая колючими, пронизывающими порывами. В траве обитали похожие на грызунов зверюшки, которые, сидя вдоль тропы, провожали нас сви-

стом, временами попадались небольшие стада травоядных. Сара подстрелила одного из этих животных, и после того, как мы его разделали, все по очереди тянули жребий, кому есть первый кусок; а так как самое длинное перо досталось мне, то я выступил в роли подопытного кролика. Я съел несколько кусков поджаренного мяса и долго сидел, ожидая результата. Поскольку ничего со мной не случилось, остальные тоже принялись есть. Таким образом мы нашли источник пополнения наших съестных припасов. Оставшееся мясо было взято нами в дорогу.

Нагорье, по которому мы шли, имело сказочный вид, над ним словно витал дух неразгаданной тайны, и временами мне казалось, что все это я вижу во сне. Причем восторженное чувство нереальности зарождалось не столько под влиянием волшебной красоты самого нагорья, сколько под воздействием всего облика этой странной планеты. Завораживающая сила ее чар пронизывала все поры моего существа — и я, как влюбленный юноша, все время думал о планете. Мною постоянно владели размышления о тех, кто населял планету, почему они покинули ее, для чего ими был посажен, а потом заброшен гигантский сад и построен опустевший затем белый город. Нежась

в тепле костра, отгонявшем ночную прохладу, я разглядывал Свистуна, не переставая удивляться, как между нами, такими непохожими, могло возникнуть связавшее нас навек чувство братства. Он очистил мою кровь от яда, а позднее просил меня поделиться с ним жизнью, потом, когда Тэкк уговорил его отказаться от моей помощи, он принял часть жизни Тэкка, хотя я подозревал, что он принял его помощь только потому, что она была дана ему как бы по доверенности от меня, поскольку между ним и Тэкком не было той братской близости, какая была между нами.

Сейчас, и это было более заметно, чем когда-либо, Тэкк шел словно сам по себе, как случайный попутчик, на время пристроившийся к нашей компании. Он почти всегда молчал, только изредка он что-то шептал своей кукле, а после ужина садился отдельно, вдалеке от костра, похоже, совершенно не ощущая ночного холода. Его лицо еще более утончилось, а тело, казалось, совершенно затерялось в складках сутаны. Он будто усох, но напоминал скорее не скелет, а что-то вроде задубевшей необработанной шкуры, которую вовремя не успели замочить в растворе. Он стал каким-то ветхим и бродил, как тень. Мы просто перестали замечать его. Были ситуации,

когда я натыкался на него взглядом и никак не мог сообразить — кто же он такой. Может быть, эти странные, неожиданные провалы в памяти тоже возникали под влиянием заколдованной горной голубизны, в которую мы все глубже и глубже погружались.

Прошлое и настоящее, а также наши надежды и мысли о будущем, казалось, сливались в поразительно ясное общее ощущение времени; времени, ставшем живым воплощением вечности, не имеющим ни конца, ни начала; времени как субстанций нового измерения, неподвижно застывшей в пространстве в виде чудесной картины, открывающей дорогу к сокровенной тайне вселенской мудрости.

Мы по-прежнему двигались по обширному плато, и Пэйнт все так же молчаливо покачивался на ходу. Только иногда тишину нарушал стук камней, отскакивавших из-под его полозьев с тропы. Свистун держался впереди, на расстоянии одного перехода от нас, выполняя начинавшую казаться бесполезной роль дозорного. Закутанный с головой, Тэкк сопровождал нас, как привидение. Роско твердым шагом маршировал по тропе, бормоча под нос бесконечную поэму из рифмованных слов, абсолютно лишенную всяко-

го смысла: жизнерадостный придурок, беспечно бредущий по враждебной и незнакомой земле. Да и я, со щитом за спиной и мечом, путающимся в ногах, должно быть, представлял собой фигуру не менее нелепую, чем любой из них. Одна лишь Сара, возможно, выглядела не так странно, как мы, но и она преобразилась, словно в ней опять запылал прежний огонь искательницы приключений, померкнувший недавно под влиянием монотонности и напряжения долгого перехода через пустыню и бесконечные гряды каменистых холмов. Я снова видел в ней женщину, когда-то встретившую меня в прихожей изысканного особняка, спрятанного в глубине старинного парка, женщину, которая ввела меня за руку в зал, откуда потом все и началось.

Горы грозно вздымались над нами, и некогда скрадывавшая их острые грани голубоватая дымка постепенно растаяла. Теперь стало очевидно, что это были дикие, страшные горы, от одного вида которых захватывало дух. Горы с нависающими утесами, глубокими каньонами, крутыми склонами, покрытыми густым лесом, собиравшимся почти до самых скалистых вершин.

— У меня такое чувство, — как-то раз, сидя у костра, сказала Сара, — что мы уже почти у цели,

что мы очень, очень близко.

Я кивнул в ответ, поскольку чувствовал то же самое, хотя при всем желании не мог объяснить, к чему же такому мы столь близко подошли. Где-то здесь, в горах, мы, несомненно, должны найти ответ на этот вопрос. Я не был уверен, что мы найдем Лоуренса Арлена Найта. Здравый смысл подсказывал, что он уже давно должен был умереть. Я сам недостаточно ясно отдавал себе отчет почему, но во мне закрепилось убеждение, что мы отыщем эту вещь или предмет, что где-то рядом тропа должна оборваться, и там будет находиться это нечто, к которому мы так упорно стремились. Но как бы я ни старался выразить это нечто словами, я был не в состоянии. Я просто не мог представить, что это такое. Но незнание отнюдь не подавляло чувства возбуждения и не ослабляло напряженного ожидания встречи с невиданным. Мое отношение к этому «нечто», возникшее под влиянием окружающей нас голубизны, было совершенно необъяснимо. А ведь могло случиться и так, что тропа не имеет конца, что, достигнув подножия гор, она будет карабкаться вверх, извиваясь змеей по бескрайним кручам. Да, для логики здесь попросту не было места. Но я все же продолжал верить — тропа

вот-вот оборвется, и в том месте, где она исчезнет, мы обнаружим нечто удивительное.

Над нами сияло сердце галактики — сумасшедшей красоты голубовато-белое ядро с расходящейся от него по спирали туманной паутиной щупалец.

— Интересно, — вздохнула Сара, — вернемся ли мы когда-нибудь назад? А если вернемся, то что мы расскажем им, Майк? Как можно описать словами место, подобное этому?

— Большой белый город, — сказал я, — затем пустыня, а после нее каменистые холмы, за ними плоскогорье и горы.

— Но все это ни о чем не говорит. Даже близко не отражает реальной картины. Чудо и мистика…

— Для этого еще не придумано слов, — ответил я. — Как нет слов для того, чтобы выразить волшебство и великолепие, страх и счастье.

— Я думаю, ты прав, — согласилась Сара. — Но как ты считаешь, мы возвратимся? Ты еще не придумал, как это сделать?

Я отрицательно покачал головой. У меня появилась одна идея, но она могла оказаться неверной, и не было нужды спешить ее высказывать. Не следовало воскрешать надежду, которая имела достаточно призрачные шансы воплотиться в

реальность.

— Ты знаешь, — заметила Сара, — собственно, меня это особенно и не беспокоит. Мне кажется, это уже не важно. Здесь есть что-то, чего и не находила нигде и никогда, и я не могу объяснить тебе, что именно. Я все думала и думала об этом, но так и не стригла понять.

— Еще день-два, и, может быть, узнаешь, — сказал я.

Я был очарован так же, как и она, хотя, наверное, не поддавался всецело этим чарам, подобно Саре. Она, вероятно, была чувствительней меня, замечала детали, ускользавшие от моего внимания, или совершенно иначе переживала общие для нас впечатления. Не было способа, размышлял я, понять, разгадать или хотя бы предположить, как будет реагировать мозг другого человека, какие в нем произойдут процессы, как эти сложные процессы будут взаимодействовать, и, наконец, какое влияние они могут оказать на разум и чувства другого человека.

— Да, может быть, завтра, — отозвалась Сара.

Действительно, подумал я, это может произойти уже завтра.

Я посмотрел на нее через пламя костра: она была похожа на ребенка, мечтающего о том, что

завтра наступит Рождество, на самом деле понимая, что, может быть, оно и не наступит.

И назавтра мы так и не дошли до конца тропы. Рождество не наступило. Завтра стало днем, когда исчез Тэкк.

Мы заметили, что его нет, в середине дня и, как ни старались, мы не могли вспомнить, был ли он с нами во время полуденного привала. Мы были уверены, что утром он вышел со всеми, но это было единственное, в чем мы были уверены наверняка.

Мы остановились и пошли назад. Мы искали и кричали, но так и не дождались ответа. Наконец, когда сгустились сумерки, мы прекратили поиски и расположились на ночлег.

Было смешно, конечно, что никто из нас так и не смог вспомнить, когда же мы его в последний раз видели, и я, откровенно говоря, не исключал, обдумывая случившееся, что он вовсе не отстал от нас, заблудившись сознательно или случайно где-то по дороге, а попросту испарился, как Джордж в ту ночь, когда мы подверглись бомбардировке со стороны дерева и отсиживались в красном здании на окраине города.

Возможно, убеждал я себя, причиной того, что мы перестали замечать присутствие Тэкка, была

его прогрессирующая неприметность. День за днем он все более замыкался в себе, отдалялся от нас, пока не дошел до того, что бродил между нами, как привидение, почти незаметно. Эта неприметность, а также колдовское очарование голубой земли, на которой время уже не имело привычного значения и смысла, а реальность сливалась со сновидением — соединение этих двух факторов, как я объяснял себе, — и послужило причиной его бесследного исчезновения.

— Нет никакого смысла продолжать поиски, — сказала Сара. — Будь он здесь, мы бы уже давно нашли его. Если бы он нас слышал, он бы откликнулся.

— Ты думаешь, что его уже просто не существует? — спросил я, подумав, что это была достаточно замысловатая формулировка вопроса о том, жив он или нет.

Она кивнула в ответ.

— Он нашел то, что искал. Так же, как Джордж в свое время нашел то, что искал.

— А эта его кукла? — спросил я.

— Символ, — ответила Сара. — Точка концентрации. Что-то вроде хрустального шара, глядя в который можно потеряться. Мадонна некой древней и могущественной религии. Талисман…

— Мадонна, — заметил и. — Ты уже как-то об этом говорила.

— Тэкк был очень чувствительным, — продолжала Сара, — до мозга костей. И настроен в унисон с чем-то вне нашего времени и пространства. С агрессивным типом характера — да, теперь я могу это признать, — агрессивный тип и очень своеобразный. Не от мира сего.

— Когда-то ты говорила мне, что он не выдержит, — вспомнил я. — Что где-то по пути он должен сломаться.

— Да, я помню. Я полагала, что он слаб, но я ошибалась. Он был сильным.

Стоя в молчании, я недоумевал, куда же все-таки он мог деться. Да и «делся» ли он? Или его неприметность достигла такой степени, что он просто растворился в воздухе? Был ли он все еще с нами, невидимый и неосязаемый, споткнувшийся на границе, отделяющей реальный мир от потустороннего, иного мира, недоступного нашим органам чувств? Может быть, он все еще здесь, взывает к нам и дергает нас за рукава, чтобы подать сигнал о своем присутствии, а мы неспособны услышать его и ощутить его прикосновения?

Да не в этом же дело, убеждал я себя. Тэкк не

станет дергать за рукав и кричать. Ему все равно! На черта мы ему сдались! Ему плевать, знаем ли мы о его присутствии или нет. Все, что ему нужно — это прижать к груди куклу и остаться наедине с наполняющими его дурацкую голову мыслями. Возможно, его исчезновение было не столько исчезновением как таковым (ведь и его бледность была не обычной болезненной бледностью), сколько полным и абсолютным отвержением всех нас.

— Вас осталось двое, — сказал Свистун, — но вас сопровождают надежные союзники. Втроем продолжаем оставаться с вами.

Я совсем забыл о Свистуне и двух других наших спутниках: ведь мне казалось, что нас осталось только двое из четверых, дерзко вышедших за пределы галактики, чтобы найти на ее задворках что-то, неизвестное нам ни тогда, ни сейчас.

— Свистун, — спросил я, — ты почувствовал, что Джордж покидает нас. Ты знал, когда он ушел. А сейчас?..

— Не слышал, как он уходит, — ответил Свистун. — Ушел уже давно, несколько дней назад. Растворился так легко, что у меня даже не появилось ощущения потери. Просто его становилось все меньше и меньше.

Конечно, в этом все и заключалось. Его действительно оставалось все меньше и меньше. Интересно было бы узнать, находился ли он с нами когда-нибудь полностью.

Сара стояла рядом — с высоко поднятой головой, словно бросая вызов чему-то безжалостному, набиравшему силу в наливающихся чернотой сумерках — нависшему над нами року, или, может быть, явлению, или фатальному стечению обстоятельств, забравших Тэкка от нас. Хотя, конечно, было трудно поверить, что в исчезновении Тэкка повинна какая-то случайность или какие-то определенные обстоятельства. Ответ находился в душе Тэкка и в его разуме.

При свете костра я заметил, как слезы катятся по щекам Сары: она плакала тихо, высоко подняв голову навстречу скрывавшейся в темноте неизвестности. Я осторожно положил на ее плечо руку. Почувствовав прикосновение, она повернулась ко мне и оказалась в моих объятиях — это получилось непреднамеренно и совершенно неожиданно. Она уткнулась лицом в мое плечо, и теперь ее сотрясали рыдания, а я крепко прижимал ее к себе.

Недалеко от костра стоял Роско, бесстрастный и неподвижный. Сквозь всхлипывания Сары я

услышал его приглушенное бормотание: «Вещь, лещ, клещ…»

18

Мы достигли цели на второе утро после исчезновения Тэкка — мы пришли на это место и поняли, что находимся именно там, куда и хотели попасть. Наступило мгновение, о котором мы мечтали все эти бесконечные дни по пути сюда. Честно говоря, мы не испытали большого восторга, когда, поднявшись на вершину небольшого холма, увидели в конце простиравшейся впереди болотистой низины образованные двумя огромными скалами ворота, в которые уходила тропа. И мы сразу догадались, что эти ворота открывают путь к нашей цели.

Перед нами вздымались в небеса горы. Горы, которые мы впервые наблюдали еще из города, когда они казались пурпурной лентой, протянутой на севере вдоль линии горизонта. Они все еще сохраняли багряную окраску, теперь уже отражающую игру света и тени в голубоватых сумерках, окутавших землю. Все слишком явно подсказывало нам, что мы у цели, — горы, ворота, наконец, наши чувства.

Но эта очевидность рождала у меня странное

ощущение какого-то несоответствия, хотя, постарайся я его объяснить, мне вряд ли бы это удалось.

— Свистун, — позвал я, но не услышал отклика. Он стоял позади меня так же неподвижно и безмолвно, как и все остальные. Он, должно быть, переживал то же, что и мы, и по-своему ощущал приближение к цели.

— Ну что, пойдем, — сказала Сара, и мы двинулись вниз по тропе в направлении величественной каменной арки, открывавшей дорогу в горы.

Когда мы дошли до ворот, составленных из нагроможденных друг на друга каменных плит, мы обнаружили табличку. Она была сделана из металла и закреплена на одной из каменных стен. Рядом было прикручено еще несколько таких же металлических табличек с текстом, по-видимому, содержащих аналогичную информацию на других языках. На одной из табличек ужасными каракулями было нацарапано объявление на местном диалекте, которое гласило:

> Все биологические создания, добро пожаловать. Механические, синтетические формы и их разновидности любого вида не имеют права доступа. Также запреще-

но проносить все типы инструментов и оружия, в том числе самые примитивные.

— Я не в обиде, — прокомментировал объявление Пэйнт. — Составлю компанию этому железному бормотателю рифмованных слов и буду прилежно охранять ваши ружье, саблю и щит. Я буду молиться, чтобы вы поскорее вернулись. После того, как я нес вас на своей спине, меня бросает в дрожь от одной мысли лишиться общества биологических существ. Поверьте, близость подлинной протоплазмы дает непередаваемое ощущение комфорта.

— А мне все это не нравится, — заявил я. — Теперь мы будем вынуждены продолжать путь с голыми руками.

— Ведь это именно то, — напомнила Сара, — ради чего мы сюда шли. И мы не можем нарушать простого правила. К тому же здесь безопасно. Я это чувствую. А ты разве не чувствуешь, Майк?

— Разумеется, чувствую, — ответил я. — Но все равно мне это не нравится. Чувство безопасности — слишком ненадежная защита. Мы ведь не можем знать, что нас ждет впереди. А что, если мы нарушим инструкцию и…

— Би-и-и-п, — дала сигнал табличка, или то, что там было на стене.

Я обернулся и на той же табличке, где только что были строки объявления, прочитал другую надпись:

> Администрация не несет ответственности за последствия сознательного нарушения правил.

— Ну ладно, ты, чудо-юдо, — обратился я к стене. — Какие такие последствия ты имеешь в виду?

Табличка не удостоила меня ответом: на ней осталась прежняя надпись.

— Не знаю, что собираешься делать ты, — сказала Сара, — а я собираюсь идти. И поступлю так, как они требуют. Не для того я преодолела весь этот путь, чтобы отступить сейчас.

— Кто говорил об отступлении? — спросил я.

— Би-и-и-п, — пропиликал знак, и появилась новая надпись:

> Не рискуй, сам ты чудо-юдо!

Сара прислонила винтовку к стене под знаком, расстегнула пояс, на котором висел подсумок с

боеприпасами, и опустила его рядом с прикладом винтовки.

— Пойдем, Свистун, — сказала она.

Табличка снова подала сигнал:

Многоногий? Он настоящее биологическое существо?

Свистун фыркнул от негодования.

— Соображаешь, что говоришь, чудо? Или считаешь, что я незаконнорожденный?

— Би-и-и-п!

И снова надпись:

Но тебя здесь больше одного!

— Меня — трое, — с достоинством прогудел Свистун. — Сейчас я в своем втором образе. Превосходящем мое первое я, но еще недостаточном для перехода в третью степень.

— Би-и-и-п, — прозвенела табличка, изменив содержание надписи:

Прошу прощения, сэр, милости просим!

Сара обернулась и посмотрела на меня.

— Ну, что? — спросила она.

Я бросил щит рядом с винтовкой и развязал ремень, на котором висел меч, — он упал на землю.

Сара пошла первой, и я не стал возражать. В конце концов, затеяла этот спектакль и заплатила за музыку она. Свистун семенил за ней мелкими шажками, а я замыкал процессию.

Мы спускались вниз по тропе, все более погружаясь в густую тень, которую отбрасывали возвышавшиеся по сторонам каменные стены. Мы спустились на дно узкой траншеи, шириной не более трех футов. Затем траншея и проходящая по ней тропа сделали неожиданный поворот, и на нас хлынул поток ослепительного света.

Мы вышли из замкнутого каменистыми стенами прохода и, сойдя с тропы, вступили на Землю Обетованную.

19

Это было место, перенесенное из Древней Греции, о которой я когда-то читал в школе. Наш учитель пытался привить нам любовь к истории и культуре планеты, ставшей колыбелью человечества. И хотя ни Земля сама по себе, ни обстоятельства возмужания и развития человечества не вызывали во мне особых эмоций, я, помню, был поражен классической красотой и гармонией греческой философии. В то время она поразила меня именно как оставленное нам богатейшее наследие, которое может быть предметом гордости любой расы. Правда, затем я забыл о своих переживаниях, связанных с изучением античности, и не вспоминал о них долгие годы. Но здесь я увидел пейзаж, который в точности воскрешал картины, рисуемые моим воображением много лет назад, когда я читал о Древней Элладе в учебнике.

Тропа теперь проходила через узкую, окруженную скалами долину, по дну которой текла быстрая горная река. Она сверкала и золотом переливалась на солнце в местах, где поток пере-

бегал через каменистые пороги.

В целом пейзаж был суров и дик. В основном преобладали голые скалы, но то там, то здесь его оживляла свежая зелень горных деревьев, зацепившихся в расщелинах за скалистые склоны.

Тропа вела вниз по долине, иногда приближаясь к речке, иногда карабкаясь по серпантину на уступы скал, подходивших вплотную к потоку. И повсюду на этих обрывистых скалистых склонах, нависающих карнизами над долиной, сияли белоснежным мрамором (или другим материалом, казавшимся нам снизу мрамором) портики небольших дворцов, построенных по безупречным классическим канонам греческой архитектуры.

Даже солнце в этой долине казалось мне не просто солнцем, а солнцем той Греции, которая некогда жила в моих мечтах. Исчезла голубизна, затоплявшая плоскогорье, исчезло пурпурное одеяние горных кряжей. Здесь в долине господствовал чистый и яркий солнечный свет, слепящая белизна, заливавшая сухую суровую землю.

Это было именно то, что мы искали — место, за которым мы бессознательно охотились, наивно предполагая, что нас ожидает встреча с

человеком, предметом или просто какой-то идеей. Заканчивалась охота, которая велась нами вслепую. Хотя, разумеется, после всех наших треволнений мы могли найти в этой долине даже самого искомого человека, или, возможно, его могилу, или какой-то знак, свидетельствующий о том, что произошло с этим легендарным космическим путешественником.

Любуясь суровой красотой долины, я не испытывал ни малейшего сомнения, что тропа, по которой мы шли, имела единственную цель — привести нас или кого-то другого, решившегося на долгий и трудный путь, именно сюда.

Никто из нас не промолвил ни слова после того, как мы вышли из ущелья на этот древнегреческий солнцепек. Нам просто нечего было сказать. Сара продолжала идти впереди, а Свистун и я следовали за ней.

Мы дошли до пересечения с тропинкой, которая вела вверх к первому из расположенных высоко на скалистых утесах и нависших над речкой дворцов, и возле тропинки увидели указательный знак, с прикрепленной к нему табличкой и надписью на неизвестном нам языке.

Сара остановилась.

— Дощечка с именем? — спросила она.

Я кивнул. Это действительно мог быть указатель с именем существа, жившего во дворце на вершине скалы. Но даже если это была дощечка с именем, не было ни единого признака, что дворец обитаем. Точнее, не имелось вообще никаких признаков жизни.

Не было ничего, что нарушало бы безмятежное спокойствие долины. Никто не выглядывал из окон, заинтересованный нашим появлением. Над головой не летали птицы. Не раздавалось назойливого гудения и стрекотания насекомых. Из всего того, что мы видели и слышали, можно было заключить, что мы — единственные живые существа в долине.

— Предполагаю, — заявила Сара, — что этот знак — именная дощечка.

— Что ж, будем считать, что ты не ошиблась, — сказал я. — Тогда пойдем дальше и поищем ту, на которой будет написано Лоуренс Арлен Найт.

— Даже сейчас, — заметила Сара — ты относишься ко всему несерьезно. Ты ведь говорил, что мы никогда не найдем его. Ты утверждал, что он — лишь легенда; клялся и божился, что он умер…

— Не надо так на меня смотреть, — возразил я. — Я мог ошибаться. Хотя я не думаю, что оши-

бался, но сейчас об этом бесполезно спорить. Это была твоя затея…

— И ты был против с самого начала.

— Я не был против, — заметил я. — Я просто не принадлежал к ее безусловным сторонникам.

— Мы ведь уже прошли такой путь, — сказала Сара притворно жалобным тоном.

— Сара, — попросил я. — Тогда помоги мне разобраться, помоги мне понять. Пойдем дальше и посмотрим на указатели.

Мы тронулись, спускаясь в низины, карабкаясь по склонам. Дальше были другие дворцы и другие знаки, на каждом из которых были надписи, все на разных языках, выведенные разными алфавитами, если, конечно, некоторые из них можно было отнести к алфавитам, и ни одну из них мы так и не смогли прочитать.

Солнечный свет обрушивался на нас сверху, разбиваясь вдребезги о камни, дробясь и переливаясь в речной воде. Кроме шепота и бормотания горного потока ничто не нарушало тишины. Ничто не вторгалось в покой долины.

И тут мы увидели еще один знак с надписью, выведенной крупными печатными латинскими буквами:

Конечно же, все, что происходило с нами, было каким-то безумием. Безумием было пересечь всю галактику только ради того, чтобы найти одного-единственного человека — и действительно найти его. Безумием было найти человека, который должен был умереть десятки лет назад. Безумием было дойти до истоков легенды. Но тем не менее, табличка с именем Лоуренса Арлена Найта была реальностью.

И теперь, когда я в растерянности стоял перед ней, мне оставалось тешить себя последней надеждой, что это не жилище, а гробница; не дворец, а мавзолей.

— Сара, — позвал я, но она уже карабкалась вверх по тропинке, рыдая от счастья и облегчения, дав, наконец, волю чувствам после долгих дней поиска.

А на крыльце этого сияющего белоснежного здания появился человек — старый, но все еще крепкий, с седой бородой и седыми волосами, прямой спиной и уверенной походкой. Он был одет в белую тогу, и это не вызывало удивления. В подобной обстановке скорее любая другая одежда показалась бы неуместной.

— Сара! — закричал я.

Я и Свистун едва поспевали за ней. Она не слышала. Она просто не обращала на меня внимания.

И тут старик заговорил.

— Пришельцы! — провозгласил он, простирая вперед руку. — Мои соплеменники! Мог ли я мечтать, что мои глаза вновь увидят вас!

Звук его голоса окончательно рассеял все мои сомнения. Это был не мираж, не привидение, не призрак. Это был нормальный человек, гомо сапиенс, с низким густым голосом, полным искренней человеческой радости, вызванной встречей с подобными себе.

Сара протянула ему руки, и старик сжал их в своих ладонях.

Они стояли и смотрели друг другу в глаза.

— Как же это было давно, — сказал старик. — Очень давно. Путь по тропе долог и труден, и никто не знает о нем. А вы, как вам удалось узнать?

— Сэр, — воскликнула Сара, задыхаясь после восхождения, — ведь вы, вы — Лоуренс Арлен Найт?

— Да, конечно, — ответил старик. — Это я. А кого вы ожидали встретить?

— Ожидали встретить? — переспросила она. — Конечно же, вас. Но мы могли только надеяться.

— А эти добрые люди с вами?

— Капитан Майкл Росс, — представила меня Сара. — И Свистун, наш верный друг, которого мы встретили по пути сюда.

Найт поклонился Свистуну.

— Ваш покорный слуга, сэр, — сказал он.

Затем он протянул руку мне и сжал мою ладонь. Его рукопожатие было теплым и крепким. В этот момент (когда, наверное, нужно было замечать более существенные детали) я увидел, что его рука, несмотря на крепость рукопожатии, была бледной, морщинистой и покрытой старческими пятнами.

— Капитан Росс, — сказал он, — добро пожаловать. Здесь есть место для вас, для всех вас. И для этой молодой леди, простите, я не знаю вашего имени.

— Сара Фостер, — подсказала Сара.

— Подумать только, — сказал он, — я уже больше не буду одинок. Боже мой, как это удивительно — снова слышать звук человеческой речи, видеть лица людей. Как я об этом мечтал! Здесь есть много других разных существ, сильных характером и исключительной чувствительности, но общение

ни с одним из них не может заменить общения с подобными себе.

— Как давно вы здесь? — спросил я, стараясь прикинуть в уме, сколько же лет уже существует легенда об этом человеке.

— Когда человек проживает каждый день полноценно, — ответил он, — и заканчивает его с мыслью о дне грядущем, считать время бессмысленно. Каждый день, каждая минута становятся частью вечности. Я размышлял об этом и теперь не уверен, существует ли реально такое явление как время. Время в обыденном понимании — это абстрактная категория, грубый измерительный прибор, структурная форма, изобретенная некоторыми видами цивилизаций, причем отнюдь не всеми, а лишь теми, которые испытывают потребность поместить себя в то, что они называют пространственно-временными рамками. Время в глобальном смысле теряется в беспредельной вечности, и нет нужды доискиваться до начала или конца, так как ни того, ни другого просто никогда не существовало, и в нашей ситуации скрупулезное измерение таких смехотворно маленьких и ничтожных частей вечности представляет собой задачу, лишенную всякого смысла. Разумеется, я спешу добавить, что можно

отслаивать вечность…

Он продолжал и продолжал говорить, а я, стоя на ступенях под колоннами мраморного портика, озирал лежащую внизу долину и думал, свихнулся ли он от длительного одиночества, или он действительно был уверен в правильности того, в чем пытался нас убедить. Может быть, именно эта возникшая, как по волшебству, долина несла на себе отпечаток вечности. Думая об этом, я никак не мог представить, каким образом может человек знать, как должна выглядеть вечность, но, будь я неладен, в этом чудесном месте, залитом ослепительным солнечным светом, запросто могло родиться представление о постоянстве и неизменности.

— Но я, впрочем, перескакиваю с одного на другое, — продолжал рассуждать старик. — Вся беда в том, что я могу вам очень много рассказать, слишком много у меня накопилось. Конечно, неразумно пытаться выложить все сразу. Прошу прощения за то, что держу вас на пороге. Будьте любезны, проходите.

Мы прошли через открытую дверь и оказались в тихом помещении, воплощающем собой классическое изящество. В нем не было окон, но откуда-то сверху, из отверстий в крыше струился

мягкий солнечный свет; стулья и диван, вырезанные с бесподобным мастерством, письменный стол с небольшим деревянным ящиком и разбросанными по нему листами бумаги, элегантный чайный сервиз на маленьком столике в углу, удачно дополняли световой эффект.

— Пожалуйста, — пригласил он, — садитесь. Надеюсь, вы сможете уделить мне немного времени. (Ну вот, подумал я, а он еще говорил, что самого понятия времени не существует). — Господи, — поправил он себя, — как глупо с моей стороны говорить об этом, конечно же, у вас есть время. Вы держите в своих ладонях все время вселенной. Если вы пришли сюда, то вам уже некуда больше торопиться: лучшего места просто нет. Попав сюда, никто уже не хочет уйти, никогда не ощущает такой потребности.

Все это казалось слишком уж елейным и гладким и до ужаса напоминало хорошо разыгранный спектакль, хотя по-прежнему выглядело вполне правдоподобно: будто старый и живущий в одиночестве человек вдруг дал волю давно распиравшим его словам, когда к нему домой нежданно нагрянули желанные гости. Но подспудно, где-то в глубине моего сознания крылось тревожное подозрение в искусственности всего происхо-

дящего, причем недоверие вызывал не только старик, но и сама окружавшая нас обстановка.

— Здесь, разумеется, хватит места и вам, — продолжал говорить старик. — Здесь всегда найдутся уголки, ждущие своих хозяев. Очень редко кому-то удается добраться сюда, но зато здесь ему всегда находится место. Через день-два я покажу вам окрестности, и мы зайдем к остальным жителям долины. Это будут сугубо официальные визиты, так как мы здесь привыкли строго соблюдать формальности. Но уж после этого, что особенно приятно, отдав должное требованиям приличий, вы будете избавлены от необходимости совершать повторные визиты. Хотя некоторые из здешних обитателей могут показаться вам симпатичными, и вы будете испытывать потребность их время от времени навещать. Тут собралась элита — общество избранных, приглашенных со всех звезд галактики. Одних вы найдете любопытными, других назойливыми, и, я должен предупредить вас, многое из того, чем они занимаются, может вызвать у вас недоумение. Некоторые их привычки могут показаться вам неприятными и даже отвратительными. Впрочем, это не должно вас особенно беспокоить, так как каждый здесь имеет собственный угол,

как рак-отшельник — собственную раковину, и…

— Что же представляет собой это место? — перебила его Сара. — Как вы узнали о нем? Как вам…

— Что такое это место? — переспросил старик, приглушенно вздохнув.

— Да, что же это за место? Как вы его называете?

— Я никогда не размышлял над этим. Никогда не задумывался. Ни у кого не спрашивал.

— Вы хотите сказать, — спросил я, — что жили здесь все это время и никогда не удосужились задуматься, где находитесь?

Он посмотрел на меня с ужасом, словно я совершил неслыханное святотатство.

— Какой смысл в том, чтобы спрашивать об этом? — воскликнул он. — Какая нужда в пустых размышлениях? Неужели что-то изменится от того, будет иметь это место название или нет?

— Простите нас, — вмешалась Сара. — Мы здесь новички и не хотели вас обидеть.

Бесспорно, она поступила правильно, извинившись, но я, признаться, действительно хотел вывести его из равновесия и таким образом хоть как-то добиться от него логичных объяснений.

Если эта долина была безымянной, то я бы желал узнать (хотя, может быть, это мне ничего

бы и не дало), по какой причине она не имеет названия, и потом, мне казалось странным, почему старик никогда не интересовался, как она называется.

— Вы говорили, что дни здесь полноценны, — спросил я. — А чем же вы их конкретно заполняете? Как вы проводите время?

— Майк! — возмущенно воскликнула Сара.

— Я хочу знать, — настаивал я. — Просто знать, проводит ли он часы в праздных размышлениях или…

— Я пишу, — с достоинством ответил Лоуренс Арлен Найт.

— Сэр, — заволновалась Сара, — прошу прощения. Капитан, устраивая допрос с пристрастием, вы демонстрируете свои дурные манеры.

— Для меня нет дурных манер, — я огрызнулся. — Я неисправимый упрямец, который всегда добивается правды во что бы то ни стало. Мистер Найт утверждает, что любой пришедший сюда никогда уже не захочет уйти. Он говорит, что дни здесь наполнены смыслом. Если уж нас навечно притянет к этому месту, я бы хотел знать, чем я буду здесь заниматься…

— Каждый, — мягко перебил меня Найт, — делает то, что ему хочется. И делает только потому,

что ему так нравится. И у него нет других мотивов, кроме желания получить удовольствие от того, что он хорошо сделал задуманное, или от того, что просто занимается любимым делом. Он не испытывает материальной нужды, не зависит от общественного мнения. Он работает не за вознаграждение, деньги и не ради славы. Здесь чувствуешь всю суетность и ничтожность этих побуждений и остаешься верен только себе самому.

— И поэтому вы пишете?

— Да, пишу, — ответил Найт.

— А о чем вы пишете?

— О том, о чем мне хочется писать. Я излагаю мысли, которые приходят мне в голову. Я стараюсь выразить их как можно яснее. Я излагаю их, а потом заново переписываю. Шлифую их. Я ищу точные слова и фразы. Я пытаюсь передавать посредством слова накопленный мною жизненный опыт. Стремлюсь понять, что я такое и почему я такой, какой есть. Хочу развить…

— Это то, ради чего вы живете? — спросил я.

Он указал на деревянную шкатулку, стоящую на столике.

— Все, что мне необходимо — здесь, — ответил Найт. — Пусть это только начало. Намеченная

мною работа займет много времени, но я от нее никогда не устаю. Нужно сделать вдесятеро больше, чтобы завершить ее, если это вообще возможно. Хотя об этом глупо говорить, так как в моем распоряжении неограниченное время. Некоторые из здешних обитателей увлекаются живописью, другие сочиняют музыку, третьи ее исполняют. Некоторые занимаются вещами, о которых я раньше не имел никакого представления. Один из моих соседей — весьма оригинальное существо, если его можно так назвать, — играет в очень сложную игру с разными наборами фигур и шишек на доске, размещенной в трех измерениях. Иногда мне кажется, что даже в четырех и…

— Не надо! — закричала Сара. — Пожалуйста, прекратите. Не нужно все это нам объяснять.

Она пронзила меня презрительным взглядом.

— Меня это не обижает, — сказал Лоуренс Арлен Найт. — В действительности, мне это даже нравится. Я хочу столько всего рассказать вам, что ваше любопытство может меня только радовать. Мне вполне понятно, что для вас, только что пришедших сюда, все кажется удивительным и вызывает много вопросов. Сразу просто невозможно все переварить.

— Майк, — свистящим шепотом позвал меня

Свистун.

— Тихо, — прервала его Сара.

— Ведь это трудно, — продолжал говорить Найт, — очень трудно осознать, что здесь время неподвижно, и, если бы не смена дня и ночи, которая порождает обманчивую иллюзию его течения, было бы легко понять, что времени просто не существует. Надо привыкнуть к тому, что вчера — это то же, что сегодня, а завтра — это одно целое с вчерашним днем. Каждый окунается в бездонную пучину вечности, неподвластную переменам. Здесь можно выйти из-под тирании времени…

Свистун громко прогудел:

— Майк!

Сара поднялась, одновременно с ней встал я, и пока я поднимался, все на глазах переменилось — и комната, и человек.

Теперь я находился в лачуге с прогнившей крышей и грязным полом. Кругом стояли расшатанные стулья, а стол без одной ножки был прислонен краем к стене. На нем стоял деревянный ящик и лежала пачка бумаги.

— Это выше человеческого восприятия, — вещал Найт. — Это за пределами человеческого воображения. Иногда мне кажется, что в древние

времена кому-то каким-то непонятным образом удалось увидеть это место, уловить его суть, и тогда он назвал его Раем Небесным.

Найт был очень стар. Он был невыносимо старым и дряхлым — настоящий ходячий труп. Кожа обтягивала его скулы, обнажая желтые гнилые зубы. Через огромную прореху в его задубевшей от грязи одежде просвечивали ребра необычайно худого, как у изголодавшейся лошади, тела. Его руки были похожи на клешни. У него была нерасчесанная грязная и забрызганная слюной борода, а запавшие глаза источали рассеянный свет. Это были наполовину мертвые глаза, но все же не настолько старые, чтобы принадлежать такому древнему и иссохшему телу.

— Сара! — закричал я.

Я закричал, так как она стояла, словно завороженная, жадно внимая словам Найта, впитывая в себя все, что врала нам эта скрючившаяся в кресле неряшливая развалина.

Она набросилась на меня.

— Если ты скажешь еще хоть одно слово, Майк…

По выражению ее лица я догадался, что она все еще видит Найта в прежнем облике, что она не заметила происшедших с ним изменений и все

еще находится во власти чудодейственных чар, пленником которых только что был я сам.

Я сделал все быстро, почти автоматически. Я ударил ее кулаком в подбородок сильно и безжалостно, и тут же поймал ее, не дав ей осесть на пол. Перекинув ее бесчувственное тело через плечо, я заметил, что Найт тщетно пытается встать с кресла, и даже при этом его рот не перестает двигаться, а речь продолжает безостановочно литься.

— Что случилось, мой друг? — спросил он. — Разве я допустил какую-нибудь бестактность, обидел вас? Иногда бывает так непросто понять чужие вкусы и угодить другому человеку. Достаточно одного неловкого поступка, одного неосторожного слова…

Я повернулся, чтобы уйти, и тут заметил деревянный ящик на столе и, не задумываясь, взял его.

Свистун с мольбой уговаривал меня:

— Майк, не задерживайся, пожалуйста, обойдись без церемоний. Уходи как можно быстрее.

И мы ушли, не задерживаясь.

20

Мы пробежали весь путь назад без оглядки. Я обернулся лишь однажды, когда мы уже дошли до края долины и готовы были нырнуть в теснину зажатого между отвесными скалами каньона, ведущего к воротам.

Сара пришла в себя и с криком неистово колотила меня руками и ногами по чему попало, но я крепко держал ее, прижимая одной рукой к плечу. В другой руке я тащил деревянный ящик, который взял со стола Найта.

Так же бегом мы выскочили из каньона. Роско и Пэйнт стояли на том же месте, где мы их оставили. На месте была и винтовка Сары, а рядом с ней лежали мои щит и меч.

Я сбросил Сару на землю, не особенно церемонясь. Признаться, ее тумаки мне уже порядком надоели, и, разумеется, в этот момент я был настроен по отношению к ней не особенно доброжелательно — так что с удовольствием избавился от столь неспокойной ноши.

Она шлепнулась на мягкое место и так и осталась сидеть с красным от ярости лицом и горя-

щими от гнева глазами. Ее рот раскрывался, как у выброшенной на берег рыбы, но негодование настолько переполняло ее, что с губ слетало лишь одно слово: «Ты — ты — ты…» Вероятно, впервые в ее благополучной и безбедной жизни Саре пришлось испытать такое унижение и столкнуться с такой грубостью по отношению к себе.

Я стоял, глядя на нее сверху вниз, стараясь восстановить дыхание после сумасшедшей гонки по долине и каньону. Я шумно втягивал в себя воздух, чувствуя неприятную дрожь в коленях. Моя спина и живот болели в местах, по которым Сара особенно безжалостно молотила, но это меня не беспокоило. Я думал только об одном — о том, что увидел, бросив последний взгляд на долину.

— Ты ударил меня! — наконец провизжала Сара.

Прокричав это, она замолчала, видимо, ожидая ответа. Но его не последовало. У меня не было ни слов, ни дыхания, чтобы как-то отреагировать. Интересно только, что она рассчитывала услышать. Наверное, она думала, что я стану оправдываться, и тогда она сможет обозвать меня не только хулиганом, но и лгуном.

— Ты ударил меня! — снова выкрикнула она.

— Черт тебя подери, кто бы спорил! — прокри-

чал я в ответ. — Ты же ведь ни черта не видела. Ты бы стала сопротивляться, и мне ничего не оставалось, как ударить тебя.

Она поднялась на ноги и набросилась на меня с кулаками.

— Мы нашли Лоуренса Арлена Найта! — вопила Сара. — Мы нашли чудесное сказочное место! После всех наших мытарств мы наконец нашли то, что хотели, и вот…

И тут в разговор вмешался Свистун.

— Благородная леди, — сказал он, — во всем случившемся виноват только я. Уловил реальность органами чувств своего третьего я и настроил Майка увидеть это. Не хватило сил на двоих. Пришлось выбирать. Настроил только Майка…

Теперь наступила очередь расплачиваться Свистуну.

— Ах ты, паршивая тварь! — заорала Сара и ударила беднягу ногой. Удар пришелся по бочкообразному туловищу и перевернул Свистуна вверх тормашками. Он лежал на спине, беспомощно перебирая крошечными конечностями, которые работали, как поршни двигателя, и отчаянно пытался вернуться в нормальное положение.

Сара уже стояла на коленях подле него.

— Свистунчик, бедненький, — причитала она. — Прости меня, пожалуйста. Я очень огорчена, честное слово. Мне очень больно и стыдно, поверь мне.

Она поставила его на ноги и, повернув лицо ко мне, сказала:

— Майк! Боже мой, Майк! Что же с нами такое происходит?

— Наваждение, — произнес я. — Думаю, что это единственно верное определение случившегося с нами. Мы стали жертвами наваждения.

— Добрейшая леди, — прогудел Свистун, — не испытываю ни малейшей обиды, вполне понимаю, что рефлекс вашей ноги был закономерным.

— Встань, — задолдонил Роско, — дрянь, рвань, пьянь…

— Заткнись, — грубо оборвал его Пэйнт. — Ты нас всех сведешь с ума своей белибердой.

— Все, что мы видели, было лишь иллюзией, — сказал я Саре. — Не было никаких мраморных дворцов — одни лишь грязные лачуги. И речка, вовсе не была так чиста и стремительна, как нам казалось, — это была замусоренная застойная лужа. И потом еще этот ужасный запах: от этой грязной помойной канавы так несло, что у ме-

ня перехватило дыхание. А этот Лоуренс Арлен Найт, если это действительно был он, оказался ходячим трупом, неизвестно с помощью какой черной магии удерживаемый в этой жизни.

— Здесь нам места нет, — прогундосил Свистун.

— Мы оказались нарушителями границы, вторглись в запретную зону, — сказал я. — Теперь для нас закрыта дорога в космос, так как никто не должен узнать о существовании этой планеты. Мы оказались в западне, гигантской мышеловке. Когда мы приблизились к планете, нас заманили сигналом приводного маяка. Мы увязались в погоню за легендой и оказались ее пленниками, угодив еще в одну ловушку — мышеловку в мышеловке.

— Но ведь Лоуренс Арлен Найт тем и занимался, что искал мифы в галактике.

— И тем же занялись мы, — заметил я. — То же делали люди, чьи кости мы видели рассыпанными по ущелью. Некоторые хищные насекомые используют определенные запахи и ароматы для приманки добычи. И эти запахи способны распространяться очень далеко. Случается, что их заносит ветром на невероятно большие расстояния в самые укромные уголки. В нашем случае

запахами и ароматами послужили легенды и мифы.

— Но ведь этот человек в долине, — возмутилась Сара, — был так счастлив и доволен, полон жизни и творческих планов. Каждый его день проходил полноценно, в плодотворном труде. Будь это Найт или кто-либо другой, но он достиг того, к чему стремился.

— Как ты думаешь, что проще, — спросил я, — задержать живое существо там, где ты хочешь, или сделать его счастливым там, куда оно попадет?

— Ты уверен в этом? — спросила Сара. — Ты действительно убежден, что видел именно то, о чем рассказал мне? Может быть, Свистун обвел тебя вокруг пальца.

— Вовсе и не думал никого дурить, — с обидой прогудел Свистун. — Помог Майку увидеть все как есть.

— Но, в конце концов, не все ли равно! — воскликнула она. — Ведь он счастлив. У него есть цель. Если жизнь наполнена смыслом и никакое время не может лишить ее этого смысла, так как нет самого времени…

— Этим ты хочешь сказать, что мы должны остаться?

Она кивнула.

— Он сказал, что там найдется место и для нас. Что там всегда найдется место. Мы могли бы поселиться в долине. Мы могли бы…

— Сара, — оборвал я ее, — неужели ты действительно этого хочешь? Поселиться в стране воображаемого, поддельного счастья и никогда не возвратиться на Землю?

Она было нашлась, что ответить, но потом вдруг заколебалась.

— Черт возьми, ведь ты понимаешь, что все это чепуха! — сказал я. — На Земле ты имела прекрасный дом с самыми экзотическими охотничьими трофеями — целую коллекцию шкур и чучел. Славу великой амазонки галактики. Покорительницы самых зловещих чудовищ. На Земле ты была знаменита, вокруг тебя существовал романтический ореол. Но постепенно он стал исчезать. Людям наскучили твои подвиги, их больше не интересовали твои приключения. И тогда, чтобы восстановить пошатнувшийся авторитет, ты решила сыграть в иную игру…

Она стремительно подошла ко мне, и ее рука, изящно изогнувшись, резко хлестнула меня по щеке.

Я улыбнулся.

— Ну вот, теперь мы квиты, — сказал я.

21

Мы повернули назад и пошли по той же тропе, которая привела нас в долину, по огромному, отливающему голубизной нагорью, ограниченному стеной вздымающихся, но теперь уже за нашими спинами, гор.

Я предполагал, что Сара будет противиться возвращению, и не был уверен, что она поверила моему рассказу. Да и почему она должна была поверить? Единственной гарантией его правдивости было мое честное слово, и оставалось только гадать, насколько она ему доверяет. Ведь она не видела того, что открылось мне. И для нее долина продолжала оставаться изумительным райским уголком, наполненным музыкой сбегающего с гор бурного потока и залитым морем ослепительно яркого солнечного света. Волны этого моря омывали мрамор античных дворцов, венчающих вершины живописных утесов. Тем более, я был уверен, что, если она решится возвратиться в долину, все это предстанет перед ее глазами в прежнем волшебном обличье. Ведь она все еще находилась во власти тех же чар.

У нас не было четкого плана. Наш поход не имел конкретной цели. Разумеется, задача достигнуть пустыни, которую мы пересекли на пути сюда, не могла считаться целью. Нас не привлекала и перспектива снова очутиться в белом городе. Не знаю, что думали об этом Свистун и Сара, но для себя я решил, что необходимо уйти на достаточное расстояние от входа в долину и держаться на приличной дистанции от этой каменной арки.

Я не замечал ни голубизны нагорья, ни мшистых холмов, ни зарослей, источающих сладковатый аромат кустарников, ни мелодичного перезвона прохладных ручейков, и даже гигантские башни уходящих за облака деревьев ускользали от моего взора.

Если бы кому-то пришло в голову докопаться до причин, почему эта планета непременно должна была быть недоступной или превратиться в таковую, то, по моим наблюдениям, ему нужно было начинать поиск истины с этих громадных деревьев. Так как совершенно очевидно, что огромный сад был делом рук чужой, пришлой цивилизации. Деревья, выросшие в естественных условиях, не будут располагаться сами по себе в шахматном порядке. Со временем к их присутствию можно было привыкнуть, но эта привычка,

в чем я был абсолютно уверен, приходила в результате того, что разум, устав от бесплодных размышлений, оставлял их в покое, переставая задумываться об их происхождении. Чтобы не сойти с ума, человек должен был отказаться от опасного искушения разгадать эту головоломку.

В эту ночь, сидя вокруг костра, мы попытались определить наши перспективы.

Похоже, у нас не было надежды пробраться на корабль, запечатанный на космодроме в центре города. По крайней мере, две дюжины других кораблей находились в аналогичном положении, и за те годы, которые они стояли на космодроме, прилетевшие на них существа, несомненно, прилагали все усилия, чтобы проникнуть в них, но было ясно, что никому из них это не удалось.

И потом, что же случилось с другими людьми, другими разумными существами, прилетевшими в этих кораблях? Мы уже знали, что произошло с людьми, чьи скелеты мы обнаружили в ущелье. Также можно было предположить, что кентавры являются деградировавшими потомками некогда высокоцивилизованных пришельцев с другой планеты, прибывших сюда столетия назад. Эта планета была достаточно велика, ее полезная, пригодная для проживания площадь значитель-

но превышала земную, и кругом было достаточно места для расселения целых орд заблудившихся путешественников. Некоторые из них могли поселиться в городе, хотя это казалось нам довольно сомнительным из-за убийственной вибрации, потрясавшей город при каждом приземлении очередного космического корабля. Нельзя было исключить и другую гипотезу, согласно которой все прибывшие на планету экспедиции состояли только из существ мужского пола, что лишало пришельцев возможности оставить потомство. Отрезанные от своих цивилизаций, они были обречены на элементарное вымирание.

— Есть еще один вариант, — заметила Сара. — Некоторые из них могли поселиться в долине. Ведь Найту же удалось в ней поселиться. То же самое, возможно, сделали и другие, причем многие из них.

Я кивнул, соглашаясь с ней. Это была последняя ловушка. Если пришелец не погибал по пути к долине, он становился ее пленником. Однажды очутившись в ней, он уже не мог из нее выбраться. Это была идеальная западня, которую никто не хотел покидать по собственной воле. Хотя, совсем не обязательно, что все дошедшие до нее существа стремились попасть в нее по той же

причине, что и Лоуренс Арлен Найт, и искали то же, что он или мы.

— Ты действительно убежден, — спросила Сара, — что видел все, о чем рассказывал мне?

— Честное слово, я уже не знаю, как мне заставить тебя поверить, — ответил я. — Неужели ты полагаешь, я все это придумал? Придумал специально, чтобы испортить тебе жизнь? Или ты считаешь, что я не способен чувствовать себя счастливым? Конечно, такой отпетый скептик и дегенерат, как я, чересчур толстокож, чтобы испытывать истинную радость, на которую способна ты, но после такого изнурительного пути и меня должно было пронять…

— Да, конечно, — перебила меня Сара, — у тебя не было причин врать мне. Но почему все это видел ты один? Почему не я? Ведь я ничего такого не наблюдала.

— Свистун тебе уже все объяснил, — вскипел я. — Он мог заставить прозреть только одного из нас. И он открыл глаза только мне.

— Одна из частей моего существа принадлежит Майку, — сказал Свистун. — Одалживали друг другу свои жизни. Есть незримая связь между нами. Его разум всегда со мной. Мы — почти что одно целое.

— Одно, — торжественно забубнил Роско, — давно, равно, темно…

— Прекрати квакать, — отозвался Пэйнт. — Что за бессмыслица?

— Мысль с лица, — невозмутимо ответил Роско.

— Самый умный из нас, — прогудел Свистун, — пытается нас чему-то научить.

— У него просто переплелись все извилины в мозгу, — сказал я, — вот и вся разгадка. Эти кентавры…

— Нет, Майк, — возразил Свистун, — он пытается найти с нами взаимопонимание.

Я повернулся и пристально посмотрел на Роско. Он стоял гордо и прямо, пламя костра замысловато отражалось от зеркальных граней его металлического корпуса. Я припомнил, что еще в пустыне, когда мы упорно пытались от него чего-нибудь добиться и задавали бесчисленные вопросы, он указал нам, что нужно двигаться на север. Неужели он действительно что-то соображал? Найди он способ сформулировать свою мысль… Было ли у него что-то в голове, чтобы поделиться с нами?

— Ты не можешь помочь, — обратился я к Свистуну, — заглянуть вовнутрь и узнать, что он

хочет сказать?

— Это выше моих сил, — вздохнул Свистун.

— Неужели до тебя не доходит, — раздраженно сказала мне Сара, — что все наши попытки найти выход из этого тупика обречены на неудачу? Мы не можем возвратиться на Землю или улететь куда-либо еще. Мы останемся на этой планете навсегда.

— Есть одно средство, к которому мы можем прибегнуть, — заявил я.

— Я знаю, что ты имеешь в виду, — сказала Сара. — Я тоже об этом думала. Другие миры. Вроде мира сплошных песчаных дюн и барханов. И ты думаешь, таких миров сотни…

— И не исключено, что один из этих сотен подойдет и нам.

Она покачала головой.

— Ты недооцениваешь людей, построивших город и посадивших деревья. Они знали, что делали. Каждый из этих миров будет таким же изолированным, как и этот. Все они были задуманы с определенной целью…

— Тебе никогда не приходило в голову, что один из них является родиной тех, что построили город?

— Нет, не приходило, — сказала она. — Но разве

это что-нибудь меняет? Они раздавят тебя, как букашку.

— Тогда что же нам делать?

— Я могу возвратиться в долину, — сказала Сара. — Ведь я не видела того, что открылось тебе. Могу и не увидеть.

— Ну, ты молодец, — воскликнул я. — И там ты будешь жить так, как мечтала.

— А, собственно, какая разница? — заметила Сара. — Я еще не знаю, что за жизнь ждет меня там. Может быть, вполне, реальная. Почему она должна в корне отличаться от того существования, которое мы влачим здесь? Откуда нам знать, лучше там или хуже? Чем ты можешь доказать реальность происходящего?

Конечно, на ее каверзный вопрос был такой же каверзный ответ. Еще никем не был придуман способ, чтобы доказать реальность самой реальности. Лоуренс Арлен Найт добровольно принял вымышленную жизнь, смирился с нереальностью долины, жил в мире иллюзий, конструируя в своем воображении идеальную жизнь и приближая ее к реальности в меру своих сил и способностей. Но Найту было легко пойти на это, так же, вероятно, как и другим обитателям долины, близким ему по складу ума, поскольку

им было решительно все равно, в реальном или вымышленном мире они живут, на это им было наплевать.

Я размышлял, какие, наверное, фантастические побуждения приписал нам Найт, чтобы объяснить себе причины нашего стремительного бегства. Естественно, он старался придать нашему поступку такой смысл, который ни на йоту не возмутит его спокойствия, не внесет ни малейшего диссонанса в гармонию его вымышленной жизни.

— Ну, ладно, Бог с тобой, — промолвил я, смирившись с бесполезностью своих доводов. — Но я не смогу вернуться.

Мы сидели молча у костра, высказав все, что думали, исчерпав все контраргументы. Ее нельзя было переспорить. Она не могла разобраться даже в собственных мыслях. Оставалось надеяться, что утром ее здравый смысл возьмет верх и мы найдем общий язык. Мы пойдем своим путем, но куда он нас приведет?

— Майк, — наконец произнесла она.

— Да, что такое?

— Если бы мы остались на Земле, наверное, у нас все вышло бы хорошо. Мы очень подходим друг другу. Мы смогли бы поладить.

Я жестко посмотрел на нее. На ее лице играли блики огня, и его выражение показалось мне неожиданно мягким.

— Забудь о том, что ты сказала, — зло отрубил я. — Я установил для себя правило никогда не заводить шашни с нанимателем.

Я ожидал, что она вскипит, но этого не произошло. Она проглотила мои слова, не моргнув глазом.

— Ты же ведь понимаешь, что я имела в виду совсем другое, — сказала она. — Ты знаешь, о чем я говорила. Все испортила эта проклятая экспедиция. Мы слишком много узнали друг о друге, слишком много, чтобы не возненавидеть. Ты уж прости меня, Майк.

— А ты меня, — ответил я.

Утром она ушла.

22

Я накинулся на Свистуна.

— Ты же ведь не спал. Ты видел, как она уходила. Ты мог разбудить меня!

— Зачем? — спросил он. — Какой в этом смысл? Все равно не смог бы ее остановить.

— Я бы выколотил дурь из ее упрямой головы, — негодовал я.

— Все равно это бы ее не остановило, — настаивал Свистун. — Шла за своей судьбой. Ничья судьба не может стать судьбой другого. Не потерпит никакого насильственного вмешательства. У Джорджа — своя судьба. У Тэкка — своя. У Сары тоже своя судьба. Моя судьба принадлежит только мне.

— К черту судьбу! — заорал я. — Посмотри, до чего она их всех довела. Джордж и Тэкк испарились, а теперь Сара. Я должен пойти и вытащить ее оттуда…

— Не надо вытаскивать, — протрубил Свистун, распухая от негодования. — Нельзя этого делать. Пошевели мозгами! Не лезь не в свое дело.

— Но она же чихать хотела на нас!

— Ничего подобного, — упрямо гудел Свистун. — Сказала мне, куда собирается идти. Взяла с собой Пэйнта, чтобы доехать до места, а потом отошлет его обратно. Оставила винтовку и боеприпасы. Сказала, что они могут нам пригодиться. Потом объяснила, что у нее не хватит духу проститься с тобой. Плакала, когда уходила.

— Она просто дезертировала, — отрезал я.

— И Джордж сбежал, и Тэкк?

— Тэкк и Джордж не в счет.

— Мой друг, — сказал Свистун, — мой друг, честное слово, я тебе очень сочувствую.

— Оставь эти слюнявые сантименты при себе, — прорычал я. — Не то я пошлю тебя к чертовой матери.

— А это очень плохо? — спросил он.

— Да, очень.

— Ничего, потерплю, — ответил он.

— Что ты будешь терпеть? — кричал я. — Терпеть, пока возвратится Сара? Да тебе на это наплевать. Все, хватит, я иду за ней…

— Дело не в Саре, дело во мне. Надеялся, что могу подождать, но уже слишком поздно и ждать больше нельзя.

— Свистун, перестань нести околесицу. О чем ты говоришь?

— Должен уйти от тебя сейчас, — объяснил Свистун. — Больше не могу оставаться. Слишком долго был в своей второй сущности и должен переходить в третью.

— Послушай, — сказал я, — ты ведь без устали говоришь о своих многочисленных сущностях еще со времени нашей первой встречи.

— Должен пройти три фазы, — торжественно заявил Свистун, — сначала первую, потом вторую, а затем третью.

— Постой-ка, вот оно что, — догадался я, — ты трансформируешься, как бабочка. От гусеницы к кокону, а затем уже превращаешься в бабочку…

— Ничего не знаю ни о каких бабочках.

— Но за свою жизнь ты ведь успеваешь побывать в трех состояниях?

— Вторая стадия должна была продолжаться несколько дольше, — с грустью промолвил Свистун, — если бы мне не пришлось на время перейти в свою третью сущность, чтобы ты смог разглядеть, что же в действительности представляет собой этот ваш Лоуренс Найт.

— Свистун, — сказал я, — мне очень жаль.

— Не стоит огорчаться, — ответил Свистун. — Третья сущность — это прекрасно. Она желанна. Великое счастье предвкушать ее наступление.

— Ну ладно, черт с тобой, — сказал я, — если так надо, то переходи в свое третье состояние. Я не обижаюсь.

— Мое третье я — за пределами этого мира, — прогудел Свистун. — Это не здесь. Это — вовне. Не знаю, как объяснить. Очень грустно, Майк. Жалко себя, жалко тебя. Очень жаль, что мы расстаемся. Ты дал мне свою жизнь, а я дал тебе свою жизнь. Мы прошли вместе по трудному пути. Нам не нужно было слов, чтобы разговаривать. Охотно бы разделил свою третью жизнь с тобой, но это невозможно.

Я сделал шаг вперед и встал на колени. Мои руки потянулись к нему, а его короткие щупальца обвили их и сомкнулись в крепком пожатии. И в этот момент, когда мои руки и его конечности сомкнулись, я знал, что рядом друг. На какое-то время я словно погрузился в бездну его существа, а в моем сознании замелькали мириады его мыслей, воспоминаний, надежд, зазвенели мелодии его мечтаний, открылись тайны его души, цель его жизни (хотя я не уверен, что действительно ее уловил), передо мной раскрылась невероятная, потрясающая и почти не поддающаяся постижению структура общества, в котором он жил; проявилась затейливая радужная гамма

фантастических нравов этого общества. В мой разум ворвался стремительный поток, наводнивший его бурлящим морем информации и чувств — яростью, счастьем и восторгом.

Все это длилось лишь один миг, и вдруг все пропало — и крепкое рукопожатие, и сам Свистун, только я продолжал стоять на коленях с протянутыми вперед руками. Голову болезненно сжимало леденящим обручем, и я почувствовал, как по лбу скатилась капля холодного пота; никогда, сколько я себя помню, не был я так близок к небытию — но все же остался по эту черту жизни и сохранил человеческий облик. Я чувствовал свое существование каждой клеточкой тела, гораздо острее и глубже, чем когда-либо раньше, я впервые отчетливо осознавал свою неповторимую человеческую сущность. Но теперь я почему-то не мог вспомнить, где я был и что я видел, так как за короткий миг этого духовного сеанса связи я успел побывать в неисчислимом количестве мест. Мне не удавалось воскресить в памяти хоть одно из них — я не успевал осмыслить того, что стало доступным моим органам чувств. В этот миг я как будто воспарил над неизведанным миром, а мой разум выполнял роль наблюдателя, мгновенно впитывая в себя новые,

доселе недоступные впечатления, которые не мог сразу переварить.

Я не знаю, как долго длился этот сеанс, может быть, какую-то долю секунды, хотя мне показалось, что гораздо дольше, — а затем неожиданно, словно ощутив резкий удар, который испытывает парашютист во время раскрытия парашюта после затяжного прыжка, — я вдруг очнулся и пришел в себя: перед моими глазами вновь была небесная голубизна и фигура сумасшедшего робота, застывшего по стойке «смирно» возле потухшего костра.

Я с трудом встал на ноги и огляделся, пытаясь восстановить в памяти картины и явления, только что заполнявшие мое сознание, но тщетно: все открывшееся мне, вплоть до самой ничтожной детали, было начисто стерто возвратной волной реального мира, вытеснено моим человеческим я. Так приливная волна вмиг слизывает замысловатый рисунок на песке. Но я понимал, что открывшееся мне не ушло, я ощущал его присутствие под плотным покровом вернувшегося ко мне человеческого сознания.

Оглушенный, я стоял, размышляя, была ли эта потеря памяти защитной реакцией организма, блокировавшего переданную Свистуном

информацию, чтобы предохранить меня от умопомешательства. И еще я гадал о том, какие тайны канули в глубины моего подсознания, — видит Бог, я был уверен, что в них нет ничего опасного и ничего, что мне запрещалось знать.

Я склонился над костром, присев на корточки. Разворошив золу палкой, я наконец добрался до тлеющих в глубине углей. Аккуратно положив на них сухие щепки, я дождался, когда над костром снова, вздрагивая на ветру, заструилась бледная лента дыма, и на дровах заплясал веселый язычок пламени.

Сжавшись в комок, я молча сидел, глядел на огонь и подбрасывал в костер щепки — медленно возвращал его к жизни. В моих силах вернуть жизнь костру, подумал я, но в остальном я бессилен. Прошедшая ночь унесла с собой всех, кроме меня и неуклюжего робота. Все пришло к логическому концу. Из пяти разумных существ — четырех людей и одного инопланетянина остался один, им оказался я. Я уже был близок к тому, чтобы распустить нюни и пожалеть себя, но быстро преодолел минутную слабость. Черт побери, ведь бывал же я и до этого в переделках. И в одиночестве мне не впервые оставаться, если уж по правде сказать, то почти всегда я и был

один. Так что в этом для меня нет ничего нового. Джордж и Тэкк сгинули, и я о них не плакал, они просто не заслуживали ни единой слезы. Свистун ушел, вот уж действительно о ком стоит пожалеть, хотя в этой истории скорее пожалеть следует меня, так как он трансформировался, приняв более совершенную форму, перешел на новый высший уровень развития. Единственная родственная душа, человек по-настоящему дорогой мне — Сара, ну что ж, она, как и Свистун, ушла в свой мир, о котором всегда мечтала.

Особенно убивала меня догадка, что Джордж и Тэкк тоже где-то нашли то, чего искали, свой идеал. Для всех нашлось место — для всех, кроме меня.

Но что же все-таки будет с Сарой, спрашивал я себя. Конечно, можно пойти в долину и выгнать ее оттуда пинками. Или можно переждать, пока она одумается, обретет чувство реальности и вернется сама (что, по моему убеждению, было совершенно невозможно, так как добровольно она никогда не вернется). Или можно, не мудрствуя лукаво, послать все к черту и пойти назад, взяв курс на город.

Споря сам с собой, я пытался убедить себя, что, избрав последний вариант, я поступлю

правильно и не буду впоследствии испытывать угрызений совести. Конечно, я мог плюнуть и снять с себя всякую ответственность. Ведь я выполнил все условия контракта. И, что говорить, результат получился гораздо более впечатляющим, чем я мог представить, и превосходил мои самые оптимистические прогнозы. В конечном итоге, вся наша авантюра обернулась даже не погоней за мифической жар-птицей: Лоуренс Арлен Найт оказался реальным живым человеком, а не призраком; реальным оказался и изображенный в его романах галактический рай. Все оказались правы — неправ был только я один. Я ошибался и, вероятно, поэтому мне и приходится теперь сидеть у разбитого корыта, в одиночестве, не зная, куда податься и чего искать.

Послышалось звяканье металла и, подняв голову, я с удивлением обнаружил, что Роско пристраивается поближе ко мне, словно желая разделить мое одиночество и составить мне компанию, заменив ушедших товарищей.

Устроившись поудобнее рядом с костром, Роско вытянул руку и тщательно выровнял ладонью на земле небольшую площадку. Посреди площадки оказался небольшой пучок оплавленной жаром костра травы. Роско аккуратно выщипал его

пальцами, а затем снова выровнял поверхность, представлявшую собой смесь пыли и пепла.

Я завороженно наблюдал за ним, гадая, какой фортель он на этот раз выкинет. Задавать вопросы было бессмысленно: разравнивая землю, Роско продолжал нашептывать себе под нос несвязную тарабарщину.

Указательным пальцем он осторожно прочертил в пыли угловатую линию, а затем добавил к ней несколько непонятных значков. Возможно, он рисовал и не такую уж чепуху, но разобраться в ней было трудно. Приглядевшись, я стал догадываться, что он пишет какую-то математическую или химическую формулу. Ее смысл казался совершенно неуловимым, но часть символов мне была знакома по статьям из научных журналов, которые я иногда просматривал на досуге.

Наконец я не вытерпел и заорал на него:

— Черт возьми, что это значит?

— Это, — отозвался он, — лето, где-то, вето, нетто, спето.

И вдруг он заговорил уже не в рифму. Но все равно, как мне показалось, без малейшего проблеска связной мысли.

— Функция валентных волновых связей идентична функциям, производимым ассиметрич-

ными пространственными волнами; функции симметричных временных волн — функциям временных промежутков равно ассиметричных и симметричных волновых функций…

— Да помолчи хоть минутку, будь ты неладен, — рявкнул я на него. — Что, черт возьми, происходит, то ты квакаешь, как лягушка, то вдруг читаешь лекции, как проф…

— Проф, — сияя от счастья, радостно задолдонил Роско, — кров, плов, клев…

И снова он начал выводить знаки в пыли. Он писал уверенно, не испытывая даже секундного замешательства, будто достоверно знал, что он делает и что все эти формулы обозначают. Он полностью заполнил знаками выровненный им участок, тщательно стер написанное, вторично выровняв площадку, и снова продолжил писать с тем же усердием.

Затаив дыхание, я следил за его движениями, сетуя, что не могу ничего понять. Все же, несмотря на кажущуюся комичность его поведения, я догадывался: за его усилиями стоит что-то действительно важное.

И вдруг он застыл, его палец уткнулся в песок, больше не выводя знаков.

— Пэйнт, — промолвил он.

Я уже ожидал услышать привычный набор соответствующих рифм, но, к моему удивлению, его не последовало.

— Пэйнт, — повторил Роско.

Я вскочил на ноги, и Роско, поднявшись, встал рядом со мной.

Пэйнт резво сбегал вниз по тропе, выделывая на ходу грациозные па. Он был один, без Сары. Покачиваясь на полозьях, он остановился перед нами.

— Босс, — заявил Пэйнт, — докладываю о возвращении и готовности к исполнению новых приказов. Хозяйка велела мне поторопиться. Она велела попрощаться с вами от своего имени и еще передать, чтобы Господь хранил и благословил вас. Смысл сего высказывания не доступен моему скудному уму. Она также сказала, что надеется на ваше благополучное возвращение на Землю. Простите за глупый вопрос, сэр, но мне не понятно, что такое Земля?

— Земля — это родная планета нашей с Сарой расы, — ответил я.

— Прошу вас, досточтимый сэр, не окажете ли вы мне честь взять с собой на Землю меня.

Я недоуменно покачал головой.

— Что тебе нужно на Земле?

— Мне нужны вы, сэр, — торжественно заявил Пэйнт. — Человек, способный на сострадание. Вы не бросили меня в минуту опасности. Вы пришли на страшное место и не позволили себе поддаться испугу. Вы оказались настолько любезны, что вызволили меня из досадной и позорной западни, в которой я оказался. Теперь ничто меня не заставит добровольно расстаться с вами.

— Спасибо за лестную оценку, Пэйнт, — поблагодарил я.

— Тогда, если вы позволите, я буду сопровождать вас на всем пути к Земле.

— Нет, этого я позволить не могу.

— Но вы же ведь говорили, благородный сэр…

— У меня на тебя другие планы.

— Я с готовностью выполню любые ваши пожелания, чтобы отблагодарить за мое спасение, но, добрый человек, мне так хочется полететь на Землю с вами.

— Ты должен вернуться назад, — твердо сказал я, — и дождаться Сару.

— Но ведь она ясно сказала: прощайте. Она сказала то, что думала.

— Ты будешь ее ждать, — отрезал я. — Я не хочу, чтобы она вернулась из долины и не нашла никого, кто бы помог ей на обратном пути.

— Неужели вы думаете, что она вернется?

— Не знаю.

— Но я все равно должен ее ждать?

— Совершенно верно, — сказал я.

— Вот я буду ждать, — захныкал Пэйнт. — Вы улетите на Землю. А я все буду ждать и ждать ее. Может быть, ждать вечно. Если вам, добрейшему из живых существ, так хочется, чтобы она вернулась, почему бы не пойти в долину и не попробовать ее уговорить...

— Да не могу я этого сделать, — взорвался я. — Какой бы дурой она ни была, она тоже должна воспользоваться своим шансом. Как Джордж и Тэкк.

Я сам был удивлен больше всех, что набрался смелости такое сказать. Необходимо было решение. Требовалось принять решение. И вот, наконец, оно пришло — без размышлений, без колебаний, — это был выход, продиктованный не логикой, а пришедший по наитию. Словно не я, а кто-то другой, наперекор моей воле принял это решение за меня. Может быть, это сделал Свистун. Подумав о нем, я сразу вспомнил, как он настойчиво уговаривал меня не вмешиваться, умолял не холить в долину, чтобы вызволить оттуда Сару, когда я заявил о своем намерении.

Обескураженный этим, я размышлял: сколько же от себя оставил во мне Свистун перед исчезновением. Я снова попытался восстановить в памяти то, что со мной происходило, когда мои руки были сомкнуты с его щупальцами, но так и не смог вспомнить: мои впечатления были погребены в бездне подсознания, в глубинах, недоступных человеческой воле.

— В таком случае я возвращаюсь, — вздохнул Пэйнт, — преисполненный грусти, но покорный. Хоть здесь и не Земля, но все же и не ужасное ущелье.

Он уже развернулся, чтобы уйти, но я остановил его. Я взял винтовку и патронташ и привязал их к седлу.

— Оружие она оставила вам, — запротестовал Пэйнт. — Ей оно не нужно.

— Если она вернется, оружие ей пригодится, — ответил я.

— Она никогда не вернется, — объявил Пэйнт. — И вы знаете, что она не вернется. Ее глаза так сверкали, когда она проходила через ворота.

Мне нечего было ему сказать. Я молча стоял и наблюдал, как он развернулся и неторопливо зарысил по тропе, стараясь не забегать слишком далеко, чтобы услышать, если я позову его назад,

вдруг передумав.

Но я не передумал.

23

Этим вечером, устроившись у костра, я вскрыл шкатулку, которую прихватил со стола в халупе Найта.

Я шел весь день, и каждый мой шаг сопровождало неприятное чувство чьего-то присутствия, причем этот некто уговаривал меня повернуть назад, и его беззвучный зов был так настойчив, что я ни на минуту не усомнился в реальности существования силы, пытающейся заставить меня вернуться. В постоянном противоборстве с этой силой я старался понять, кто же за ней стоит (причем у меня не было и тени сомнения — это был именно кто-то, а не что-то). Может быть, это была Сара — чувство, что я должен как-то ей помочь по-прежнему не оставляло меня, хотя максимум, что я мог для нее сделать — это попытаться дождаться ее возвращения. Наверное, все же это были угрызения совести, вызванные мыслью, что я бросил ее, хотя, разумеется, и это было совершенно очевидно, я ее не бросил, так же, как раньше мы не бросили ни Джорджа, ни Тэкка. Тем не менее я был уверен, что обманул ее

ожидания и в определенном смысле изменил ей.

По правде говоря, мне уже давно приходило в голову, что она не поверила нашим со Свистуном рассказам о том, как выглядит заколдованная долина в реальности. Но я должен был найти способ убедить ее и заставить поверить в правдивость наших слов — эта мысль беспрерывно сверлила мой мозг. Ее возвращение в долину я мог вполне понять — если кому-то посчастливится оказаться по ту сторону врат рая, то он уже ни за что добровольно не согласится вернуться в грешный мир. Единственное, чего я не мог понять — как она могла упрямо не признавать иллюзорность своих идеалов перед лицом неопровержимых фактов.

Или все это были проделки Свистуна, манипулировавшего изнутри моим сознанием? Может быть, что-то скрывалось в глубинах моего разума, нечто, имплантированное туда Свистуном в те несколько мимолетных мгновений нашего последнего контакта и заставлявшее меня, словно марионетку в кукольном театре, подчиняться чьей-то посторонней воле? Я попытался еще раз воскресить в памяти хоть какой-то ничтожный эпизод нашего контакта со Свистуном, отыскать малейшую зацепку, но и это усилие оказалось тщетным.

Или, может быть, все дело в Пэйнте? Ведь я сыграл с ним злую шутку, поставив задачу, которую не мог, точнее, не хотел выполнить сам. Наверное, думал я, нужно вернуться и сказать, что я освобождаю его от ответственности, которую на него возложил. Я старался избавиться от неприятных мыслей, связанных с Пэйнтом, но у меня постоянно возникала перед глазами картина, на которой Пэйнт по прошествии тысячи (или даже миллиона) лет, если, конечно, он был способен столько прожить, все еще стоит, как стойкий оловянный солдатик, на страже перед фасадом классического дворца, терпеливо ожидая того, чему уже никогда не суждено произойти; стоит непреклонно, верный слову, данному столетия назад, послушный приказу, неосторожно сорвавшемуся с губ жестокого человека, который сам уже давно превратился в прах.

Угнетенный этими размышлениями, я плелся вниз по тропе. Если посмотреть на нас со стороны, то, вероятно, мы с Роско представляли довольно чудную пару: идущий впереди человек с мечом на поясе и щитом в руках и покорно следующий за ним, увешанный рюкзаками и бормочущий себе под нос робот.

Когда мы собрались расположиться на ночлег

и я подвел итоги дня, оказалось, что за сутки мы сделали приличный переход. Роясь в рюкзаке, чтобы найти что-нибудь на ужин, я и наткнулся на эту шкатулку, взятую со стола Найта. Я отложил ее в сторону, решив разобраться с ее содержимым после еды. Роско натаскал дров, а я развел костер и приготовил поесть. Пока я ел, этот безмозглый болван расхаживал по ту сторону костра и разговаривал сам с собой, — причем, на этот раз не выдавая, как автомат, рифмованные очереди и не извергая математический бред.

— Одно твое око сотворено, — велиречиво провозгласил Роско, — дабы прозревать красоту мироздания. Единственным своим оком солнце зрит мир сущий.

Я удивленно уставился на него, недоумевая, считать ли это признаками просветления ума, или он уже окончательно свихнулся.

— Роско, — сказал я осторожно, стараясь не смутить его только что проснувшийся разум.

И вдруг он произнес:

Они покорны могут быть,
Такой удел им предрешен,
Молчи, улышав плач души,
Огнем несчастий обожжен.

И как ни горек крестный путь,
Тебе отмеренный судьбой,
Смирись, терпи и не забудь,
Как он ни тяжек, — но он твой.

— Господи, не хватало еще поэзии, — возопил я. — Стихи, Боже милостивый! Как будто не достаточно дурацких рифм и формул…

А тем временем Роско, проворно перебирая ногами и громыхая металлическими конечностями, отплясывал задорную джигу, напевая:

На сковороде сгорел каплун,
А хряк сорвался с вертела,
Двенадцать раз ударил гонг часов,
А милочка моя лишь раз мне поддала.
Она так распалилась оттого,
Что холодно жаркое на плите,
А холодно жаркое на плите
Из-за того, что дома не был я.
А не явился я домой в тот день
Лишь потому, что брюхо разорвал,
А брюхо прохудилося мое
Из-за того, что в пост скоромного поел…

Он замер, не закончив очередного па, и восторженно уставился на меня: «Пост, рост, тост, прост…»

В его случае этот переход можно было считать возвратом к норме.

Он опустился на корточки подле костра, уже не разговаривая со мной, а бормоча что-то себе под нос.

Сумерки сгустились, и галактика вновь расцвела на небе во всем своем великолепии. Сначала проявилась ее сердцевина, нависшая над горизонтом на востоке, затем, когда вечерние сумерки стали наливаться чернотой, прорезалась тончайшая паутина спиральных щупалец, сначала похожая на серебристый туман, а затем все более и более разгоравшаяся огнем. Легкий ветерок что-то нашептывал у нас над головами, и прямой столб дыма, поднимавшийся вертикально над нашим костром, достигнув воздушного потока, ломался и, подхваченный ветром, растворялся в темноте. В отдалении заливался смехом какой-то зверек; в траве и кустах, недалеко от круга, очерченного светом костра, шевелились и шуршали крошечные животные и насекомые.

Интересно, это были стихи Шекспира? Слова и размер похожи, но я не был уверен, ведь уже

прошло столько лет, с тех пор как я в последний раз читал его стихи. Но если это были стихи Шекспира, где Роско мог их слышать? Может быть, во время полета через галактику, а затем на протяжении длинных ночей у костра, когда они шли по тропе, Найт читал их Роско? А может быть, в его рюкзаке или в кармане куртки лежал томик стихов древнего и почти забытого поэта?

Я закончил ужинать, помыл посуду в ручье, рядом с которым мы остановились на ночлег, и затем сложил ее в стороне, приготовив к завтраку. Роско все еще сидел перед затухающим огнем, выводя что-то пальцем на расчищенном пятачке земли.

Я поднял шкатулку Найта и открыл ее. В ней лежала толстая несшитая рукопись, занимавшая почти все ее пространство. Взяв первый лист, я повернул его так, чтобы свет костра падал на текст, и прочитал:

> «Голубизна и высота. Чистота. Застывшая голубизна. Шум воды. Звезды над головой. Обнаженная земля. Раздающийся с высоты смех и грусть. Грустный смех. Наши действия лишены мудрости. Мысли лишены твердости…»

Все это было написано как курица лапой; буквы походили на маленьких танцующих уродцев. Я с трудом разбирал слова:

> «… и объема. Нет ни начала, ни конца. Вечность и бесконечность. Голубая вечность. Погоня за несуществующим. Несуществующее — это пустота. Голая пустота. Разговор — ничто. Дела — пустота. Где найти нечто — пустое? Нигде, таков ответ. Высокий, голубой и пустой».

Это был бессмысленный набор слов, тарабарщина, почище бреда Роско. Я стал разбирать текст ниже и не нашел ничего путного. Взяв пачку листов, я извлек страницу из середины: «52» значилось в верхнем правом углу. А дальше шло:

> «… далеко не близко. Дали глубоки. Не коротки, не длинны, но глубоки. Некоторые бездонны. И не могут быть измерены. Нет средства их измерить. Пурпурные дали глубже всех. Никто не идет в пурпурную даль. Пурпур — это путь в никуда. Некуда вести…»

Я положил листы обратно в шкатулку, закрыл

крышку и долго держал ее рукой, чтобы не дать листам высыпаться. Сумасшествие, думал я, — жить жизнью наивного безумца в заколдованной, опутанной таинственными чарами древнегреческой долине. И бедная Сара в это время находится там. Ничего не подозревая, ни о чем не догадываясь, не желая сбрасывать с себя цепи обмана.

Я удержался, чтобы не вскочить и не закричать. Я не позволил себе подняться и броситься со всех ног назад в заколдованную долину.

Я не имею права этого делать, убеждал я себя. Впервые в жизни я думал о ком-то другом, а не о себе. Она выбрала свой путь — вернуться в долину. Что-то влекло ее туда. Счастье, может быть, думал я, и тут же спрашивал себя, а что значит счастье и чего оно стоит?

Найт чувствовал себя счастливым, когда писал эту ерунду, не понимая ее никчемности. Его это совершенно не волновало. Он замкнулся в скорлупе своего выдуманного счастья, как червячок тутового шелкопряда в своем коконе, скованный паутиной заблуждений, и считает, что достиг цели своей жизни, — самодовольный слепец, не подозревающий, что его цель может оказаться иллюзией.

Ах, если бы Свистун был сейчас со мной. Впрочем, я и так знал, что бы он сказал. Не должен вмешиваться, наверное, прогнусавил бы он, не должен встревать. Он говорил бы о судьбе. А что такое судьба? Записана ли она в генетическом коде человека или на звездах? Указано ли на ее невидимых скрижалях, как должен поступать человек, чего он будет желать, что он будет предпринимать, дабы осуществить самую заветную свою мечту?

Холодной волной на меня накатило одиночество, и я сжался, придвинувшись вплотную к костру, словно ища у него защиты от леденящих объятий пустоты. Из всех, кто начинал это путешествие или участвовал в нем, присоединившись по дороге, остались только я и Роско, причем, именно он был лишен качеств, позволяющих разделить мое одиночество. По-своему он был не менее одинок, чем я.

Все остальные уже постигли каждый своего неясного и непостижимого миража, манившего их издалека. Возможно, всем им это удалось, потому что каждый из них знал или догадывался, что нужно искать. А я? Что искал я? Я пытался представить, чего я хочу больше всего, что для меня важнее всего в жизни, и не мог.

24

Утром мы нашли куклу Тэкка на том же месте, недалеко от тропы, где она и была брошена. Она лежала открыто, не более чем в шести футах от дороги. Ума не приложу, как мы ухитрились пропустить ее. Я старался припомнить район, который мы прочесывали в поисках Тэкка, и сопоставить его с этим местом. Но ни одного надежного ориентира я так и не смог восстановить в памяти.

По сути, до этого дня у меня не было возможности как следует рассмотреть куклу. Единственный раз, когда я более или менее внимательно разглядывал ее, был в ту памятную ночь, которую мы коротали в красном здании на окраине города. Теперь у меня было достаточно времени, чтобы рассмотреть куклу во всех деталях, испытать на себе завораживающее влияние странного выражения грусти, запечатленного на ее грубом лице. Одно из двух, думал я, либо тот, кто вырезал куклу, был невежественным дикарем, случайно ухитрившимся придать ее лицу выражение грусти, либо это был искусный мастер, способный

несколькими скупыми штрихами воплотить в дереве отчаяние и терзания разумного существа, стоящего лицом к лицу с тайнами вселенной и дерзнувшего разгадать их.

Это было не совсем человеческое лицо, но достаточно близкое к человеческому. Его можно было даже отнести к земной расе. Вернее, это было лицо человека, искаженное потрясением, вызванным грандиозной истиной — и очевидно, истиной, раскрывшей свои секреты не в результате сознательного поиска, а как бы внезапно обрушившейся на человека, дарованной свыше.

Хорошенько изучив куклу, я хотел отбросить ее в сторону, но неожиданно обнаружил, что не могу этого сделать. Она словно пустила в меня корни. Кукла как будто нашла во мне убежище и, заняв его, уже не хотела покидать. Я стоял, сжимая ее в кулаке, и пытался отшвырнуть от себя, но мои пальцы не могли разомкнуться, а руки не хотели подняться для замаха.

Мне пришло в голову, что нечто подобное происходило с Тэкком, единственное отличие состояло в том, что он добровольно подчинился ее власти, находя в этом непонятное для меня удовольствие. Не исключено, она порождала неслышные другим звуки, отклик на которые

он находил в своей душе. Видимо, потому, что он видел в ней божественный знак, способный указать ему дорогу к спасению. Сара назвала ее Мадонной. Возможно, она была права, хотя я так не считал.

Теперь я пошел по тропе, так же, как Тэкк, прижимая к себе этого проклятого деревянного идола и укоряя себя, но не столько за то, что у меня не хватает сил избавиться от куклы, сколько за то, что я поневоле становлюсь кровным братом Тэкка. Больше всего меня раздражало, что я делаюсь чем-то похожим на него — человека, которого я органически не переваривал и глубоко презирал.

Мы продолжали двигаться по бескрайнему голубому плато, сзади багровые горы теряли ясность очертаний, постепенно превращаясь в фиолетовые облака. Я размышлял, не являлась ли очарованность Найта голубизной, что доказывали первые предложения его рукописи, результатом влияния этой голубой земли, возбуждавшей его воображение на всем пути до подножия гор и входа в долину. Тут он и оставил Роско у ворот, а потом Роско поплелся назад по тропе в город, где, наконец, по наивности угодил в ловушку и стал пленником коварного гнома.

По прошествии нескольких дней, скорее от скуки, нежели из любопытства, я снова открыл шкатулку и извлек рукопись. Я перечитал ее с самого начала, перечитал внимательно — конечно, не сразу. Уж слишком она была велика и к тому же убористо и небрежно написана. Мне стоило большого труда разобрать и расшифровать каракули Найта. Я вникал в ее содержание так же дотошно, как в забытом Богом монастыре историк копается в пыльных манускриптах, разматывая дюйм за дюймом пергаментный свиток, и не столько доискивается, как мне представлялось, до какой-нибудь сенсационной тайны, сколько старается понять человека, исписавшего такую груду бумаги, проследить маршрут блужданий человеческого разума на пути к истине, скрывающейся где-то в неизведанных глубинах подсознания.

Но в тексте не было ни одного рационального зерна, или, по крайней мере, я не мог его отыскать. Это была абсолютная бессмыслица, не поддающаяся пониманию. Разве что только самому Найту, мучающемуся недержанием слов и изливающему их потоки ради них самих, это и казалось разумным.

Лишь на десятый вечер, когда мы были в двух

переходах от начала пустыни, я наконец наткнулся на отрывок, показавшийся мне не лишенным смысла:

«…А эти ищут голубого и багрового знания. Они ищут его по всей Вселенной. Они ловят все, что может быть известно или придумано. Не только голубое и багровое, но весь спектр знаний. Они ставят ловушки на одиноких планетах, затерянных в бездне пространства и времени. В синеве времени. Знания ловятся деревьями, и, пойманные, они складируются и хранятся до сбора золотого урожая. Огромные сады могучих деревьев пронзают синеву, на мили погружаясь в нее, пропитываясь мыслями и знаниями. Так иные планеты впитывают золото солнечного света. Эти знания — их плоды. Плоды многообразны. Они — пища для тела и ума. Они круглы и продолговаты, тверды и мягки. Они и голубы, и золотисты, и багряны. Иногда красны. Они созревают и падают. И их собирают. Так как урожай — это время сбора, а созревание — время роста. И голубое и золотистое…»

Здесь Найт снова впал в бессвязный бред, который, как и во всей рукописи, преимущественно выражался в бесконечном перечислении оттенков цвета, разновидностей форм и размеров.

Я опять внимательно перечитал этот единственный абзац, показавшийся не лишенным смысла, и пролистал предшествующие ему страницы текста в надежде обнаружить хоть какую-то зацепку, указывающую на то, что он подразумевал под «этими», но так ничего путного и не нашел.

Я отложил рукопись и присел у костра, лихорадочно обдумывая, какой же смысл скрывается за содержанием этого отрывка. Был ли он случайным порождением больного воображения, так же, как и текст в целом? Или представлял собой плод сиюминутного озарения, во время которого Найт успел изложить важный факт, несколько затуманенный пеленой мистицизма? А, может быть, Найт вовсе и не был таким сумасшедшим, каким казался, и вся эта рукописная галиматья была не более чем искусным камуфляжем, за которым скрывалось тайное послание, предназначенное для того, в чьих руках волею судьбы окажется рукопись. Впрочем, я тут же отбросил это предположение, как несостоятельное. Если

бы он был действительно в своем уме и додумался до столь хитрого способа передачи информации, он бы уже давно бежал из долины и стремглав несся обратно в город, надеясь выбраться с этой планеты-ловушки и с приобретенными знаниями вернуться в галактику.

А если в этом отрывке действительно содержалось замаскированное послание, тут же возникал вопрос: как ему удалось об этом узнать? Были ли в городе какие-то записки, из которых он почерпнул сведения, проливающие свет на историю планеты? Или он говорил с кем-то, кто объяснил ему, почему эта планета была превращена в гигантский сад? А, может быть, правду удалось раскопать Роско? Было вполне достаточно оснований подозревать в этом Роско, поскольку он, помимо всего прочего, быт еще и роботом-телепатом. Честно говоря, вряд ли бы кто-нибудь решился сейчас приписывать ему эти феноменальные способности. Он пристроился рядом со мной и по-прежнему вычерчивал пальцем на расчищенном пятачке земли какие-то символы, бормоча себе под нос.

Я почти уже собрался спросить его о верности моих предположений, но потом удержался. Я по-прежнему был убежден, что от этого болвана

ничего не добьешься.

На следующее утро мы возобновили поход, а на второй день вышли к устроенному нами тайнику, где пополнили запасы воды и продовольствия. Закрепив флягу с водой и рюкзак с провизией на спине Роско, мы снова тронулись в путь, и вскоре перед нашими глазами открылась пустыня.

Мы шли очень быстро. Мы пересекли поле, где я дрался с кентавром, и пошли дальше, не делая привалов, к ущелью, в котором мы нашли Старину Пэйнта. Мы натыкались на оставленные нами костровища в местах наших остановок на ночлег по пути к горам. Я легко узнавал пройденные недавно места. Земля вокруг была все такой же красновато-желтой, в отдалении трубили неугомонные крикуны, а по временам мы замечали и других странных обитателей пустыни. Никто и ничто не препятствовало нашему движению, и мы продолжали стремительно идти вперед по тропе.

Я часто воображал, что покинувшие нас попутчики все еще с нами, что нас сопровождают их тени. Вот она — кавалькада призраков: Сара верхом на Старине Пэйнте; Тэкк, закутанный в коричневую сутану, ковыляет, поддерживая под руку спотыкающегося и трясущегося Джорджа

Смита; Свистун, наш вечный дозорный, рыщущий далеко впереди. Иногда я что-то кричу ему, позабыв, что он ушел слишком далеко и не может меня услышать. Порой я настолько поддавался игре воображения, что действительно начинал верить, будто они с нами, а потом, очнувшись, понимал — их уже нет. Но даже зная, что их уже не вернешь, было приятно фантазировать, представляя их рядом. Меня смущало только одно обстоятельство. Тэкк нес куклу, прижав ее к груди, и я тащил эту же куклу, только спрятав ее в кармане куртки.

Кукла уже больше не прилипала к руке, при желании я мог бы от нее легко отделаться, но все же я нес ее с собой. Я не знал, почему поступаю таким образом. Просто так было нужно. Вечерами я подолгу рассматривал ее, иногда с отвращением, иногда с удовольствием, попадая под ее очарование, но с каждым вечером, казалось, моя антипатия к ней все более ослабевала, и притягательная сила ее обаяния брала верх. И я продолжал коротать вечера, глядя кукле в лицо с надеждой, что в один прекрасный день смогу постичь мудрость, заключенную в его выражении, и поступить в согласии с ней.

Временами я продолжал читать рукопись.

Текст был все таким же бессвязным, и только в самом конце встретилась фраза:

> «…Деревья — это вершины. Деревья достигают высот. Вечно неудовлетворенные. Всегда ненасытные. Все, что я пишу о деревьях и пойманном знании, — истинно. Их вершины туманны. Голубой туман…»

Все, что я пишу о деревьях и пойманном знании — истинно…

Было ли это единственное предложение, потонувшее в волнах бредовых сентенций, специально вставлено, чтобы укрепить и подтвердить то, что было написано много страниц назад? Было ли оно еще одной искрой озарения во мраке затуманенного разума? Легко было поддаться искушению и поверить в это, но доказать было нельзя.

На следующий вечер я закончил чтение рукописи. Больше я в ней ничего не нашел.

А на третий день после этого мы увидели на горизонте город, тянущийся в небеса белоснежными башнями домов — как горная цепь своими вершинами.

25

Дерево лежало на том же месте, где я срезал его лучом лазерного ружья. Его высокий, неровно обрубленный пень упирался в небо кривыми зубцами. Массивный лежащий на земле ствол простирался на мили, листья уже засохли и сморщились, обнажая бурую древесину ветвей.

Позади дерева возвышалась громада красного каменного здания, в котором мы нашли убежище после устроенной нам деревом бомбардировки. Когда я смотрел на дом, в моей памяти воскресали пережитые в нем впечатления, и слух наполнялся хлопаньем миллионов невидимых крыльев, бьющихся под крышей в поисках дороги из ниоткуда в никуда.

От дерева исходил отвратительный тошнотворный запах, и по мере приближения к нему я смог разглядеть, что круглая лужайка, окаймлявшая пень, просела и превратилась в яму. Именно из этой ямы и несло, как из помойного ведра. С вершины холма, на который мы забрались с Роско, я увидел, что в вязкой маслянистой слизи, до половины наполнявшей яму, плавали разлагающиеся

останки каких-то животных.

Я с горечью подумал: одного выстрела хватило, чтобы отнять не одну жизнь — жизнь самого дерева, а жизни целой общины существ, вроде тех маленьких ноющих и хныкающих улиткообразных, которые высыпали из рухнувшего дерева и набросились на нас с упреками. А теперь, как оказалось, пострадали обитатели подземного резервуара, расположенного под деревом. Их благополучие было всецело связано с деревом, они не могли выжить после его гибели. Как только умерло оно, эти животные стали обречены. Я пытался отыскать какие-нибудь признаки присутствия маленьких грызунов, но не нашел. Они, должно быть, тоже уже погибли. Мне даже представилось, как их истлевшие, почти невесомые косточки разносит ветром.

Я был убийцей, моя рука принесла им смерть. Я намеревался уничтожить только дерево, а в результате отобрал столько невинных жизней. Черт возьми, что же на меня нашло? Почему я вдруг стал задумываться о такой чепухе? Ведь они сами навлекли на себя беду! Дерево первым напало на нас, и я имел полное моральное право на ответный удар. Это был древний неписанный закон — око за око, зуб за зуб. Всю свою жизнь на

насилие я отвечал насилием. И, надо признать, всегда срабатывало. И в данном случае, после того, как я срезал это чертово дерево, ни одно из других деревьев не посмело напасть на нас. Каким-то образом до них дошел сигнал: не трогай этого парня, свяжешься — не поздоровится. Конечно, они не знали, что у меня уже нет лазерного ружья, но попробовали бы они проверить!

Я вдруг почувствовал, как Роско схватил меня за плечо, и повернулся в ту сторону, куда он уже указывал рукой. С севера, со стороны гор на нас двигались они. Их был легион. Их ни с кем нельзя было спутать. Это могли быть только те чудовища, чьи скелеты мы видели в груде костей, перегораживающих проклятое ущелье, где был найден Старина Пэйнт. Теперь они предстали во плоти — массивные животные, быстро передвигавшиеся на задних лапах, с вытянутыми назад хвостами, помогавшими им сохранять равновесие на бегу. У них были могучие тела, гигантские головы. Передние лапы с острыми, сверкавшими на солнце когтями они держали на весу. Они скалили пасти, и даже на большом расстоянии были хорошо видны их хищные жестокие гримасы. Вероятно, они уже давно преследовали нас, но показались впервые.

Они были ужасно большими и уродливыми и приближались очень быстро. Не стоило обладать богатым воображением, чтобы представить, как они с нами обойдутся, если сумеют догнать. Долго раздумывать значило дать им возможность заживо спустить с себя шкуру. Я изо всех сил припустил по тропинке, ведущей к городу. Щит мешал мне, и я его бросил. Болтающийся в ножнах меч бил меня по коленкам, и я, пытаясь на бегу развязать ремень, споткнулся о него и кубарем покатился с пригорка, как оторвавшееся от телеги колесо. Прежде чем я успел остановиться, сильная рука схватила меня за ремень, к которому были подвешены ножны, и приподняла вверх, так что я оказался на весу. В таком подвешенном состоянии меня крутило то по, то против часовой стрелки, а мимо моего носа пролетали комья земли, выскакивавшие из-под ног бегущего Роско.

Краем глаза я видел, что его ноги мелькают, как спицы велосипеда.

Боже милосердный, как он, оказывается, умел бегать!

Я пытался повернуть голову, чтобы определить, где мы находимся, но мое лицо оказалось так близко от земли, что я ни черта не мог разглядеть. Что говорить, положеньице отнюдь не самое

удобное, и это немного раздражало. Но и грех жаловаться: Роско шпарил, как гончая собака, а у меня показать такую прыть была кишка тонка.

Вдруг перед моими глазами зарябила мощеная дорога, и Роско, перевернув меня вверх головой, поставил на ноги. Голова у меня кружилась, земля вокруг ходила ходуном, но я понял, что мы уже на узкой городской улице, замкнутой с двух сторон высокими стройными стенами белых домов.

Позади слышались злобное рычание и яростный скрежет когтей по камню. Обернувшись, я увидел, как преследовавшие нас чудовища тщетно пытаются протиснуться в узкую щель между домами. Все их усилия добраться до нас, к счастью, не принесли результата. Мы были в безопасности. И я наконец получил ответ на давно волновавший меня вопрос: зачем в городе такие узкие улицы.

26

Призрачные силуэты кораблей все так же виднелись на белом поле посадочной площадки космодрома. Величественные белоснежные утесы городских домов окаймляли ее, как края гигантской чаши. Площадка сияла стерильной чистотой. Кругом стояла мертвая тишина. Ни единого движения, ни малейшего дуновения ветерка.

Повешенное на привязанной к стропилу веревке сморщенное тело гнома расслабленно свисало из-под потолка кладовой. И в кладовой все было по-прежнему: те же горы поставленных друг на друга ящиков, коробок, тюков и узлов. Лошадки куда-то исчезли.

В небольшой комнате, куда надо было подниматься с улицы по пандусу, каменные плиты тоже находились на своих местах. На их боковых гранях виднелись телефонные наборные диски. От одной из плит исходило сияние, и в нем, как на экране кинотеатра, демонстрирующего фильм ужасов, представала картина кошмарного мира новорожденной планеты. Ее наполовину

расплавленная, наполовину затвердевшая поверхность медленно вздымалась, подвластная мощному внутреннему дыханию. Кругом открывались страшные, наполненные лавой нарывы кратеров, на дне которых шевелился раскаленный докрасна шлак. Из расщелин вырывались клубы дыма и пара, выплескивались волны кипящей воды. В отдалении вулканы извергали пламя, выбрасывая вверх огромные облака пепла.

Роско уже успел снять походные мешки, а флягу с водой поставил в проеме двери. Теперь он сидел на корточках, царапая пол пальцем, правда, на этот раз он не пытался изобразить какие-нибудь заумные формулы и, что особенно странно, уже не бубнил себе под нос.

Я принялся разламывать деревянную скамью, прихваченную из кладовой, чтобы как следует разжечь костер, устроенный мною прямо на полу. Хорошенькое зрелище, подумал я, мы, наверное, представляем со стороны: дикий варвар, разбивший лагерь в мертвом городе погибшей цивилизации, еще один варвар из другого племени, болтающийся на веревке за дверью соседней комнаты, и представитель механического интеллекта, упорно старающийся разрешить одному ему понятную проблему (а может быть, непонят-

ную ему самому).

Я бы упал в обморок от удивления, если бы мне доказали, что Роско отдает себе отчет в своих поступках. Наверняка он никогда не был запрограммирован для проведения тех расчетов, которыми он постоянно занимался. Видимо, размышлял я, основательная встряска, полученная его мозгом во время исполнения «заглавной партии» при игре в поло, не только вышибла все остатки здравого смысла, но и вколошматила вместо него черты гениальности.

Солнце уже прошло свой зенит, и правая сторона улицы теперь тонула в глубокой тени. Но, повернув голову, я увидел, что солнечный свет все еще озаряет верхние этажи домов на противоположной стороне. И здесь, в верхней части города, слышалось отдаленное, едва различимое дыхание ветра, посвистывавшего, как в дымоходе печной трубы. В нижних слоях воздуха не чувствовалось ни малейшего движения.

Покинутый город… А почему он был оставлен? Что заставило его обитателей уйти? Или они были увезены насильно? Возможно, они выполнили свою задачу, а город обеспечил ее выполнение, и тогда людям уже не было необходимости здесь находиться. Их ждали другие планеты, где перед

ними стояли уже другие цели, а может быть, там они занимались тем же, чем и здесь. Не исключено, что единственным их занятием на этой планете было выращивание деревьев — сначала посадка, а потом тщательный уход за ними до тех пор, пока они не наберут достаточно сил, чтобы существовать самостоятельно, и уже не будут нуждаться в помощи. Этот период мог длиться века, даже тысячелетия, и только после этого можно было оставить деревья без присмотра. Лишь на предварительный этап — изучение условий выращивания деревьев и их посадки — понадобились многие годы. А помимо этого, нужно было еще построить подземные склады для хранения семян, вывести маленьких грызунов, занимающихся их сбором. Да, тут требовалось провести огромную работу.

Но эти колоссальные затраты времени и сил, естественно, не должны были пропасть даром, если деревья выращивались с целью, аллегорическая формулировка которой содержалась в рукописи Найта. Каждое из деревьев выполняло функции своеобразного приемного центра, собиравшего информацию с помощью каких-то средств перехвата, принцип действия которых был мне не известен (может быть, это был пере-

хват волн, излучаемых интеллектом?).

Деревья представляли собой что-то вроде фильтров, пропускающих через себя распространяющееся по галактике информационное излучение. Миллионы приемников были расставлены на периферии галактики и беспрерывно просеивали информационные волны, анализировали, усиливали их, а затем, после переработки, закладывали полученные данные на хранение. А через определенные промежутки времени являлись «садовники» и извлекали накопленные таким образом знания. К тому же, где и как можно было хранить такую информацию? Конечно, сами деревья не могли дополнительно брать на себя функцию банка данных. Лучше всего эту задачу можно было решить с помощью семян, закладывающих знания в сложные цепи ДНК-РНК, преобразуя сугубо биологические характеристики нуклеиновых кислот таким образом, что, помимо чисто биологической информации, позволяло семенам помещать на хранение самые разнообразные знания других видов, в том числе неорганического происхождения.

Когда я думал об этом, испарина выступила на моем лбу. В закромах и бункерах, в которые грызуны складировали семена, содержались

поистине бесценные сокровища. Любой, кто бы смог овладеть семенами, а затем разработать технологию выделения из них информации или раскрыть код, открывающий доступ к зашифрованным в них данным, сосредоточил бы в своих руках все интеллектуальные ресурсы галактики. Тот, кому удалось бы опередить владельцев сада и снять урожай раньше их, завладел бы невиданной добычей. И «садовники», предусмотрев такую опасность, приняли чрезвычайные меры предосторожности, предупреждая малейшую возможность утечки информации как о самой планете, так и о цели, ради достижения которой она эксплуатировалась. Пришельцам, впрочем, не препятствовали появляться здесь, более того, их даже могли заманить на планету, если они оказывались поблизости от нее. Но коли уж им выпало несчастье совершить посадку на местном космодроме, они, похоже, уже не имели ни единого шанса выбраться из западни и возвратиться в галактику с сообщением о своем открытии.

Все-таки любопытно узнать, как часто появлялись на планете владельцы сада. Можно было предположить, что каждую тысячу лет в галактике накапливались знания, стоящие приобретения. А вдруг с этими «садовниками»

что-нибудь случилось? И они не имели больше возможности прилетать на планету для сбора урожая. А еще они могли отказаться от осуществления задуманного ими проекта, как нереального или нерентабельного. За тысячелетия, прошедшие со времен постройки города и разведения сада, могла произойти переоценка ценностей и коренной пересмотр стратегических целей расы. И теперь им, как более зрелой и умудренной опытом цивилизации, создание планеты-сада (или, не исключено, целой системы подобных планет) могло представляться не более, чем детской затеей, ошибочным начинанием, претворенным в наивном запале юношеского энтузиазма.

От долгого сидения на корточках ноги начали затекать, и я, вытянув руку, оперся о пол ладонью, чтобы переменить позу. Сделав это, я почувствовал, что под моей рукой оказалась кукла. Я не стал ее поднимать: мне не хотелось смотреть на нее. Я просто нащупал ладонью ее лицо и прошелся по нему кончиками пальцев. И тут мне пришло в голову, что строители города и создатели сада не первые жители планеты. Прежде чем они появились здесь, планета была заселена другой расой — расой, построившей похожее на храм красное здание на окраине города.

Один из ее представителей и вырезал эту куклу. Я был уверен, что создание куклы, в некотором смысле, явилось более значительным достижением, нежели строительство города и разведение деревьев. Эта кукла была грандиозным явлением духовной культуры планеты.

Но к настоящему времени обе эти великие расы покинули планету, а я, посланец другой цивилизации, вероятно, не такой развитой, но, бесспорно, не менее честолюбивой, находился здесь. Я находился здесь и знал историю планеты, мне открылась тайна ее сокровищ. Это были настоящие сокровища, а не мифы, за которыми охотился Найт. Они имели реальную цену, их можно было выгодно продать, и в этом плане для меня они были более привлекательны, чем бесплотные сказочные богатства. Найт мог догадываться о их существовании — об этом недвусмысленно свидетельствовали отрывки из его записей, — но к тому времени, когда ему пришла в голову эта догадка, Найт уже настолько был увлечен своей идеей, настолько попал под власть созданных его собственным воображением призраков, что пренебрег своим открытием, как недостойным внимания.

Несчастный глупец, думал я, упустить такой

шанс! Хотя, не исключено, что он совершил такую оплошность уже после того, как утратил все надежды вырваться с этой планеты.

А я этих надежд не утратил! Выход должен быть. Выход всегда можно найти, если упорно и непреклонно его искать. Никакая банда тупых «садовников» не сможет помешать мне выбраться отсюда!

Сначала нужно найти продовольствие и немного отдохнуть, а потом уж я доберусь до этих параллельных миров. Хотя Сара и старалась убедить меня, что все они изолированы один от другого, нельзя отвергать возможности, что хоть один из них населен разумными существами, имеющими средства передвижения в пространстве. А это — все, что мне было нужно. Только бы добраться до них и любыми способами завладеть каким-нибудь кораблем.

Я раздумывал, как мне поступить с гномом, и решил, что надо оставить его повисеть. Пусть посидит на поводке. Если я его сниму, неизвестно, какая от него будет польза. К тому же я не знал, что он еще захочет выкинуть. В конце концов, он сам шел к подобному финалу и получил по заслугам, так что я не буду вмешиваться. Честно говоря, мне все же было любопытно узнать, зачем

он это сделал. Сам по себе поступок доказывал его принадлежность к расе гуманоидного типа. Только существо, подобное человеку, могло на такое решиться.

Я бросил взгляд на Роско. Он перестал писать свои иероглифы и теперь смирно сидел с вытянутыми вперед ногами и тупо смотрел перед собой. У него был вид человека, впавшего в оцепенение после того, как ему внезапно открылась потрясающая правда.

27

Сара оказалась права. Выхода не было. Все миры приводили в тупик. Я изучил каждый, неустанно переходя из одного в другой, постоянно подгоняя себя. Спал я урывками, и только тогда, когда изматывался до такой степени, что начинал опасаться, как бы, переутомившись, чего-нибудь по рассеянности или небрежности не пропустить. В то же время я не позволял себе допускать поспешность в работе. На изучение миров я тратил значительно больше времени, чем было необходимо, подвергая каждый из них самому скрупулезному и тщательному анализу.

Пришлось порядочно повозиться, прежде чем я научился обращаться с наборным диском, открывающим путь в другие миры. Но как только я приобрел навык, я немедленно засучив рукава взялся за дело, уже ни на что не отвлекаясь. Роско не беспокоил меня, и я, в свою очередь, не обращал на него внимания. Правда, иногда замечал, что он часто отсутствует. У меня сложилось впечатление, будто он бродил по городу, но времени разобраться, зачем ему это было нужно,

не хватало.

Конечно, никто не мог поручиться, что ни одна из открывшихся мне планет не обладает техникой, поисками которой я занимался. Ведь передо мной распахивалась лишь дверца, ведущая в другой мир, через проем которой можно было разглядеть только незначительную его часть. Было бы крайне безрассудно и рискованно перейти границу другого мира и вступить в неизведанное, не имея веских доказательств, что я найду в нем то, что мне было нужно. Однажды перейдя Рубикон, я мог потерять все надежды на благополучное возвращение назад. Без помощи Свистуна и паукообразного существа нам никогда бы не удалось выбраться из зыбучих песков пустынного мира.

Итак, к сожалению, я не увидел ни единой планеты, на землю которой мне захотелось бы вступить, ни одного мира, в котором бы я обнаружил хотя бы зачаточные формы разумной жизни. Преимущественно все эти планеты были ужасны, в них только нарождалась живая природа — непроходимые дикие джунгли, скованные льдами пространства, материки, находящиеся в процессе карстовой ломки. Некоторые из планет имели очень плотную атмосферу, их поверхность

окутывали клубящиеся облака паров, один взгляд на которые вызывал у меня удушье.

Было несколько совершенно мертвых планет (с обширными равнинами, начисто лишенными растительности), тускло освещенных бледным кроваво-красным умирающим солнцем. Встретилась и обуглившаяся планета, сожженная дотла вспышкой новой звезды.

Меня очень занимал вопрос, зачем были нужны эти двери в другие миры? Несомненно, если бы кто-то собирался пользоваться ими для того, чтобы переходить из одного мира в другой, он поставил бы двери где-нибудь на окраине города или в деревне. Никто не стал бы переселяться в дикие джунгли, на ледяные торосы или на прогоревшие угли. Может быть, двери были сделаны с единственной целью — как канализационный люк, предназначенный для избавлении от непрошенных гостей. Но если их предназначение ограничивалось только этой функцией, достаточно было бы выхода в один или несколько миров. А тут их сотни. Не было никакой необходимости иметь их так много.

Разумеется, представители использовавшей их расы могли руководствоваться совершенно другими соображениями, не доступными чело-

веческой логике, а я просто был не в состоянии предусмотреть все способы их возможного применения.

Я проглядел все миры и теперь был не в лучшем, а даже, наверное, в худшем положении, чем до начала поиска. По крайней мере, до того, как я все это затеял, оставалась надежда, а теперь и она умерла.

Я подошел к костру. Он погас. Осторожно потрогав ладонью угли, я не ощутил тепла. Роско не было, и кажется, его не было уже несколько дней.

Может быть, он бросил меня? Наверное, все же не бросил, но попросту забрел куда-нибудь и не особенно задумывается о возвращении. Да, черт побери, следует признать, что я исчерпал свою фантазию. Я сделал все, что было в человеческих силах.

Я тихо сидел у потухшего костра и всматривался в сумрак узких улиц. Возможно, еще есть за что уцепиться — например, отыскать какой-нибудь выход в городе или на планете, пойдя на восток, запад или юг, а не к призрачным вершинам пурпурных гор на севере. Где-то должен быть ответ. Но моя воля иссякла. Я не хотел никуда идти. Я не хотел ни за что больше браться. Хотелось бросить

все к чертовой матери и сдаться.

Будет еще один гномик, подумал я.

Конечно, я был неправ. Это было пораженческое настроение. Нечего драматизировать. Когда придет время совершить новую попытку, когда только забрезжит новая, пусть самая эфемерная надежда на успех, я опять встану и ринусь в бой.

Но сейчас я, сгорбившись, безвольно сидел у костра и жалел себя — не только себя, а всех нас. Хотя стоило ли переживать из-за Смита, Тэкка или Сары? Они получили то, что хотели.

Внизу в уличной темноте мелькнула тень: черное пятно на сером фоне. Холодок страха пробежал по моей спине, но я не пошевелился. Если некто или нечто, кто бы это ни был, захочет застигнуть меня врасплох и разделаться со мной, что ж, пусть придет и попробует. Пока у меня есть меч, пусть это и не самое подходящее для меня оружие, — без боя я не сдамся.

Как же все-таки были измочалены мои нервы, если я докатился до таких мыслей! Не было ни малейших оснований предполагать, что в городе мог находиться кто-то, кому была нужна моя жизнь. Город был пустынным и заброшенным, и никто, кроме привидений, в нем не мог обитать.

Тем более странно, что тень продолжала дви-

гаться. Она вышла с улицы и направилась по пандусу прямо ко мне, шагая медленной неуверенной походкой, напоминавшей старческую поступь.

Теперь я разглядел, это был Роско. Боже, как я был рад, что этот несчастный вернулся. Я встал, чтобы поздороваться с ним. Он остановился перед самой дверью и заговорил, осторожно произнося слова, словно боясь опять сбиться на привычную рифмованную белиберду. Медленно и старательно, делая отчетливые паузы после каждого слова, он произнес: «Пойдемте со мной».

— Роско, — сказал я, — спасибо, я рад, что ты вернулся. Что произошло?

Он стоял в сгущающихся сумерках, тупо глядя в мои глаза. Затем также медленно и осторожно, с трудом артикулируя каждое слово, ой выдавил из себя: «Если математические выкладки...» — и снова замолчал. Особенно тяжело ему далось слово «математические».

— У меня были трудности, — сказал он увереннее, — со мной случилась беда, но теперь я справился с трудностями и чувствую себя лучше. Борьба вылечила меня.

Он уже говорил свободнее, но все еще с усилием. Длинные фразы давались ему нелегко. Было

заметно, как он преодолевает невидимый барьер, чтобы правильно произнести фразу.

— Не волнуйся, Роско, — посоветовал я. — Не мучай себя. У тебя прекрасно получается. Не стоит переживать.

Но он не мог расслабиться. Ему очень нужно было что-то мне объяснить. Это что-то слишком долго бродило в его мозгу и теперь настойчиво требовало выхода наружу.

— Капитан Росс, — сказал он, — долгое время я боялся, что не смогу справиться. На этой планете есть два явления, требующих объяснения, и я никак не мог привести их к знаменателю… нагревателю, предателю, законодателю…

Я быстро подошел к нему и взял за руку.

— Ради Бога, — взмолился я, — не волнуйся. У тебя вагон времени. Не надо торопиться. Я тебя спокойно выслушаю, не спеши.

— Спасибо, капитан, — произнес он с усилием, в его голосе звучала искренняя признательность, — за ваше терпение и сострадание.

— Мы прошли вдвоем длинный путь, — сказал я. — Мы можем позволить себе не торопиться. Если ты нашел ответы, я могу и подождать. Что до меня, то я готов воспринять любые открытия.

— Существует структура, — выдавил он, — ма-

териал белого цвета, из которого сделан город, вымощена посадочная площадка, которым опечатаны корабли.

Он сделал паузу и молчал так долго, что я начал опасаться, как бы с ним опять чего-нибудь не произошло. Но потом он снова заговорил.

— В обычных молекулярных структурах, — сказал он, — связи между атомами существуют только вне их ядер. Вы понимаете?

— Думаю, что да, — ответил я. — Хотя, туманно.

— В белом материале, — пояснил он, — связи распространяются глубже внешних орбит электронов, распространяются на ядра атомов. Вы улавливаете идею?

Я вздохнул, показывая, что, по крайней мере, частично до меня дошло.

— А, черт, — сказал я, — и эти связи, наверное, никак нельзя разорвать.

— Точно, — объявил он. — Так и было задумано. А теперь, капитан, пожалуйста, пойдемте со мной.

— Погоди минутку, — запротестовал я. — Ты еще не все сказал. Ты говорил о двух явлениях.

Он пристально посмотрел на меня, как будто прикидывая, стоит ли метать бисер перед сви-

ньями, а затем вдруг спросил:

— Капитан, что вам известно о реальности?

Я даже вздрогнул от неожиданности. Более дурацкого вопроса нельзя было придумать.

— Какое-то время назад, — ответил я с сомнением, — я мог поручиться, что хорошо умею отличать реальность от вымысла. Сейчас я не уверен.

— На этой планете, — заявил он, — реальность разделена на части, слои. Здесь их, как минимум, два. А, может быть, гораздо больше.

Теперь он говорил уже достаточно бегло, хотя временами начинал заикаться, с трудом выталкивая из себя слова, и тогда его речь становилась невнятной.

— Но откуда, — спросил я, — ты обо всем этом знаешь? О молекулярных связях и реальности?

— Не знаю, — ответил он. — Я только знаю, что знаю об этом. Ну, а сейчас, пожалуйста, пойдемте.

Он повернулся и начал спускаться по пандусу, и я последовал за ним. Мне нечего было терять. Я уже исчерпал все свои резервы, похоже, и у него тоже не было другого выхода, хотя, к сожалению, все его открытия могли оказаться ничем иным, как игрой больного воображения. Но я уже

находился на той стадии, когда человек готов ухватиться за любую соломинку.

Идея о более тесных молекулярных связях несла в себе рациональное зерно, правда, подвергнув ее анализу, я едва ли представлял, как эти связи могли осуществляться на практике. Но уж вся эта затея с многослойными реальностями казалась мне абсолютной белибердой. В ней не было ни капли здравого смысла.

Мы вышли на улицу, и Роско направился к космодрому. Он уже не бормотал себе под нос и шел очень быстро — уверенной походкой человека, знающего, куда и зачем он идет. Я едва поспевал за ним. Бесспорно, он изменился, но стоило еще хорошенько поразмыслить, являлись ли эти изменения следствием выздоровления или признаком новой стадии умопомешательства.

Когда мы подошли к космодрому, уже занималось утро. Солнце на востоке было на полпути к зениту. Молочно-белая посадочная площадка космодрома, окруженная белоснежными стенами городских домов, ослепительно сияла, как глянцевое дно фарфорового блюда. В этом сиянии бледные силуэты кораблей были похожи на ночные привидения, застигнутые врасплох рассветом.

Мы двинулись вперед по огромному полю космодрома в сторону кораблей. Роско заметно прибавил шагу. Я то и дело вынужден был переходить на бег, чтобы не отстать. Мне очень хотелось спросить его, зачем нужна эта гонка, но у меня не хватало дыхания произнести хоть слово, к тому же я не был уверен, что добьюсь от него вразумительного ответа.

Этот марафонский бег выбивал меня из колеи. Тем не менее, очень долго мне казалось, что мы топчемся на месте. И вдруг я с удивлением обнаружил, что позади уже больше половины пути от домов к кораблям.

Когда мы подошли достаточно близко к кораблю Сары, я заметил какую-то штуковину, неизвестно откуда появившуюся у его основания. Эта штуковина представляла собой настоящее чудо художественного дизайна, включавшее в качестве конструктивных элементов весьма странное зеркало и аккумуляторную батарею (или какой-то другой источник питания). Их дополняли невероятные хитросплетения проводов и трубок. Довольно небольших размеров — около трех футов высотой и десяти квадратных футов площадью — эта машина смотрелась со стороны как скульптура в стиле авангардизма. Вблизи она

уже не казалась кучей художественного мусора, а скорее напоминала плоды творческих усилий мучающихся от безделья школьников, на каникулах устроивших игру в машину времени.

Я стоял, уставившись на этот несуразный аппарат, не в силах вымолвить ни слова. Из сотен дурацких вещей, которые мне пришлось повидать на своем веку, эта была вне конкуренции. Как оказалось, в то время, пока я обливался холодным потом, наблюдая ужасы самых отвратительных миров, этот рехнувшийся робот шастал по городу, собирал мусор и металлолом, затем сносил всю эту ерунду сюда для того, чтобы построить эту уродину. Он присел перед панелью, которую, видимо, воображал пультом управления, и начал крутить расположенные на ней ручки и включать тумблеры.

— А теперь, капитан, — заявил он, — пусть восторжествует математика!

Он произвел еще какие-то операции на «пульте управления», и вдруг прозрачные трубки конструкции засветились и замигали.

Раздался звук, похожий на звон бьющегося стекла, и сверкающий ливень напоминающих стеклянные бусы осколков скатился по бортам корабля, рассыпаясь по земле звонкими брызгами.

Корабль стоял, сбросив мантию из молочно-белой глазури, в лучах, исходивших от этого жукоподобного аппарата. Я был в шоке. Невероятно, но эта дурацкая машина сработала, и теперь корабль был распечатан. Оставалось только выяснить, готов ли он к полету. Я не верил своим глазам. Это было непостижимо. Нет, Роско не мог этого сделать! Этого не мог сделать придурковатый, бормочущий Роско, которого я знал как облупленного. Такое могло произойти только во сне. Я не заметил, как Роско подошел ко мне. Он обнял меня за плечи, глядя прямо в глаза.

— Я сделал это, — сказал он, — и для корабля, и для себя. Освободив корабль, я освободил себя. Я снова цел и невредим. Я такой же, как прежде.

Действительно, теперь он был похож на нормального робота, правда, я понятия не имел, каким он был прежде. Сейчас он говорил без натуги, раскованность движений делала его похожим скорее на человека, чем на искусственный механизм.

— Я был потрясен, — произнес Роско, — всем тем, что случилось со мной, теми изменениями, которые произошли в моем мозгу. Я не мог в них разобраться и не знал, как их использовать. Теперь, найдя им применение, я снова стал самим

собой.

Я почувствовал, что охватившее меня оцепенение прошло, и попытался повернуться, чтобы немедленно бежать к кораблю. Но Роско крепко держал меня за плечи, не позволяя вырваться.

— Свистун рассказывал тебе о судьбе, — сказал он. — Это моя судьба. Более того. Странники Вселенной всех рас и цивилизаций рыщут по галактике, пытаясь найти свое предназначение. Кто бы мог подумать, что удары деревянных колотушек по моему мозгу вызовут такие короткие замыкания и переключения в цепи умственных процессов, что мне вдруг станут доступны истины, доселе неведомые…

Я с трудом высвободился из его железной хватки.

— Капитан, — промолвил он.

— Ну, что еще?

— Вы так и не поверили. Вы все еще считаете меня дурачком. Поверьте, я — другой.

— Да нет же, — ответил я, — конечно, ты не дурачок. Честное слово, даже не знаю, как тебя благодарить.

— Мы же друзья, — воскликнул Роско. — Какие могут быть благодарности. Вы спасли меня, отобрав мой мозг у кентавров. Я освободил вас от ига

планеты. Это сделало нас друзьями. А сколько дней мы провели рядом у костра! Это тоже сделало нас друзьями…

— Да заткнись же ты, — оборвал я его. — Тоже мне, распустил слюни. Ты стал хуже Свистуна.

Я обошел его несуразный аппарат и вскарабкался по трапу на борт корабля. Роско залез вслед за мной.

Устроившись в кресле пилота, я проверил пульт управления. Все было в порядке. Можно было взлетать хоть сейчас. Мы могли немедленно покинуть планету и унести с собой тайну ее сокровищ. Конечно, в данный момент я не представлял, как перевести ее богатства в звонкую монету, но был уверен, что придумаю способ. Было бы что-нибудь стоящее, а уж как продать — это детали.

Неужели, спросил я себя, все свелось к тому, что у меня появился товар на продажу? Не просто еще одна планета (хотя ее тоже можно было выгодно реализовать), а бесценные знания, хранящиеся на планете в виде семян. Знания, которые сначала перехватывались в пространстве гигантскими приемниками-деревьями, затем трансформировались в семена. Семена разбрасывались по земле и тут же собирались прыткими грызунами,

которые не ели их, а складывали в огромные закрома и амбары до сбора урожая.

Но я также отдавал себе отчет в том, что знания — не единственное богатство планеты. Не только белый город и информационные ловушки в виде деревьев были ее достоянием. На этой планете любой человек мог бесследно исчезнуть (или испариться, как Тэкк), причем было невозможно понять, куда он девается. Переходит ли он в другую реальность, в другую жизнь, как перешел в свое третье естество Свистун?

Здесь существовала еще одна, более ранняя цивилизация, еще одна культура, процветавшая до того, как был построен город. Эта цивилизация сложила здание из красного камня, она создала деревянную куклу. Возможно, представителям этой культуры и была известна разгадка таинственных исчезновений.

Роско болтал что-то о многослойных реальностях. Может быть, в них следовало искать ключ к тайне? И если все это окажется правдой, интересно, существуют ли такие многослойные реальности только на этой планете, или это явление — общее для всех планет?

Я думал, что все это чепуха, и даже сейчас был уверен в своей правоте. Но Роско нашел способ

с помощью математических расчетов (если его манипуляции не относились к области черной магии) создать устройство, освободившее корабль. Не исключено, что его идея о реальностях тоже может оказаться не такой уж блажной.

Но все это не имело никакого отношения ко мне. Я вспомнил, чего же мне больше всего хотелось во время нашего похода по тропе. Ведь я не искал того, что искала Сара, Тэкк или Джордж, тем более Свистун. Я мечтал об одном — поскорее убраться с этой планеты. Теперь я мог это беспрепятственно сделать. В конце концов, каждый из нас, по-моему, достиг своей цели. Мне оставалось только задраить люк и включить двигатель. Для меня это было раз плюнуть, тем не менее, я почему-то колебался. Я долго сидел в кресле, уставившись на приборную доску. Что же меня удерживает, спрашивал я себя?

Может быть, причина в моем одиночестве? Мы прилетели сюда вчетвером, а теперь я должен возвращаться один.

Я старался сосредоточиться, чтобы сказать себе правду. Но, оказалось, быть честным с самим собой совсем не просто.

Тэкка и Джорджа уже не найти. Свистун вне досягаемости. Бессмысленно их разыскивать. Но

оставалась Сара. К ней я мог пойти, мог привести ее назад, во всяком случае, мог попробовать.

Я силился перебороть свои сомнения, почти не замечая странного пощипывания в глазах, и вдруг с ужасом осознал, что плачу, и это слезы текут из моих глаз и скатываются по щекам.

Сара, мысленно взывал я, Сара, Бога ради, ответь мне, зачем ты покинула меня, зачем тебе нужна эта долина? Почему ты не вернулась и не пошла со мной? Почему я не пошел за тобой и не забрал тебя?

Я вспомнил, как в ту нашу последнюю ночь, когда мы разговаривали у костра, она сказала, что между нами все могло бы быть хорошо. Да, да, у нас все было бы хорошо, если бы мы так не увлеклись погоней за легендой. Эх, зачем эта проклятая легенда оказалась правдой и все нам испортила!

А еще я вспомнил тот день, когда мы впервые встретились: она ждала меня в холле своего дома, и мы, взявшись за руки, пересекли холл и вошли в зал, где нас ждали Тэкк и Джордж.

Нет, дело не в Тэкке, не в Джордже, не в Свистуне. Даже не в Саре. Я все равно не решусь увезти ее силой. Есть кто-то еще.

Я выскочил из кресла и бросился в отсек, рас-

положенный за кабиной пилота. Здесь я нашел другое лазерное ружье.

— Мы возвращаемся, — сказал я Роско.

— Возвращаемся? — переспросил Роско. — За мисс Фостер?

— Нет, — отрезал я, — за Пэйнтом.

28

Конечно, это была сумасшедшая мысль: Пэйнт был только лошадкой. Если бы не мое вмешательство, он все так же лежал бы вверх тормашками, зажатый среди камней. Он говорил, что хочет попасть на Землю, а что он вообще знал о Земле? Он никогда не видел ее. Он даже спрашивал меня, что означает слово Земля. Он никуда не хотел лететь до тех пор, пока я сам не рассказал ему о Земле. И все же я не мог без жалости вспоминать его медленную поступь, когда я приказал ему идти к долине и ждать Сару, а он неохотно поплелся, стараясь не уходить далеко, чтобы расслышать, если я, передумав, попрошу его вернуться. Разве можно было забыть, как он отважно нес меня в седле на битву с кентавром. Хотя, надо честно признать, что ни мне, ни ему слава победы не принадлежала. Мы выиграли этот поединок только благодаря Саре.

— Мне хочется, — промолвил Роско, подстраиваясь со мной в ногу, — постичь в деталях концепцию множественных реальностей. Так бы я их назвал. Я уверен, что представление о них

уже оформилось в моем мозгу, только я пока не могу воссоздать целостной картины. Это что-то вроде головоломки, состоящей из множества деталей, — стоит только собрать их воедино и перед тобой предстанет целое, простое и естественное, а ты будешь удивляться, почему не мог дойти до решения сразу.

Мне пришло в голову, что если бы он вернулся к своему бессвязному бормотанию, было бы лучше. Оно все же не так действовало на нервы. По крайней мере, я к нему не прислушивался.

А теперь я должен вникать в его болтовню, чтобы добраться до сути его глубокомысленных суждений.

— Эта моя новая способность, — продолжал тем временем Роско, — приводит меня в замешательство, полагаю, что ее можно было бы окрестить чувствительностью к окружающей среде. Куда бы ты ни пошел, чем бы ни занимался, ты всегда чувствуешь, вернее, знаешь факторы окружающего тебя мира.

Я особенно не прислушивался к его словам, так как был занят своими мыслями. Я сомневался, стоило ли нам вообще возвращаться в долину. Разумнее было бы убраться с планеты подобру-поздорову. Правда, для того, чтобы сделать бизнес и

иметь доход с нашего открытия, следовало взять с собой несколько пригоршен семян, дабы исследовать их на Земле и выяснить, действительно ли они содержат ценные знания. А так можно было улетать с чистой совестью. Цель экспедиции была достигнута, программа выполнена: каждый получил то, что хотел.

Неоднократно я уже собирался было повернуть назад, но всякий раз продолжал идти вперед. Возникало ощущение, что чья-то сильная рука подталкивает меня в нужном ей направлении.

Когда мы вышли из города, не было никаких факторов присутствия ужасных звероподобных монстров. Все же я опасался, что они будут ждать нас на окраине, но признаться, даже желал новой встречи. Теперь, когда у меня было лазерное ружье, боязнь исчезла. Однако их не было. И мы спокойно пошли дальше мимо дремлющего под палящими лучами солнца красного здания, лежащего на земле ствола гигантского дерева и зловонной ямы, окружавшей зубчатую башню огромного пня.

Путь казался короче, чем наше первое путешествие. Мы летели на всех парах, словно догадываясь, что наше время ограничено. Вечерами Роско привычно расчищал участок земли

возле костра и продолжал выводить пальцем бесконечные формулы и уравнения, что-то бормоча себе под нос, как будто стараясь убедить в чем-то то ли меня, то ли себя самого.

И так вечер за вечером он все писал и бубнил, а я сидел рядом и, наблюдая за игрой пламени костра, старался понять, почему мы находимся здесь, а не за миллионы миль отсюда, в открытом космосе, на пути к своей галактике. Теперь я решился признаться себе, что не Пэйнт был причиной моего безрассудного порыва, хотя обязательство перед ним тоже повлияло на мое решение. И все же мой выбор зависел не от него — Сара притягивала меня к себе через многокилометровые пространства. Я видел ее лицо в отблесках костра, за прозрачной вуалью легкого дыма; видел ее вечно непослушный локон, щеку, испачканную дорожной грязью, и, главное — ее глаза, пристально глядящие на меня.

Временами я извлекал из кармана куклу и сидел, изучая ее лицо. Возможно, этим я хотел отвлечь себя от взгляда Сары, неотступно преследовавшего меня. Или, может быть, я смотрел на жестокое лицо игрушки в безумной надежде на то, что эти немые губы разомкнутся и ответят на мучивший меня вопрос. Меня не покидало

ощущение, будто кукла является необходимым и важным участником всего происходящего, и в резких чертах ее лица пересекаются неуловимые нити закономерностей и противоречий.

Наконец, после долгих дней пути мы взобрались на крутой склон и увидели холмистую, изрезанную оврагами равнину, открывающую дорогу к страшному ущелью.

Тропа сбегала вниз под гору, пересекала небольшую ровную площадку и, извиваясь, карабкалась по каменистым склонам холмов.

Вдалеке, почти рядом с линией, где тропа терялась в неровных складках местности, по направлению к нам двигалась какая-то точка, маленькая блестка, сверкающая на солнце. Я некоторое время удивленно наблюдал за ней, пока она не выползла на участок, где ее можно было лучше рассмотреть на контрастном фоне более темной земли. Теперь я не мог ошибиться — эту тряскую подпрыгивающую иноходь нельзя было ни с чем спутать.

Роско тихо сказал:

— Это — Пэйнт.

— Но Пэйнт не может пойти назад без…

И вот я уже мчался вниз по склону, размахивая руками и безумно крича. Роско бежал вслед за

мной.

Сара увидела нас издалека и помахала рукой в ответ. На расстоянии она была похожа на крошечную куколку с двигающимися ручками, посаженную верхом на лошадку-качалку.

Пэйнт несся к нам со скоростью ветра. Его полозья почти не касались земли. Мы встретились на ровной площадке. Прежде чем я подбежал к Саре, она уже успела спрыгнуть с Пэйнта. Боже, как восхитительно она кипела от бешенства!

— Ты снова добился своего! — кричала она на меня. — Я не смогла остаться. Ты все мне испоганил. Как я ни старалась, я не в состоянии была забыть того, что ты и Свистун мне напели. Ты знал, что так оно и получится. Ты все рассчитал. Ты был так уверен в себе, что даже оставил Пэйнта, чтобы он довез меня до города.

— Сара, — запротестовал я, — ради Бога, будь разумной.

— Нет, — орала она, — это ты меня послушай. Ты все испортил, ты лишил меня радости наслаждаться волшебством, ты, ты…

Она вдруг замолчала на полуслове, и было похоже, что она вот-вот разрыдается.

— Нет, не то, — сказала она уже спокойнее, — виноват не только ты. Все мы виноваты. С этими

нашими мелочными препирательствами…

Я быстро подошел к ней и обнял. Она приникла ко мне. Возможно, отвечая на мою ласку, она все еще продолжала меня ненавидеть, но я остался единственным человеком, на кого она могла положиться.

— Майк, — сказала она приглушенно, уткнувшись лицом в мою грудь. — Мы не выберемся отсюда. Все наши усилия ни к чему не приведут. Они нас просто не выпустят.

— Ты ошибаешься, — успокоил я ее. — Корабль свободен. Роско нашел способ распечатать его. Мы возвращаемся на Землю.

— Если благородный и полный надежд человек соблаговолит бросить только один-единственный взгляд, — вежливо вмешался Пэйнт, — ему сразу станет ясно, о чем говорит благородная леди. Они преследуют нас всю дорогу. Они, как гончие псы, идут по нашему следу. И они постепенно нас нагоняют.

Я поднял глаза и увидел их: их тела перекатывались через изрезанную холмами линию горизонта — на нас надвигалась могучая орда огромных зверей.

Они, толкая и сшибая друг друга, яростно мчались к нам, некоторые из них скатывались со

склонов под напором поджимавших сзади. Их были сотни, даже тысячи. Они наплывали, как волны, переваливаясь через вершины холмов и обтекая их с флангов.

— Они и сзади нас, — сказал Роско неожиданно тихим голосом, очевидно, прилагая значительные усилия, чтобы не показать охвативший его страх.

Я повернул голову и увидел, как они появляются на седловине хребта, через который мы только что перешли.

— Ты ведь нашел куклу? — сказала Сара.

— Какую еще куклу? — раздраженно спросил я. В такой момент она выбрала самый «достойный» предмет для разговора…

— Куклу Тэкка, — пояснила Сара. Она протянула руку и вытащила куклу из кармана моей куртки. — Ты знаешь, за все время, пока Тэкк носил ее с собой, я так ни разу и не удосужилась ее рассмотреть.

Я оттолкнул Сару и поднял ствол лазерного ружья. Роско перехватил мою руку.

— Их слишком много, — заявил он.

Я резко выдернул руку из его стального захвата.

— Интересно, чего ты ждешь от меня? — заорал

я на него. — По-твоему, нужно стоять смирно и ждать, пока они нас растерзают?

Зверей становилось все больше, целая тьма, и они приближались отовсюду. Мы были окружены. Волны их тел вскипали на склонах со всех сторон. Они образовывали сплошную бурлящую массу, а мы ютились на островке, который она была готова вот-вот поглотить. Они надвигались уверенно. Теперь они уже не спешили. Они обложили нас, как охотники — медведя в берлоге, и готовы были прикончить в любую минуту.

Роско упал на колени и разровнял ладонью пятачок земли.

— На черта тебе это нужно?! — завопил я.

Картина была потрясающая: мы были со всех сторон окружены кровожадными монстрами, и в это время Сара не нашла ничего лучшего как разглядывать куклу, а этот железный идиот, стоя на коленях, колдовал над математическими уравнениями.

— Иногда создается впечатление, что весь окружающий нас мир немножко сошел с ума, — невозмутимо провозгласил Пэйнт, но пока вы, капитан, и я на посту…

— Хоть бы ты помолчал! — рявкнул я на глупое создание.

Конечно, я не мог уложить их всех. Но большую часть я бы поджарил. Я бы нарезал из них тысячи дымящихся бифштексов с кровью, и тем самым деморализовал их. Эти звери были чересчур наглыми и самоуверенными: чувствовалось, что им никогда не приходилось сталкиваться с лазерным ружьем. О-о-о… сейчас они взмоют вверх в клубах дыма, навсегда испарятся. Если они вдруг решатся напасть, им придется дорого заплатить за первую попытку.

Но все же их было слишком много. Они полностью окружили нас, и как только стая приходила в движение, волны тел начинали колыхаться со всех сторон.

— Капитан Росс, — позвал Роско, — мне, кажется, удалось найти то, что нужно.

— Хорошо, оценка — «отлично», — ответил я.

Сара придвинулась вплотную ко мне. Ее винтовка свисала на ремне через плечо, а в руках была дурацкая кукла, которую она прижимала к груди, как в свое время делал Тэкк.

— Сара, — сказал я. И тут я произнес такое, чего не хотел говорить, произнес с дрожью в голосе, как это прозвучало бы из уст подростка, впервые решившегося на подобное признание. — Сара, если мы выберемся из этой переделки, может быть,

попробуем начать все сначала? С того момента, когда я переступил порог твоего дома на Земле, а ты встретила меня в холле, на тебе тогда было зеленое платье…

— И ты влюбился в меня с первого взгляда, — сказала Сара, — а потом ты оскорблял и высмеивал меня, а я отвечала тебе тем же, и все у нас пошло кувырком…

— Мы так с тобой, бывало, славно схватывались, — сказал я, — что будет обидно оставить наш спор незаконченным.

— Ты — хулиган, — заявила Сара, — и я тебя ненавижу. В некоторые моменты я была готова пробить тебе голову. Но когда я потом вспоминала эти мгновения, мне они почему-то казались самыми сладостными в моей жизни.

— Когда они бросятся на нас, не забудь пригнуться, чтобы не попасть под огонь. Я буду вести круговой огонь, пока…

— Есть другой выход, — перебила меня Сара. — Им воспользовался Тэкк. С помощью куклы. Древний народ изобрел куклу. Они понимали…

— Чушь собачья, — заорал я. — А Тэкк — просто урод и никто другой…

— Тэкк все понял, — заорала она в ответ. — Он понял, как можно использовать куклу. А Джордж

знал, что нужно делать, и без куклы. Свистун на твоем месте тоже смог бы понять.

Свистун, подумал я с грустью. Бочкообразная семенящая маленькая многоножка, со множеством щупалец на лице и жизнью, состоящей из трех фаз… Теперь он перешел в свой третий образ, оставив часть себя во мне и унеся большую часть с собой… Да, будь он здесь, от бы знал, что делать…

Я думал о нем и чувствовал его присутствие, его отзывное шевеление в моем мозгу, как тогда, в мгновения нашей наибольшей близости, когда мои руки и его щупальца были сомкнуты в крепком пожатии и мы оба были как единое целое.

И вдруг это ощущение вернулось ко мне — все то, что я тогда узнал и пережил, а потом безуспешно пытался восстановить в памяти. Это было смешанное чувство гордости, удивления и страха, да, именно страха, так как постижение тайн бытия немыслимо без сопутствующего ему трепетного испуга. Из сумбурного нагромождения знаний и эмоций постепенно начали прорисовываться четкие факты, наконец принявшие ясную форму. Только одна моя половина осталась мной самим, другая была Свистуном, точнее, не только им, а всеми его соплеменника-

ми, пришедшими вместе с ним. Они были рядом, благодаря способности, привитой мне Свистуном — способности, позволявшей проникать в чужой разум и схватывать смысл его знаний, словно на мгновение разрозненные интеллекты тысяч существ превращаются в один слитный коллективный ум. Тайные грани моего существа, неизмеренные глубины моего подсознания тоже вдруг открылись моему восприятию.

Для меня стало доступным все окружающее: интуиция Сары, тайное предназначение куклы, философская мудрость Пэйнта, смысл выведенных на земле уравнений Роско. Мне стала понятна многослойная структура скалы, которую я разглядывал, пребывая между жизнью и смертью — я постиг эту говорящую хронологическую таблицу, повествующую о течении времени и событиях, потрясавших когда-то эту планету.

И вдруг перед моими глазами открылась еще одна структура. Я видел ее так же ясно, как структуру времени, — конечно, не только своими глазами, но и глазами Свистуна и тех, других, вместе с ним. Передо мной лежало, как на ладони, множество вселенных, множество их самостоятельных уровней, в определенные временно-пространственные интервалы просту-

павших так же очевидно и реально, как были реальны слои геологических пород, хорошо известные любому геологу, способному читать их, как книгу. Только в моем случае это была не просто видимая картина: я одновременно видел, чувствовал и постигал разумом архитектонику окружающего мира.

Древние жители планеты знали об этом еще до того, как пришли «садовники». Они знали и чувствовали истину подсознательно и вырезали на лице куклы выражение, передающее восторг, удивление и ужас, вызванный их открытием. Джордж Смит понимал это, наверное, лучше, чем остальные; Тэкк, впадая в экстаз, порожденный его воображением, также подошел близко к истине еще задолго, до того, как нашел куклу; Роско помимо своей воли овладел тайной после встряски, устроенной его мозгу деревянными молотками кентавров.

А теперь и для меня все стало совершенно ясно.

Кольцо звероподобных монстров стало быстро сужаться, из-под их когтистых лап, взрыхляющих землю в стремительной скачке, поднимались густые облака пыли. Но они уже не могли нас испугать: они принадлежали другому миру, дру-

гому времени, другой реальности, и нам было достаточно сделать один маленький шаг и — оказаться далеко от них, в другом — лучшем мире.

Не знаю, как это произошло, но я ощутил переход всем своим существом: мы сделали шаг — и очутились в этом неведомом мире.

Это было очень странное место, окруженное объемными пейзажами, словно вытканными на гобелене. Оно порождало чувство ирреальности, но ирреальности, дружественной нам. Оно представлялось страной тишины и мира, неподвижности. Люди, населявшие эту страну, казалось, не проронили за свою жизнь ни одного слова, а лодка, застывшая на воде, — никогда не плыла по реке. Все, открывшееся перед моим взором: деревня и река, трава, облака, люди и собаки — было элементами неподвижной картины, искусно перенесенной на ткань много веков назад и не тронутой временем.

Цветные нити прочно легли на предназначенное место и замерли навсегда. Небо имело желтоватый оттенок, хорошо подчеркнутый отражением в воде, скромные дома были окрашены в коричневато-красный цвет, а зелень деревьев была не той привычной глазу зеленью природной растительности, а мастерски выполненной

композицией, созданной для украшения стен. И все же от картины веяло человеческой теплотой и доброжелательностью. А нараставшая уверенность, что однажды войдя в этот пейзаж, ты уже не сможешь его покинуть, органично вплетясь в фактуру полотна, проникнув в выделку материи, слившись с ее красками, была загадочно приятна.

Мы стояли на высоком пригорке. Все были на месте. Не было только куклы, кукла осталась в покинутом нами мире, возможно, чтобы послужить кому-то другому. Не было не только куклы, не было оружия. Винтовка уже не висела на плече Сары, куда-то исчезло и мое лазерное ружье. Видимо, здесь тоже действовали определенные правила. Некоторые предметы и, вероятно, свойства характера нельзя было приносить в эту страну.

— Майк, — мягко сказала Сара, — это та земля, которую мы искали. Это — тот мир, за которым охотился Найт. Но ему не удалось найти его, так как он не сумел разыскать куклу. Или он упустил еще что-то важное. Много дорог могло привести его сюда.

Я крепко обнял ее. Она подняла лицо, и я поцеловал ее.

Глаза Сары сияли от радости.

— Мы не будем возвращаться, — сказала она. — Мы больше не вспомним о Земле.

— Мы не можем вернуться, отсюда нет пути назад.

Здесь не было места чувству ностальгии, влекущему человека к родному дому. Мы оставили его в том мире, как и многое другое, хорошо известное или привычное нам. Так ребенок, подрастая, забывает свои старые игрушки.

Внизу виднелись река и деревня. Поля и леса тянулись до самой линии горизонта. И каким-то образом я понимал, что этот мир бесконечен, в нем переставало действовать время и в этой вечной и неизменной стране было место для каждого.

Где-то здесь поселились Смит и Тэкк, возможно, Свистун. Но мы, наверное, никогда не смогли бы разыскать их, так как не испытывали в этом потребности. Пространства этой земли были необъятны, и стимулы к путешествиям здесь пропадали.

Ирреальность исчезла, хотя сочные краски гобелена остались.

Лодка плыла по реке, даже слышны были удары весел. Маленькие дети — мальчики и девочки

— бежали к нам с криком, радостно лаяли собаки: они спешили в гору нам навстречу. Взрослые в деревне дружелюбно смотрели на нас. Некоторые махали руками.

— Пойдем к ним, — предложила Сара.

И мы все вчетвером начали спускаться с горы навстречу новой жизни.